

В. Ю. Сокол

**ЗАТЯНУВШИЙСЯ ТРИУМФ
ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
КРИМИНАЛИСТИКЕ**

Краснодар
2019

УДК 343.98
ББК 67.52
С 593

ISBN 978-5-600-02500-4

Автор:

Сокол В.Ю. – кандидат юридических наук, доцент.

Рецензенты:

Гриценко В.П. – доктор философских наук, профессор;

Данильченко Т.Ю. – доктор философских наук, доцент.

С 593

Сокол В.Ю. Затянувшийся триумф теории отражения в отечественной криминалистике: монография / В.Ю. Сокол. – Краснодар, 2019. – 324 с.

На основе перекрестного использования разных количественных и качественных методов, в том числе и исторической реконструкции социально-политической обстановки активного внедрения положений теории отражения в советскую криминалистику, исследуются идеолого-политические и иные причины широкого распространения этой теории в отечественной криминалистике, разоблачается мифологический характер так называемой «криминалистической теории отражения», а также обосновывается необходимость пересмотра (переосмысления) догматического отношения к теории отражения и ее роли в современной криминалистике.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется современной криминалистикой.

ISBN 978-5-600-02500-4

УДК 343.98
ББК 67.52

© Сокол В.Ю., 2019

*Посвящается моим критикам,
без которых не было бы этой книги*

ВВЕДЕНИЕ

В 2017 году была издана моя монография «Кризис отечественной криминалистики», в которой была предпринята попытка проанализировать качественные перемены российской криминалистики, произошедшие за последние десятилетия, а также оценить ее нынешнее состояние. Монография вызвала интерес не только в России¹, но и за рубежом².

Очень был рад тому, что многие исследователи взяли на себя труд прочитать мою работу. Особенно благодарен Д. Маверу (D. Maver), А.Ф. Волынскому, Р.Г. Ардашеву, Н.Н. Китаеву и В.Н. Китаевой³.

К сожалению, также выяснилось, что есть и такие критики, которые, видимо, не тратили свое время на чтение монографии, что, однако, не помешало им высказать свое отношение к ней. Особенно забавным было то, что отдельные из них (в том числе и весьма именитые) активно критиковали меня за те положения, о которых я ничего не писал в своей работе.

В отечественной криминалистике накопилось много проблем, противоречий, парадоксов. К числу таких парадоксов относится и то, что до настоящего времени доминирующее положение в отечественной криминалистике продолжает занимать концепция общей теории криминалистики Р.С. Белкина, базирующаяся на догматично трактуемом философском понятии отражения.

Еще в 1970 г. Р.С. Белкин заявил о теории отражения как гносеологическом фундаменте криминалистической науки и ее практических приложений в своей работе «Ле-

¹ Например: Гриценко В.П. Рецензия на монографию Сокола В.Ю. «Кризис отечественной криминалистики: монография» // Наука и мир. Международный научный журнал. 2018. № 8 (60). С. 80-81.

² Например: V.J. Sokol. Krizis otečestvennoj kriminalistiki: Krasnodar, 2017, 332 strani: (Krizis domače kriminalistike) / Darko Maver // Revija za kriminalistiko in kriminologijo. Ljubljana 70. 2019. № 1, pp. 49-52.

³ Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Рецензия на книгу В.Ю. Сокола «Кризис отечественной криминалистики» // Закон и право. 2017. № 8. С. 121-122.

нинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики»¹. С тех пор теория отражения продолжает безраздельно господствовать в отечественной криминалистике, а посвящаемое ей большое количество работ носит преимущественно клишированный, догматизированный, ритуальный, «парадно-описательный» или публицистически-идеологический характер. Представляя собой преимущественно набор абстрактных (философских) и общих рассуждений, к тому же значительно устаревших, она отличается явной неспособностью обеспечивать эффективное решение современных теоретических и практических задач борьбы с преступностью.

В указанной монографии в двух разделах «О теории отражения в отечественной криминалистике» и «Критика теории отражения в философии и психологии» излагались критические замечания в адрес т. н. «ленинской теории отражения» и использования положений философской теории отражения в отечественной криминалистике. В частности, высказывались претензии к идеологической ориентации философского основания криминалистики на догматический марксизм (наивный реализм); отмечались многозначность и неопределенность понятия «отражение»; обращалось внимание на трактовку субъекта познания как пассивного регистратора внешних воздействий, недооценку конструктивного характера деятельности субъекта познания; игнорирование в познании роли языка (текста), его структуры и т.д.

В СССР не было альтернативы марксистскому пониманию науки как отражения действительности. Такая ситуация была типичной для всей отечественной науки того времени. Например, и в советской психологии «философская категория отражения легла в основу объяснения развития и принципов функционирования психики»².

Теория отражения, по словам В.А. Лекторского, «была для нашей философии неоспоримой идеологической догмой, которую нельзя было атаковать в лоб»³.

Однако использованные в криминалистике с 1970 г. Р.С. Белкиным положения догматизированной теории отражения превратились в отечественной криминалистической науке в «образец для подражания», следование которому обеспечивало исследователям идеологическую лояльность, благополучие и признание со стороны криминалистической элиты. Очевидно, что в советский период времени не было (да и не могло быть) никакой критики имеющей ярко выраженный политико-идеологический характер «криминалистической теории отражения».

Но, если в СССР не было альтернативы марксистскому пониманию науки как отражения действительности, то и в постсоветский период отечественная криминалистика по-прежнему базируется на устаревших философских представлениях, не замечая (или не желая замечать) существенных познавательных проблем при использовании теории отражения (абстрактность, механистичность, неполнота и т.п.).

Удивительно то, что отечественные криминалисты фактически проигнорировали критику гносеологического принципа отражения, которой она была подвергнута после 1991 г. отечественными философами и психологами¹. Так, Е.А. Мамчур констатировала: «В советские времена существовала обязательная для всех ученых и философов ленинская теория отражения. В настоящее время она кроме критики ничего не вызывает»². Развернутая и взвешенная критика теории отражения была представлена в работах выдающегося российского философа В.А. Лекторского, занимавшегося пересмотром отечественного наследия в области теории познания в духе неклассической эпистемологии.

В настоящее время интерес к философской теории отражения в России со стороны профессиональных философов значительно снизился³, если не исчез вообще, тогда как отечественные криминалисты по-прежнему считают эту теорию

¹ Аверьянова Т.В. Рафаил Самуилович Белкин (к 85-летию со дня рождения) // Вестник криминалистики. Выпуск 2 (22). М.: Спарк, 2007. С. 7-8.

² Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 2015. С. 201.

³ Митрохин Л.Н., Лекторский В.А. О прошлом и настоящем (беседа) // Субъект, познание, деятельность. М.: Канон+ОИ «Реабилитация», 2002. С. 43.

¹ Грецков В.В. Развитие гносеологических концепций отражения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Киров, 2012. С. 3.

² Мамчур Е.А. О концепции «внутренней» истины // Философский журнал. 2008. № 1. С. 73.

³ Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 217.

в современной криминалистике бесконечно актуальной, неоспоримой, сверхважной и вневременной.

В.И. Пржиленский справедливо отмечает, что «расхождение между современным уровнем развития философского знания и теми философскими положениями, которые применяются при построении правовых теорий, становится все более вопиющим»¹.

В современных учебниках по криминалистике по-прежнему пишут о методологии диалектического материализма как вершине философской и методологической мысли. Тогда как В.И. Пржиленский обоснованно констатирует следующее: «А вот российские философы последние два десятилетия стараются не упоминать ни саму методологию диалектического материализма, ни соответствующую ей терминологию. Слишком уж архаичной и недееспособной казалась она на фоне того пути, который был проделан в XX в. немецкими, французскими или англо-американскими философами»².

Важно отметить, что «элита» нынешнего криминалистического сообщества успешно защитила свои диссертации в эпоху торжества теории отражения. Приверженность этой теории позволила многим из них стать успешными, хотя и не всегда эффективными на практике. Подавляющее большинство представителей криминалистической элиты продолжают свою дальнейшую работу в привычных для них рамках этой теории, особо не заботясь о проведении полевых исследований реальности («на земле») с целью повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Как известно, «авторы прошлых крупных открытий и их ближайшие соратники менее чем кто-либо другой способны отказаться от своих идей»³.

К сожалению, значительная часть отечественной криминалистической элиты так и не сформировала у себя устойчивого желания изучать реальность, а также трезво оценивать социальную полезность своей деятельности. Возможно, у

них гораздо более высокая и благородная задача – формирование у студентов некоего единственно верного философского мировоззрения, криминалистической идеологии и правильного понимания философии криминалистики. Тогда как понимание мировоззрения, основанного на принципах прагматизма, социального конструктивизма, полезности для общества и, в конце концов, здравого смысла, которым, к сожалению, обладают не все нынешние ученые-криминалисты, нередко признается ими ненаучными примитивным.

Складывается впечатление, что сегодня всерьез об отражении во всей отечественной науке говорят только криминалисты, а по отношению к теории отражения в отечественной криминалистике по-прежнему идет опознание по принципу «свой-чужой».

Более того, так называемая «криминалистическая теория отражения» превратилась чуть ли не в факт национальной криминалистической гордости с максимумом положительных оценок в ее адрес и минимумом исследований ее реальных познавательных возможностей на практике. Эта теория фактически находится вне критики в российской криминалистике. Тогда как К. Поппер отождествлял научный метод с критическим методом, а также утверждал, что научная теория не может быть признана истинной, если она не поддается фальсификации.

Под критическим мышлением понимается «последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний, с целью выяснения их соответствия фактам, нормам и ценностям»¹. Критическое мышление является формой рационального мышления и служит необходимым условием принятия эффективных решений².

«Криминалистическая теория отражения» в отечественной криминалистике мифологизирована, дает упрощенную картину мира, а также дополняется истовой мистической

¹ Пржиленский В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия // Lex Russica (Научные труды МГЮА имени О.Е. Кутафина). 2013. № 4 (Том LXXVII) С. 354.

² Там же.

³ Маркова Л.А. Социальная эпистемология – в контексте прошлого и будущего. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 104.

¹ Диев В.С. Междисциплинарные проблемы и рациональные решения в «обществе риска»: новые возможности философии // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Басовой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 12.

² Там же.

верой ее последователей в необычайные гносеологические (познавательные) возможности выявлять и описывать некие криминалистические сущности, закономерности и взаимосвязи. По большому счету в лице «криминалистической теории отражения» был создан своеобразный симулякр (фантом), призванный заменить собой криминалистическую реальность, а также затемнить главную задачу криминалистики, состоящую в ее способности успешно решать возникающие на практике проблемы раскрытия и расследования преступлений. Изложенное свидетельствует о том, что отечественная криминалистика переживает период глубочайшего теоретико-методологического кризиса.

Предполагалось, что после прочтения критических положений о недостатках классической ленинской теории отражения, а также проблемах ее использования при формировании общей теории отечественной криминалистики у многих криминалистов произойдет переоценка (переосмысление) догматически понимаемого в криминалистике понятия отражения и его действительного значения для этой науки. Однако этого, по всей видимости, не произошло. Как остроумно заметил В.М. Сырых, «шансы на то, что оппоненты раскаются в своих заблуждениях, придут с цветами или коньяком и от всей души поздравят автора с творческой удачей, весьма призрачны»¹.

Видимо, моих критиков не убедили аргументы, высказанные в монографии 2017 года. С учетом этого, в новой книге были исследованы исторические условия появления теории отражения в криминалистике, а также подвергнуты дополнительному исследованию многочисленные проблемы, возникающие при использовании теории отражения в отечественной криминалистике. Высказанные в работе критические замечания в адрес теории отражения были направлены не только на то, чтобы разоблачить ее идеологизацию, но и показать ее нынешнюю неспособность давать эффективные ответы на современные вызовы и обеспечивать тем самым оптимальное решение проблем практической борьбы с преступностью.

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 2. Логика правового исследования. М.: Юстицинформ, 2004. С. 429-430.

Интерес к философской метафоре «отражения» далеко не случаен. Будучи концептуальной философской метафорой, «отражение» задает специфику парадигмы общей теории отечественной криминалистики, оказывает существенное влияние на выбор методологических установок исследователей, на процесс конструирования образа реальности и создание языковой криминалистической картины мира.

За научной школой Р.С. Белкина в криминалистике стоит философская метафора, имеющая характер визуального образа, на основе которого и сконструирована общая теория криминалистики, созданная в 70-80-е гг. прошлого столетия. Формируя представление об объекте, метафора предопределяет способ и стиль мышления о нем¹.

Будучи философской категорией, метафора «отражение» не имеет устойчивых семантических характеристик и при дальнейшем использовании может выражать разные значения и смыслы в философских и научных текстах. «Туманность», неопределенность и одновременно с этим «мнимая очевидность» философской метафоры отражения затрудняет ее адекватное понимание, в том числе и в криминалистических текстах.

Хотя слово «отражение» прочно вошло в язык отечественной криминалистики, оно так и не приобрело статус криминалистического термина, не получило четкого и однозначного научного определения и не занимает определенной «ячейки» в понятийно-категориальном аппарате криминалистики, что дает основание признавать «отражение» неким словом-призраком или «фантомным понятием» в отечественной криминалистике.

В настоящее время общепринят взгляд, согласно которому именно наличие проблем рассматривается как основной источник активного творческого мышления и поступательного развития науки. Проблемная ситуация возникает в тех случаях, когда для ее решения недостаточно наличных (имеющихся) знаний или известных способов действия.

¹ Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Якутск, 2000. С. 17.

Не вызывает никаких сомнений нынешняя неспособность отечественной криминалистики убедительно отвечать на возникающие проблемы практики раскрытия и расследования преступлений, что влечет за собой утрату доверия к криминалистике не только стороны практических работников, но и общества в целом, которое переживает чувства страха и беспомощности перед разгулом преступности в стране. В свою очередь, Р.Р. Рахматуллин справедливо констатирует, что «следователи все реже обращаются к криминалистике», которая «потеряла свою былую значимость»¹.

Имеющаяся информация о раскрытии многих «резонансных» преступлений свидетельствует о том, что их исполнители безнаказанно занимались противоправной деятельностью в течение многих лет. Поэтому вывод о том, что сотрудники правоохранительных органов плохо выявляют и раскрывают преступления – это упрек и в адрес самой криминалистики, которая исторически возникла как «наука о раскрытии преступлений (Untersuchungskunde)». Следовательно, не вызывает сомнений тот факт, что криминалистика (и криминалисты) несет существенную долю ответственности за нераскрытые в стране преступления, а также весьма пассивную позицию в решении этой проблемы.

Необходимы новые механизмы практической встроенности криминалистики в жизнь российского общества, выбор новых путей ее взаимоотношений с обществом. А это невозможно сделать без критического анализа содержания общей теории отечественной криминалистики, базирующейся на догматических положениях теории отражения, и рассматриваемой в качестве ее парадигмы, а также проверки ее соответствия реальному познавательному процессу и практике.

В то же время «традиционная» или «академическая» отечественная криминалистика продолжает работать лишь в тех областях, которые уже давно в ней устоялись, и исследует главным образом только те объекты, которые давно определены, не замечая произошедших кардинальных перемен ни в обществе в целом, ни в практике борьбы с

преступностью. По мнению криминалистической «элиты», в современной криминалистике все в целом хорошо: никакого кризиса в криминалистической науке нет; страна не задыхается в «криминальном капкане»; нет ничего катастрофического в том, что не раскрывается половина зарегистрированных преступлений и т.п.

Особенно драматичным следует признать то обстоятельство, что значительная часть (если не большинство) отечественных криминалистов пребывает в благодушном состоянии, возможно даже и эйфории, вызванной видимым изобилием криминалистических научных журналов, книг и статей, внушительным числом защищаемых диссертаций, шумными и помпезными конференциями, съездами, конгрессами и т.п. При этом мало кто отваживается адекватно оценивать действительное качество и новизну современной криминалистической продукции, а также ее реальную востребованность практикой.

О.Я. Баев писал в 2018 г. следующее: «Криминалистика – не в кризисе. Она в своем «нормальном» состоянии. Она, как и любая другая наука, не терпит застоя, находится в состоянии своего поступательного развития, постоянного осмысливания возникающих перед ней проблем, изыскания и разработки путей (средств, методов и т. д.) их рационального разрешения»¹. Но при этом он далее отмечал, что «сейчас зачастую криминалистике студентов обучают преподаватели, знающие, как расследовать преступления, в основном по монографиям, научным статьям и детективным телесериалам»². Неужели только эти слова О.Я. Баева не являются ярчайшим подтверждением кризиса отечественной криминалистики? Или отрыв криминалистической науки от реальности, ее излишняя теоретизация, постепенное превращение в «науку преподавания», тиражирующую многочисленные «криминалистические мифы» и т. д. является «нормальным состоянием» этой науки?

Многим представителям криминалистической «элиты» почему-то не нравится (или даже страшно возмущает) само

¹ Баев О.Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2018. № 3 (20). С. 96.

² Там же. С. 98.

¹ Рахматуллин Р.Р. Раскрытие преступлений и некоторые критерии оценки работы следователей // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2. С. 228.

слово «кризис», используемое для характеристики нынешнего состояния отечественной криминалистики.

Если основная проблема заключается только в этом слове, то его без особых затруднений можно заменить на такие синонимы как «застой», «стагнация», «аутизм», «аномия», «депрессия», «самолюбование», «самодовольство», «туземность» и т. д.

Возможно суть заключается в другом: в болезненном нежелании отдельных представителей нынешней «элиты» связывать каким-либо образом кризисное состояние своей науки с личной ответственностью за качество современного криминалистического знания. Неслучайно С.В. Горюнков выделяет «заметное (мягко говоря) засилье в науке людей, никакого отношения к ней, кроме потребительского, не имеющих, но неплохо в ней устроившихся благодаря сознательному паразитированию на господствующих в науке общетеретических фантомах и фикциях»¹.

«Традиционная» криминалистика по-прежнему считает, что она успешно развивается, а ее представители знают всё или почти все, не замечая, что продолжают заниматься преимущественно комментированием давно устаревших догм, не подвергая ни малейшему сомнению их мнимую способность давать объяснение любым проявлениям криминалистической реальности. Кроме того, сторонники такой «академической» криминалистики отдают значительное предпочтение верифицирующей (подтверждающей) стратегии, нежели фальсифицирующей; преувеличивают значение выводов неполной индукции; отдают приоритет общим выводам, нежели эмпирическим данным; стараются не замечать фактов, противоречащих догматизированным положениям. Хотя еще Б. Рассел отмечал: «Сколько бы фактов в подтверждение гипотезы мы ни обнаружили, это еще не свидетельствует о ее истинности, хотя в конце концов она может оказаться весьма вероятной; в таком случае ее называют не гипотезой, а теорией»².

¹ Горюнков С.В. Фантомы и фикции исторической науки: анализ методологической ситуации // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 2 (март-апрель). С. 34–76. // URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Goriunkov_Phantoms-Fictions-History/ (дата обращения: 11.05.2019).

² Рассел Б. Наука и религия. Главы из книги // URL: http://lib.ru/FILOSOF/RASSEL/n_and_r.txt (дата обращения: 11.05.2019).

«Но что в таком случае представляет собой «экспериментальное» доказательство? Если просмотреть обширную литературу семнадцатого века по колдовству, то окажется, что она полна сообщений о тщательных наблюдениях, заверенных свидетельскими показаниями и даже экспериментами. Глэнвилль, штатный философ раннего Королевского общества, относил колдовство к парадигме экспериментального доказательства»¹. «Таким образом, суждение может стать и псевдонаучной догмой, и подлинным знанием, в зависимости от того, готовы ли вы искать опровергающие его условия»².

В литературе верно обращается внимание на то, что правоведа часто отбрасывают в эмпирическом материале те явления и факты, которые, на их взгляд, не соотносятся со сложившимися представлениями³. Догматический стиль мышления как раз и «характеризуется не критическим отношением к однажды принятым положениям и нежеланием по новому увидеть изменения объекта»⁴.

Отличительными особенностями ныне господствующей парадигмы в криминалистике являются заявления о приверженности только одной (единственно верной) диалектико-материалистической теории познания; упрощение действительности; приоритет теории над эмпирическими данными; верховенство авторитета; значимость веры и убежденности, а также фактическое игнорирование человека как живого целостного субъекта, несмотря на многочисленные декларации о тесной связи с практикой, которые больше напоминают заклинания.

Изложенное в полной мере относится и к сторонникам теории отражения в криминалистике. Имеющаяся у них

¹ Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // URL: <http://www.lse.ac.uk/collections/lakatos/ScienceAndPseudoscience.htm> (дата обращения: 11.05.2019).

² Там же.

³ Например: Кисленко С.Л. Современная модель уголовного судопроизводства: тенденции интеграции в систему криминалистического знания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4 (16). С. 208; Боруленков Ю.П. Методология юридического познания // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 64.

⁴ Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник. Учебное пособие. Орёл: ОГУ, 2010. С. 152.

односторонняя установка на подтверждение только этой теории препятствует критическому отношению к ней, не позволяет обращать внимание на противоречащие ее догмам эмпирические данные, препятствует рассмотрению альтернативных представлений о познании и его механизмах.

Искушенного исследователя не должно смущать мнимое наличие в отечественной криминалистике различных криминалистических школ. Прежде всего, эти школы мало занимаются действительно острыми и злободневными проблемами, поскольку признают в главном бесспорность догматических мировоззренческих и методологических схем и дискутируют главным образом по второстепенным вопросам или частностям. Нередко при этом многие дискуссии в криминалистике – это некий ритуал, ролевые игры. Имеющиеся между ними различия нивелируются рамками одной гносеологической парадигмы. Именно внутренняя общность философских оснований различных школ отечественной криминалистики и позволяет относить их к единой научной парадигме.

Без осознания кризиса отечественной криминалистики невозможен дальнейший критический пересмотр ее устаревших мировоззренческих и методологических основ, прежних научных стандартов, идеалов и ценностей научного познания, понятийного аппарата и т. д.

Преодоление кризисного состояния современной отечественной криминалистической науки напрямую зависит от активности усилий криминалистического сообщества по ее модернизации на основе концептуальных идей постнеклассической научной парадигмы и адекватно познанных современных потребностей практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Ведь от того, что мы как-то привыкли (или приспособились) к нынешней сложной ситуации, сложившейся как в стране в целом («общество риска»), так и в криминалистической науке и на практике, вовсе не следует, что подавляющее большинство из нас чувствует себя комфортно и нас все устраивает.

С большим воодушевлением также сообщаю, что изучение интересующей литературы по теме проведенного исследования способствовало признанию усиливающейся в криминалистическом сообществе готовности всё большего

числа отечественных криминалистов критически переоценить (переосмыслить) богатое криминалистическое наследие, в том числе и в «неклассическом ключе», пересмотреть привычные (традиционные) взгляды и догмы, оспорить прежние фундаментальные допущения, избавиться от устаревшего и ненаучного криминалистического знания.

Эта книга предназначена для всех тех, кто не удовлетворен нынешним состоянием отечественной криминалистики, кто стремится освободиться от идеологических пут и застарелых мифов, затрудняющих детальное изучение процессов, происходящих в отечественной криминалистической науке и практике. Для этого читателям необходимо запастись терпением и прочитать всю книгу.

Особенностью данной книги является перекрестное использование разных методов, направленных на то, чтобы показать социально-политическую и научную обстановку внедрения положений теории отражения в отечественную криминалистику, а также ведущую роль в этом Р.С. Белкина.

Содержание концептуальных положений теории отражения, внедряемых Р.С. Белкиным в отечественную криминалистику, исследовалось в широком «жизненном» контексте его профессиональной деятельности, что позволило выявить связи между социально-политическими особенностями жизни страны и содержанием профессиональных взглядов Р.С. Белкина. Без такого подхода невозможно понять идеолого-политические причины распространения теории отражения в криминалистике, а также мотивы и необходимость пересмотра (переосмысления) догматического отношения к этой теории в современной криминалистике.

Особо подчеркну, что не призываю огульно отвергнуть все то положительное, что было достигнуто отечественной криминалистикой в прошлом. Речь идет о другом. Признание исторического характера любого научного знания и его социокультурной обусловленности настоятельно требуют проведения работы, направленной на обязательное изучение социального контекста и ценностей той эпохи, в которой эти знания получались и использовались; преодоление консервативных познавательных традиций в криминалистике, а также необходимости систематизации, переосмысления и переоценки имеющегося криминалистического знания, выделения в

нем действительно ценного и требующего дальнейшего развития знания, отделения от него ошибок, устаревших мнений, предрассудков и т.п. форм ненаучного и псевдонаучного знания. Как верно отмечает Ю.А. Чельцова, «с изменением исторических условий изменяются и многие изучаемые нами явления, следовательно, не могут быть стабильными, застывшими и отражающие их понятия»¹.

Надеюсь, что читатели найдут время и силы для прочтения книги, которая окажет посильный вклад в обоснование необходимости замены устаревшей научной парадигмы отечественной криминалистики и будет способствовать ее дальнейшему развитию.

Меня интересует ваше мнение о книге. Буду рад получить ваши предложения и замечания по электронному адресу: **sokol-krim@mail.ru**

1. МИФЫ И МИФОТВОРЧЕСТВО В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Работы К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и других исследователей науки подвергли обоснованной критике концепцию объективности и нейтральности научного знания, а также способствовали переосмыслению ценностно-познавательных установок науки. Выяснилось, что научное знание зависит от общих культурных и познавательных установок эпохи.

О.В. Полстовалов справедливо отмечает: «Объективность, в которой мы долгое время видели исключительно знания, не зависящие от чего бы то ни было субъективного, случайного, привнесенного, интерпретационного, на волне диалектического материализма из науковедческой проблематики по существу вычеркивала главное звено – познающего субъекта»¹. Поэтому «исключение познающего субъекта из прикладных социальных наук утилитарного свойства, ориентированных на познание объектов реальной действительности, событий, явлений и фактов прошлого, – ни чем не оправданная дань диалектико-материалистической теории познания»².

Кроме того «обнаружилось» и присутствие мифологических структур «в теле» современной науки.

Как ни парадоксально, но мифологическое знание не противостоит и криминалистической науке, а органично вплетено в ее содержание, оказывая существенное влияние на способ мышления криминалистов. Разумеется, речь при этом идет не об архаичных (древних), а о современных мифах.

По словам П. Фейерабенда, «миф гораздо ближе к науке, чем представляется с философской точки зрения»³.

¹ Полстовалов О.В. О личности следователя как объекте криминалистического анализа // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н.П. Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / ред.-сост. М.А. Лущечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 96.

² Там же.

³ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 297.

¹ Чельцова Ю.А. Соотношение термина и понятия в криминалистической науке // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 1-2. С. 370.

«Любопытно, что мифологическое знание не противостоит науке, а органично вплетается в научный институт, вызывая нарекания лишь со стороны ученых, придерживающихся радикальных рациональных взглядов»¹. «Происходит смещение семантических полей, когда научные понятия наполняются мифологическим содержанием, а для объяснения мифологических концептов используется научный аппарат»².

«Миф и наука имеют изначально общую цель – познать мир, сделать понятными процессы, происходящие в нем, и тем самым консолидировать общество, нацелены на создание целостной картины мира. Однако миф подменяет реальный мир, что приводит к отрицательным последствиям, влекущим за собой не только мировоззренческие, психологические проблемы, когнитивный диссонанс, но и влияющим на социально-гносеологическую активность субъекта, на его мотивацию к глубокому постижению происходящего (миф, как правило, «успокаивает, усыпляет» социальную активность)»³.

Хотя исследование проблематики взаимоотношений мифа и науки имеет в истории человечества достаточно длительную историю, однако в криминалистике этот вопрос специально не исследовался.

Проблема влияния мифологизации на формы и способы реализации криминалистикой своих социальных функций в отечественной криминалистике еще ждет своего изучения.

Вместе с тем, отдельные криминалисты (Р.С. Белкин⁴, Г.К. Авдеева⁵; Ю.П. Гармаев⁶; Н.Н. Китаев⁷; М.Е. Клюко-

¹ Барышников П.Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб.: Алетей, 2010. С. 127.

² Там же. С. 128.

³ Михалевская А.С. Миф и наука: проблемы взаимодействия в современном обществе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Иваново, 2015. С. 16.

⁴ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2001. С. 211.

⁵ Авдеева Г.К. Криминалистические экспертизы: реальность или миф? // Криминалист первопечатный. 2016. № 13. С. 74–87.

⁶ Гармаев Ю.П. Теоретические проблемы формирования частных криминалистических методик расследования преступлений // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2003. № 1. С. 49-65.

⁷ Китаев Н.Н. Экстрасенсы в правоприменительной деятельности: Мифы и реалии // Вестник криминалистики. Выпуск 2 (18). М.: Спарк, 2006. С. 27-35.

ва, Р.Р. Рахматуллин и А.Ю. Верин¹; Я.В. Комиссарова² и др.) в своих работах поднимали тему мифов в криминалистике. Так, Р.С. Белкин наряду со словом «миф» употреблял и такие слова как криминалистические «фантомы», «иллюзии» и «иллюзорные криминалистические концепции и теории»³.

Ю.П. Гармаев говорил о наличии «целой системы мифов в криминалистике», о том, что, пытаясь решить общие и частные проблемы формирования новых методик, современная криминалистика «обнаучила» и закрепила некоторые старые ошибки и концептуальные заблуждения⁴.

Важно отметить, что среди криминалистов понятие мифа ассоциируется преимущественно с ложью (выдумкой, заблуждением, иллюзией, обманом, ошибкой и т.п.) в отличие от истинного, достоверного, проверенного на практике научного знания.

Такая трактовка мифа является в принципе верной, но упрощенной. Как отмечает А.В. Ставицкий, миф – это не просто аналог лжи (обмана), а универсальное явление культуры, особый тип знания и ценностных представлений, данность человеческого сознания, удовлетворяющая социокультурную потребность в целостном (образно-символическом) знании, способная организовывать человеческую жизнь⁵.

Единого определения мифа в настоящее время не существует, по-разному он трактуется и в различных науках. По словам Ч.А. Бийгельдиевой, существуют следующие трактовки мифа: лингвистическая (М. Мюллер), ритуально-социологическая (Э. Тайлор, Дж. Фрезер, Б. Малиновский), психоаналитическая (З. Фрейд, К.-Г. Юнг), символическая (Э. Кассирер), структуралистская (К. Леви-Строс) и тран-

¹ Клюкова М.Е., Рахматуллин Р.Р., Верин А.Ю. Раскрытие преступлений – миф или реальность? // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 133-138.

² Комиссарова Я.В. Криминалистическая полиграфология: миф или реальность? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 96-108.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 8, 219 и др.

⁴ Гармаев Ю.П. Теоретические проблемы формирования частных криминалистических методик расследования преступлений. С. 133-138.

⁵ Ставицкий А.В. Мифология: учебное пособие. Севастополь: Филиал МГУ в Севастополе, 2016. С. 8-10.

сцендентальная (К. Хюбнер), раскрывающие различные стороны функционирования мифологического сознания¹.

В.М. Найдыш отмечает, что «миф – это:

- любое неистинное, ложное знание, субъективно-ценностное представление, несущее в себе момент условности, невысказанности, относительности;

- преднамеренный обман, ложное или искаженное представление о действительности;

- заблуждение, в котором тесно переплетаются истинное и ложное, реальное и воображаемое;

- то в сознании, что противоречит личному опыту, не получило (или не может, не хочет получить) научно-доказательного обоснования;

- то, с чем апеллируют не к разуму, мышлению, рас судку, здравому смыслу, а к чувствам, эмоциям (такими являются, например, многие пропагандистско-идеологические утверждения, лозунги, призывы, стереотипы массового сознания);

- утверждения, выражающие не знания или ценности, а веру во что-либо, свод убеждений, сюжетно оформленную догматическую основу религии, некую религиозную систему;

- легенды, предания, сказки, фольклор и др.»²

Миф возникает тогда, когда имеет место определённый недостаток знаний, который необходимо восполнить³.

В гносеологическом аспекте миф раскрывается как запечатленное в образно-символической форме познание мира⁴.

Как верно констатирует В.М. Найдыш, «в мифе не различаются объект и его образ в сознании субъекта, объект и мысль о нем; любые образы трактуются им «как сама объективность»»⁵, «образ вещи в мифе не представляет данную вещь, а является ею, следовательно, он не только ее замещает, но и действует так же, как и она: он способен непосредственно заменять ее во всех ее проявлениях»⁶.

¹ Бийгельдиева Ч.А. Миф как феномен культурных ценностей // Вестник КРСУ. 2016. Том 16. № 8. С. 90.

² Найдыш В.М. Мифология: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2010. С. 13-14.

³ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3. изд., репр. М.: Восточная литература, 2000.

⁴ Бийгельдиева Ч.А. Миф как феномен культурных ценностей. С. 91.

⁵ Найдыш В.М. Мифология: учебное пособие. С. 383.

⁶ Там же.

По мнению Е.В. Раздьяконовой, «миф есть идейный конструкт в сознании человека, основанный на непосредственном восприятии мира и отождествлении образа реальности с самой реальностью»¹.

А.В. Ставицкий под современным мифом понимает «в образно-символической форме отражённую реальность. Иначе говоря, те символически означенные образы окружающей человека реальности, которые возникают у людей в процессе её познания и воспринимаются как реальность. Образы, помноженные на чувства, жизненный опыт и мотивации познающего. Образы фактов, воспринимаемые как факты сознания»².

Е.Л. Яковлева, ссылаясь на Е.М. Мелетинского, отмечает, что «миф передает менее понятное через более понятное, неуловимое через уловимое, трудноразрешимое через менее трудноразрешимое»³.

«Миф наделяет содержание картины мира статусом самоочевидной реальности; осуществляет соединение индивидуальных и коллективных представлений о мире. Миф фиксирует определенную модель взаимоотношения человека с миром, которая чаще всего некритически воспринимается субъектами культуры в качестве единственно верных и реальных фрагментов бытия. Сконструированный мифический образ мира абсолютно идентифицируется с самой реальностью и не рассматривается как ее интерпретация»⁴.

Основой мифологизации социальной теории является «безальтернативная абсолютизация какой-либо черты, свойства, характеристики, части целого. Принцип отождествления части и целого – типичное свойство мифологического сознания. Когда некий отдельный аспект, отдельная сторона, фактор, часть репрезентирует целое, мы имеем дело с мифом. И если обратиться к рассмотрению конкретных теоре-

¹ Раздьяконова Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Томск, 2009. С. 9.

² Ставицкий А.В. Мифология: учебное пособие. С. 8-9.

³ Яковлева Е.Л. Миф как символическая форма культуры: взгляд через призму традиции и современности // Вестник ОГУ. 2011. № 7 (126). С. 152.

⁴ Раздьяконова Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. С. 14.

тических и методологических установок социогуманитарного познания, можно зафиксировать общую тенденцию к мифологизации, подкрепленную преимущественно бинарно-оппозиционной, дихотомической расстановкой акцентов в объяснительных теоретических моделях. Таковы «рационализм» и «иррационализм», «объективизм» и «субъективизм», «сциентизм» и «антисциентизм», «детерминизм» и «индетерминизм», «индивидуализм» и «коллективизм» и т. д.»¹

Таким образом, при характеристике сущности мифа важно отметить следующие его основные признаки:

- миф – это форма познания мира; способ сохранения, упорядочивания и осмысливания накапливаемой информации о мире; способ объяснения непознанного для формирования дальнейшего поведения;

- миф позволяет интерпретировать реальность в простой, узнаваемой, устойчивой форме, претендующей на статус единственного верного (истинного) представления о мире;

- миф представляет собой упрощенную модель непознанного мира, в которой абсолютизируется часть, репрезентирующая целое;

- в мифе не различаются, а отождествляются объект и его образ в сознании субъекта, при этом образы трактуются как «сама объективная реальность».

В современном российском обществе, полном конфликтов, противоречий, проблем и неопределенности, мифы облегчают восприятие реальности за счет ее упрощения; легко усваиваются; дают универсальное, простое и понятное объяснение сложным и противоречивым явлениям; обращены не к логике и критическому мышлению, а связаны с манипуляцией сознанием; освобождают субъекта от критического анализа, необходимости напряженно думать и принимать непростые решения.

П.Н. Барышников констатирует: «Очевидно, что на сегодняшний день развитие научно-рационального знания и прагматическая унификация смыслового пространства по-

¹ Яровенко С.А. Современное социогуманитарное познание: мифологизм теоретических и методологических установок // Философия образования. 2010. № 4. С. 225.

вседневности никак не влияют на спад мифотворческой активности человечества»¹.

Современные мифы складываются в науке не стихийно, а сознательно конструируются и интерпретируются, что свидетельствует об их управляемости. Е.В. Раздьяконова подчеркивает: «Современные мифы рассматриваются как искусственно создаваемые образы действительности, образованные в результате сознательной деформации первоначальных культурных смыслов, а не как спонтанное выражение первичного опыта осмысления мира»².

Поскольку современный миф является средством эффективного управления (манипуляции) массовым сознанием, он активно применяется и в криминалистическом сообществе. При этом важно понимать мифотворчество в криминалистике как целенаправленное конструирование мифов, а сами мифы – как результат идеолого-символического доминирования криминалистической элиты в борьбе за символическую власть, смыслы и значения в криминалистике в интересах поддержания выгодного ей порядка и легитимации ее власти.

Некритичное усвоение мифов во многом обеспечивается ценностными ожиданиями его носителей, что и позволяет субъектам воспринимать эти мифы как нечто естественное.

Будучи усвоенными, мифы, как когнитивные карты, воспроизводят навязываемые элитой способы восприятия, описания и объяснения социальной реальности и уводят их сторонников в мир иллюзий, воспринимаемый как реальность. Другими словами, через призму мифологизированного сознания происходит дальнейшее искаженное (трансформированное) восприятие реальности, в том числе и объектов познания криминалистики.

Е.В. Сальникова отмечает, что «миф мертв, если его никто не излагает сотый и тысячный раз своими словами»³. Поэтому каждый миф должен подкрепляться регулярными ритуалами.

¹ Барышников П.Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб.: Алтейя, 2010. С. 5.

² Раздьяконова Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. С. 20.

³ Сальникова Е.В. Визуальность как идеальная материя мифологии XX в. // Миф и художественное сознание XX века / Отв. ред. Н.А. Хренов. Гос. Ин-т искусствозн. М., 2001. С. 595.

А.Б. Кожевников справедливо обращает внимание на то, что «ритуал» нужно понимать не в том пренебрежительном смысле, в каком это слово часто фигурирует в обыденной речи, а как этнографический термин: «Современная этнография давно отошла от упрощенного представления о ритуалах как имеющих чисто символически-формальное значение, строго зарегулированных и нетворческих действий. Напротив, они понимаются как особые формы жизни, специфические и центральные для каждой культуры»¹.

«Ритуалы являются формализованными коллективными действиями, предписывающими определенную организацию пространственных движений и вербального дискурса, ключевыми для самосознания и самоидентификации социальных групп и коллективов. Для их представителей ритуалы имеют наряду с приписываемой им утилитарной ценностью также и особый сакральный смысл»².

Мифотворцы активно поддерживают свое господствующее положение в любом сообществе, в том числе и научном, посредством обязательного проведения различного рода ритуальных действий, к числу которых могут относиться и целевые конференции, награждения, церемонии, обязательные цитирования и других ненаучные по сути действия, организуемые и проводимые не вполне демократическим путем.

Ритуалы должны носить регулярный и упорядоченный характер, а соблюдение их для рядовых исполнителей становится некой возможностью сопричастности к чему-то особенному, высшему, сакральному. Поклонники мифов ощущают себя не в качестве индивидов, а частью большой системы, неким единым коллективом.

Можно говорить об особом терапевтическом эффекте мифов, обеспечивающем своеобразную защиту атомизированного сообщества перед страхом потерять объяснимость и контролируемость происходящего. А.В. Чернышёва отмечает в этой связи, что «миф выступает в виде ложной мобилизующей структуры, способной абсолютно безболезненно вписать человека и массу в существующую действитель-

¹ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947-1952 гг. // ВИЕТ. 1997. № 4. С. 34.

² Там же.

ность, создавая при этом у своих адептов состояние психологического комфорта и полное впечатление истинности происходящего»¹. Тогда как «прощание с мифом всегда пропитано горечью»².

Нельзя также забывать, что отказ от ритуализации мифолого-идеологических идей может трактоваться элитой как недопустимый, аморальный и способен навлечь на «отказника» различные меры наказания.

А. Фурсов говорит о «научных племенах»: «Покушение на племенные авторитеты, как правило, карается – от мелких подлостей (при защите диссертации, прохождении монографии, избрании по конкурсу на должность, например профессора, и т. п.) до остракизма или войны на социопрофессиональное уничтожение, на вытеснение из дисциплины. Иными словами: авторитет есть социальное оружие, кистень парадигмы как социального индивида. Он – одно из средств поддержания традиции, то есть господства продукта (по)знания над процессом (по)знания, знания – над познанием, знания – над пониманием»³. «Тех, кто сопротивляется, стараются отсечь как можно раньше, не допустив в парадигму, а следовательно – и в науку, отчислить, не взять в аспирантуру, не дать защититься и т. п. Круг замыкается, нормальная наука торжествует в своем марше к импотенции и смерти, то есть к кризису и крушению парадигмы, которая редко способна к саморазвитию. Реальное качественное развитие чаще всего происходит за пределами этого круга, куда, помимо прочего, выталкивают из нормальной науки тех, кто пытается заниматься, выражаясь куновским языком, не загадками, а тайнами – то есть прежде всего теорией и методологией, ставит под сомнение парадигму»⁴.

¹ Чернышёва А.В. Мифологизация реальности и реальность мифа в культуре информационного общества. Гуманитарный вестник. 2014. Выпуск 1 // URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/cult/hidden/157.html> (дата обращения: 05.03.2019).

² Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. Материалы научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С. 253.

³ Фурсов А. «Нормальная наука» versus «аналитика». Особенности состояния современного знания о мире // Свободная Мысль. 2013. № 2. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

К внелогическим факторам, которые влияют на принятие людьми различных высказываний (суждений), относится вера – стихийное, некритическое принятие чужих мнений, истинных или ложных, прогрессивных или реакционных¹.

Именно вера в мифы укрепляет их и препятствуют дальнейшему разоблачению, поскольку такая вера блокирует обнаружение противоречащих мифам научных фактов и не поддается логическому опровержению. При этом нужно различать религиозную веру от научной веры, составляющей необходимый компонент научно-исследовательской деятельности ученого.

С.А. Смирнов обращает внимание на то, что «понятие «вера» является очень сложным и многосторонним. В обыденном понимании понятие «вера» может быть определено как принятие чего-либо в качестве истинного без достаточных на то оснований»². В свою очередь, понятие «научная вера» в философской и научной среде мало применяется, а попытки его использования часто встречают непонимание и критику³.

В.А. Лекторский отмечает: «Возникает интересная ситуация. Оказывается, что вера и знание не только отличаются друг от друга и по-разному сочетаются друг с другом в составе тех или иных утверждений. В некоторых случаях можно сказать: «Я знаю, потому что верю в надёжность способов понимания мира и рассуждений о нём, принятых в такой-то исследовательской традиции», «Я знаю, потому что верю информации, полученной от моего коллеги NN»⁴.

Б. Рассел подчеркивал: «Религиозная вера тем и отличается от научной теории, что хочет возвестить вечную и абсолютно достоверную истину, в то время как наука всегда предположительна – она признает, что изменение суще-

ствующих на данный момент теорий рано или поздно окажется необходимым: сам ее метод не допускает полного и окончательного доказательства»¹.

М. Борн также отмечал: «Вера в то, что существует только одна правда и что ты сам владеешь ею, представляется мне глубочайшим корнем всех зол в этом мире»².

В результате проведенного исследования С.А. Смирнов приходит к выводу, что вера представляет собой общечеловеческую универсалию культуры, которая включает в себя ряд аспектов: «во-первых, гносеологический (принятие чего-либо в качестве истинного без достаточных на то оснований), во-вторых, психологический (осознание и переживание данного состояния в качестве особо ценного, позволяющего преодолеть сомнения) и, в-третьих, религиозный (поиск основания своего бытия в области сверхъестественного)»³.

Вера в мифы носит преимущественно психологический характер, основана на коммуникативной зависимости от авторитетов и связана с некритическим принятием мифологических положений в качестве истинных без достаточного их обоснования и проверки достоверности. Мифическая вера не замечает логических нарушений, противоречивых эмпирических данных и других «практических нестыковок».

Например, к числу криминалистических мифов следует отнести активно тиражируемое рядом криминалистов мнение о том, что именно Р.С. Белкин создал криминалистику как самостоятельную науку. Так, О.Я. Баев утверждал: «Но нет никаких сомнений в том, что именно Р.С. Белкин в сущности и создал криминалистику как самостоятельную научную дисциплину, самостоятельную науку»⁴.

Появление этого мифа неслучайно и, в свою очередь, базируется на другом сконструированном отечественными криминалистами в советский период мифе, направленном на

¹ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 95.

² Смирнов С.А. Соотношение веры и знания: история и современность // Вестник Томского гос. университета. 2008. № 313. С. 58.

³ Там же.

⁴ Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский; отв. ред. Е.О. Труфанова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 21.

¹ Рассел Б. Наука и религия. Главы из книги // URL: http://lib.ru/FILOSOF/RASSEL/n_and_r.tx (дата обращения: 04.03.2019).

² Born M. Natural philosophy of cause and chance. Clarendon Press, 1949. P. 230.

³ Смирнов С.А. Соотношение веры и знания: история и современность. С. 59.

⁴ Баев О.Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения // Воронежские криминалистические чтения. 2018. № 3 (20). С. 99.

обоснование политико-идеологизированного тезиса об особом статусе (исключительности) советской криминалистики, которая, якобы, не имела дореволюционной предыстории. В частности, сам Р.С. Белкин считал, что «скудный багаж дореволюционной российской криминалистики был явно недостаточен для того, чтобы она могла заявить о своем самостоятельном существовании. Предстояло начинать с формирования основ, накопления необходимого эмпирического материала для научного осмысливания, анализа и обобщения и одновременно создавать, а затем совершенствовать свою, отечественную, оперативную, следственную экспертную практику – источник этого эмпирического материала, базу развития науки»¹.

Тем самым сознательно принижалась роль и значение трудов и деятельности дореволюционных (Б.Л. Бразоль, Е.Ф. Буринский, В.И. Громов, А.Д. Киселев, В.И. Лебедев, Н.Ф. Лучинский, Г.Ю. Маннс, С.М. Потапов, И.М. Снигирев, Л. Таубер, С.Н. Трегубов и др.) и зарубежных (Е. Аннушат, А. Вайнгардт, А. Гельвиг, А. Кангер, М. Хагеманн, Х. Шнейкерт и др.) исследователей криминалистики.

Для советских криминалистов, впрочем, как и для большинства современных, было характерно рассмотрение возникновения и становления советской криминалистики вне ее тесных исторических, логических и генетических связей как с дореволюционной российской, так и зарубежной криминалистикой².

Периодизация истории советской криминалистики носила и по-прежнему имеет явно политизированный характер, поскольку ее отправным пунктом выступал 1917 год, т. е. год возникновения Советского государства, который рассматривался как точка отсчета возникновения советской

¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 25.

² Подробней см.: Сокол В.Ю. Криминалистика в Германии: понятие, система, перспективы: монография. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010; Сокол В.Ю. Возникновение и становление криминалистики в Германии и России: монография. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2011; Сокол В.Ю. Людвиг фон Ягеманн – основатель научной системы расследования преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 2 (16). С. 62-68; Сокол В.Ю. Ганс Гросс – основатель современной криминалистики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 39-51.

криминалистики, начала этапа накопления ею эмпирического материала¹.

При этом совершенно игнорируется мнение немецких исследователей, в частности, Ф. Геердса², Р. Вайманна³ и Р. Бертеля⁴, что зарождение и развитие криминалистики как самостоятельной научной дисциплины началось с появления в 1838 году первого тома «Руководства по судебному учению о расследовании» Ягеманна. Не принимается в расчет и мнение, что во многом именно благодаря стараниям Г. Гросса криминалистика из эмпирического учения стала самостоятельной наукой⁵.

Мифотворцы, видимо, не знают или не хотят знать, что уже в предисловии к третьему изданию «Руководства для следственных судей» с подзаголовком «как система криминалистики» Г. Гросс отмечал в 1898 году: «Что же касается до изменения названия книги, то считаю себя вправе определить мой труд как систему криминалистики, ввиду того, что эта последняя в настоящее время завоевала себе значение самостоятельной науки, со строго ограниченной областью и обстоятельной обработкой ее отделов»⁶.

В начале XX столетия большинство дореволюционных отечественных и зарубежных ученых и практиков также признавали криминалистику в качестве самостоятельной

¹ Белкин Р.С., Винберг А.И. История советской криминалистики. Этап возникновения и становления науки (1917–1930-е годы): учебное пособие. М.: Академия МВД СССР, 1982. С. 3; Криминалистика: учебник для вузов / отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: БЕК, 1995. С. 132.

² GroЯ H., Geerds F. Handbuch der Kriminalistik / berg. als. «Handbuch für Untersuchungsrichter» von Hans GroЯ. Bd. 1. 10 völlig neubearb. Auflage von F. Geerds. Berlin: J. Schweitzer Verlag, 1977. S. 20.

³ Weihmann R. Kriminalistik als Lehrfach // Kriminalistik. 1996. S. 627. // URL: www.weihmannet/kriminalistik/ (дата обращения: 23.08.2011).

⁴ Berthel R. Einführung in die Kriminalistik/ Lehr- und StudienbriefeKriminalistik/Kriminologie. Herausgegeben von H. Clages, K. Neidhardt. Band 1. Grundlagen der Kriminalistik / Kriminologie. 3 über. und actual. Auflage. VDP GMBH Buchvertrieb, Hilden/Rhld. 2008. S. 52.

⁵ Ackermann R. Unverdientes Schattendasein der Kriminalistik in Deutschland. Hochschulstudium Kriminalistik – eine zukunftsorientierte Alternative! // Der Kriminalist. 2009/12–2010/1. S. 22.

⁶ Гросс Г. Предисловие к 3-му изданию // Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. VII.

науки, поскольку она достигла уровня, абсолютно равного другим дисциплинам¹.

Если Р.С. Белкина считать «создателем криминалистики в качестве самостоятельной научной дисциплины», как же тогда объяснить следующие факты из истории отечественной криминалистики?

Так, Г.Ю. Маннс писал в 1921 году: «В настоящее время значение криминалистики не подвергается больше сомнению. Учреждаются не только специальные кафедры в университетах, но создаются даже особые институты для разработки вопросов криминалистики»².

В учебнике «Криминалистика. Книга I. Техника и тактика расследования преступлений», изданном в 1935 году, отмечалось, что «советская криминалистика представляет собой науку о расследовании преступлений»³.

В учебном пособии «Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений», изданном в 1938 году, отмечалось, что слово «криминалистика» в узком смысле «служит названием для специальной науки о расследовании преступлений. Наука эта родственна уголовному процессу и имеет единые с ним задачи», «иными словами, криминалистика есть наука о технике, тактике и методике расследования преступлений», «криминалистика по отношению к естествознанию и технике является самостоятельной наукой»⁴.

В 1940 году в учебнике Б.М. Шавера и А.И. Винберга «Криминалистика» был указано следующее: «Приемы и методы обнаружения и исследования доказательств не изучаются наукой советского уголовного процесса. Эти вопросы, а также вопросы розыска и опознания преступников являются предметом самостоятельной науки – криминалистики»⁵.

¹ Groß H., Geerds F. Handbuch der Kriminalistik / berg. als. «Handbuch für Untersuchungsrichter» von Hans Groß. Bd. 1. 10 völlig neubearb. Auflage von F. Geerds. Berlin: J. Schweitzer Verlag, 1977. S. 22.

² Маннс Г.Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Криминалистика. 2010. № 1. С. 89.

³ Криминалистика. Книга I. Техника и тактика расследования преступлений: учебник / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юридическое издательство «Советское законодательство», 1935. С. 6.

⁴ Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений: учебное пособие / под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 3.

⁵ Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика: учебник. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 3.

Кроме того, защита докторской диссертации Р.С. Белкиным была седьмой в истории отечественной криминалистики: до него уже защитили докторские диссертации по криминалистике Н.В. Терзиев (1942 г.), И.Н. Якимов (1947 г.), А.И. Винберг (1949 г.), С.П. Митричев (1954 г.), С.И. Тихенко (1957 г.) и А.Н. Васильев (1960)¹. При этом С.П. Митричев защитил докторскую диссертацию по проблемам предмета, метода и системы криминалистики². К этому же времени был успешно защищен целый ряд кандидатских диссертаций по криминалистике.

Кроме того, решением советского правительства от 11 февраля 1949 г. был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР (ВНИИ криминалистики), в котором в 1952 году была проведена дискуссия о предмете криминалистики и ее месте в системе юридических наук, а в 1955 году – о системе криминалистики и месте в ней следственной (криминалистической) тактики.

В 1967 году сам Р.С. Белкин писал о том, что «за полвека своего существования советская криминалистика прошла сложный путь становления и развития в самостоятельную науку»³.

Очевидно, что даже указанных фактов достаточно для демифологизации утверждения О.Я. Баева и его сторонников о том, что именно Р.С. Белкин создал криминалистику как самостоятельную науку⁴. Правильней говорить о том, что Р.С. Белкин является создателем одной из концепций общей теории криминалистики, занимающей ныне господствующее положение в отечественной криминалистике.

Проведение демифологизации отечественной криминалистики следует признать ее актуальной задачей. По словам Э. Кассирера, «понять содержание мифа означает не что иное, как доказать его объективную несостоятельность, разгадать пусть и всеобщую, но тем не менее совершенно

¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 166.

² Там же. С. 137.

³ Белкин Р.С. Перспективы развития советской криминалистики // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 257.

⁴ Баев О.Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения. С. 99.

«субъективную» иллюзию, которой он обязан своим существованием»¹.

Для разрушения криминалистических мифов требуется постоянная критическая работа по их тщательному выявлению, изучению и разоблачению. При этом нужно помнить, что создатели мифов сдаются не сразу, они отчаянно сопротивляются, пытаются противопоставить рационально-эмпирическое мировосприятие окружающего мира его эмоционально-символическим восприятием. Нередко в этих целях они используют и такие приемы, как «дискуссия» и «критика». Однако применяют их не для обсуждения теоретических и практических вопросов по существу, а преимущественно для сведения счетов со своими оппонентами (несогласными), применяя к ним различные меры «наказания», в целях дальнейшего контроля и управления мифом, сохранения «единства» искусственно создаваемого сообщества почитателей мифов. «Новой инквизицией» Роберт Антон Уилсон назвал традиции подавления и запугивания, которые в современном научном мире становятся повсеместными².

Несложно также заметить, что создатели и сторонники (защитники) застарелых криминалистических мифов – это «благородные рыцари» в отечественной криминалистике, а их противники – «недостойные люди», «маргиналы» и т. п.

Среди наиболее «живучих» криминалистических мифов, имеющих давнюю историю в советской и нынешней постсоветской криминалистике, можно назвать, например, следующие:

- миф о необходимости современной криминалистики сохранять приверженность советским мифам о том, как должно осуществляться научное познание;
- миф об исключительности (превосходстве) отечественной криминалистической науки над зарубежной;
- миф о теоретической отсталости и недалекости зарубежных криминалистов;

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001 // URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/kassirer-phil_simv_form-2-81.pdf (дата обращения: 04.03.2019).

² Роберт Антон Уилсон. Новая инквизиция // URL: http://lib.ru/PSIHO/UILSON/wilson4.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 04.05.2019).

- миф о том, что криминалистика как область научного знания возникла в рамках уголовно-процессуальной науки¹, появилась «из чрева своей родительницы – уголовно-процессуальной науки»²;

- миф о том, что к моменту выхода «Курса советской криминалистики» Р.С. Белкина в свет (1977) «общей теории отечественной криминалистики не существовало»³;

- миф об обладании Р.С. Белкиным «большим опытом следственной работы»⁴;

- миф о том, что «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики» (Р.С. Белкин, 1970 г.) является «фундаментальным для юридической науки трудом» и т. д.

Многие университетские криминалисты продолжают тиражировать криминалистические мифы, отрывая криминалистику от реальности, от насущных практических проблем, превращая ее преимущественно в «науку преподавания», в «басенную криминалистику», не обладающую детальными знаниями о действительности, не способную существенно влиять на криминалистическую практику, но перегруженную различными рода умозрительными (схоластическими) моделями, не всегда проходящими обязательную проверку на практике, в том числе и путем эксперимента.

О.Я. Баев, в частности, отмечал, что в большинстве юридических вузов (факультетах) значительное число профессоров, доцентов, преподающих уголовно-правовые учебные дисциплины, читающих по ним лекции, и преподавателей, ведущих по ним практические и семинарские занятия, «своего опыта практической деятельности в уголовном судопроизводстве не имеют»⁵; «сейчас зачастую криминалистике

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: НИИРЮ Высшей Школы МВД СССР, 1970. С. 38.

² Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. С. VIII.

³ Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. Выпуск 1 (3). М.: Спарк, 2002. С. 4.

⁴ От издательства // Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 5.

⁵ Баев О.Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения. С. 98.

студентов обучают преподаватели, знающие, как расследовать преступления, в основном по монографиям, научным статьям и детективным телесериалам»¹. «К примеру, из десяти членов кафедры криминалистики Воронежского государственного университета такой опыт имеют два преподавателя; убежден, что примерно подобное соотношение в принципе сохраняется и в других юридических вузах, входящих в систему Минобразования»².

А. Фурсов отмечает, что «профессорская наука чаще всего плохо связана с реальностью»³.

Особое место в отечественной криминалистике занимает миф о существовании так называемой «криминалистической теории отражения», который разделяет в настоящее время большинство российских криминалистов (убежденно или большей частью на словах).

Этот миф сконструирован на базе господствующей в отечественной криминалистике концепции общей теории криминалистики Р.С. Белкина, которая, в свою очередь, основывается на философском понятии отражения. Так, в предисловии своей работы «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики» (1970) Р.С. Белкин писал: «Автор ставил перед собой цель на базе положений ленинской теории отражения сформулировать некоторые выводы о понятии, содержании и системе общей теории советской криминалистики как методологической основе этой науки. Гносеологические идеи В.И. Ленина были одновременно и отправным пунктом, и путеводной нитью, и фундаментом для настоящей работы»⁴. Таким образом были созданы «научные» предпосылки для последующего формирования «криминалистической теории отражения» – криминалистического мифа, возникшего в результате декорирования философской теории познания как отражения частнонаучной (криминалистической) фразеологией (семантикой). Указанная «криминалистическая теория» выглядит

¹ Баев О.Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения. С. 98.

² Там же.

³ Фурсов А. «Нормальная наука» versus «аналитика». Особенности состояния современного знания о мире. С. 13.

⁴ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 7.

ясной и самоочевидной, как бы не нуждается в собственном объяснении и претендует на то, чтобы объяснять в криминалистике все, что угодно.

По словам Р.С. Белкина, отражение образует «самый фундамент криминалистики, сущность этой науки»¹, «составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики» и «охватывает фактически все направления криминалистической науки»². Несложно заметить, что отражение представляется в криминалистике в качестве некой простой и универсальной модели познания, способной объяснить любые криминалистические проблемы.

Очевидно, что в советский период времени не было (да и не могло быть) никакой критики имеющей политико-идеологический характер «криминалистической теории отражения». В СССР не было альтернативы марксистскому пониманию науки как отражения действительности.

Однако сформулированные Р.С. Белкиным еще в 60-70-е годы прошлого столетия положения о роли и значении теории отражения по-прежнему занимает господствующее положение в отечественной криминалистической науке, несмотря на их явную неспособность учитывать существующие сложности реального познавательного процесса.

Л.А. Воскобитова, в частности, отмечает: «При этом сама проблема отражения сознанием человека объективного мира до сих пор не была предметом достаточных, специальных философско-правовых исследований»³. По ее словам, «юристы используют как догму утверждение о познаваемости мира именно благодаря отражению как всеобщему свойству материи»⁴.

Использованные Р.С. Белкиным положения теории отражения и стали в отечественной криминалистической науке такими догматическими положениями, «образцом для подражания», следование которому обеспечивало исследователям идеологическую лояльность, благополучие и признание.

Нынешние сторонники мнимой «частной криминалистической теории отражения» предпочитают вместо тщательного

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 32.

² Там же. С. 49.

³ Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. 2013. № 12. С. 28.

⁴ Там же. С. 27-28.

исследования ее содержания бесконечно, коллективно и разнообразно демонстрировать свою приверженность этой теории, наделять ее особыми (чуть ли не священными) свойствами, приписывать ей судьбоносное (чрезвычайно важное, фундаментальное, базисное и т.п.) значение для отечественной криминалистики. В результате этого указанная частная теория окружена особой магической атмосферой и в силу этого выступает в криминалистике символом научности, объективности, порядка, прогрессивности, эффективности, «бессмертности» и т. п.

Поскольку миф о существовании «частной криминалистической теории отражения» прочно входит в мировоззрение его сторонников, он способен оказывать существенное деформирующее влияние на способ мышления отечественных криминалистов, во многом изменяя объективную картину мира и затрудняя объективный анализ криминалистической реальности. В дальнейших разделах настоящей работы пойдет речь о разоблачении этого мифа.

2. ОБ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА Р.С. БЕЛКИНА

Специфика отечественного понимания методологии в криминалистике заключается в том, что в ее содержание помимо системы методов, способов и приемов проведения криминалистических исследований включается и система мировоззренческих принципов познавательной деятельности, общенаучных правил и форм научного исследования. Соответственно, традицией (или привычкой) отечественного понимания методологии является ее тесное увязывание с философией, философскими методами познания и учениями о них, а также общенаучными и специально-научными методами. К сожалению, говоря о философии, в отечественной криминалистике под ней понимают только (или прежде всего) диалектический материализм (материалистическую диалектику), который признают в качестве единственно научной философии, тем самым отказывая в праве на использование в отечественной криминалистике положений других философских систем.

Так, в 2001 году Р.С. Белкин указывал: «Отождествление методологии с системой методов означает чисто прагматический подход к раскрытию данного понятия. При такой трактовке методологии на второй план отступает ее мировоззренческое значение, философский смысл, неизбежно принижается значение диалектического материализма, который является всеобщей научной методологией именно потому, что «диалектическая логика есть субъективное отражение всеобщих объективных законов движения и развития реального мира»¹

Тем не менее, понимание методологии допустимо как в широком толковании (общенаучное учение о принципах, правилах и методах научного познания и преобразования действительности), так и в узком понимании (учение о методах, приемах и средствах проведения отдельного исследования).

Несмотря на то, что во всей современной науке идет процесс кардинального обновления методологических основ научного познания, этот процесс практически не затронул отечественную криминалистику, которая по-прежнему, как и в советские годы, базируется на марксизме-ленинизме, причем в его догматической версии.

Новшество коснулось лишь формальной смены названий: слова «марксистско-ленинская философия» и «марксизм-ленинизм» в постсоветских криминалистических текстах заменены на «диалектику», «материализм», «материалистическую диалектику», «диамат» и т. п., однако фактическое содержание этих понятий не изменилось.

Как выяснилось, одного лишь декларативного отказа отечественных криминалистов от идеологии марксизма-ленинизма явно недостаточно. Марксистско-ленинское наследие «как ни крути и ни отрицай, в неявном, имплицитном виде присутствует в теоретических конструкциях сегодняшнего дня»².

Р. Козеллек отмечает ситуацию, когда реальность изменяется, а состояние понятий остается прежним. Это относится и к марксистской философии истории: «Ортодоксальные

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 28.

² Бажанов В.А. Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развитие теории познания и философии науки в XX в. // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 293.

марксисты пытались интерпретировать поразительные исторические перемены конца XIX – начала XX века при помощи относительно стабильного комплекса понятий, изначально разработанного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Марксисты были вынуждены постоянно подгонять стремительно изменяющуюся реальность под свою неизменную философию истории. Необходимо иметь огромный талант, чтобы добиться успеха в подобном деле»¹.

Казалось бы, что с отменой прежних идеологических запретов и принудительного единомыслия в криминалистике открывается доступ к широким отечественным и зарубежным источникам из философии, философии науки и науковедения, однако это не привело в отечественной криминалистике к увеличению разнообразия методологических подходов, теорий и концепций, к существенному расширению методологической области криминалистических исследований. Как результат, на традиционную методологию современной криминалистики практически не оказали какого-либо заметного влияния концепция «научных революций» Т. Куна, «археологический» метод исследования науки Фуко, концепция конкуренции научно-исследовательских программ И. Лакатоса, концепция «личностного знания» М. Полани и др. (П. Фейерабенд, Д. Деннет, Ч. Тэйлор, М. Брюнге, Дж. Райдер, К. Поппер, Р. Рорти, В. Куайн), в которых давалась обоснованная критика прежних методологических стандартов науки.

Складывается впечатление, что профессиональная деятельность многих ученых-криминалистов представляет собой воспроизводство усвоенных с советского периода образцов (моделей) научного познания, основанных на традиционной теории познания того времени с ее верой в существование единственно верного метода решения всех проблем – материалистической диалектики; абсолютизацией субъект-объектного характера познавательного акта; натуралистическим подходом к познанию как отражению объективного мира; отказом от исследования социокультурного контекста познания; недооценкой антропологического измерения субъекта познания; исключения из познания языка, письма и т. д.

¹ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бёдекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 24.

С учетом изложенного, в настоящей работе предпринята попытка преодолеть консервативные традиции в криминалистике, связанные с использованием устаревших интеллектуальных установок, в условиях изменившейся социокультурной и познавательной ситуации в стране и мире в целом.

«Наука сегодня изучает все, даже саму себя – то, как она возникла, развивалась, как взаимодействовала с другими формами культуры, какое влияние оказала на материальную и духовную жизнь общества»¹.

Следует преодолевать узкое понимание криминалистической науки только лишь как «чистого криминалистического знания». Так, Р.С. Белкин к содержанию науки относил преимущественно «все то, что накопила теория науки, а также результаты этого познания – рекомендуемые наукой средства, приемы и методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений»². По его мнению, не входит в содержание криминалистической науки ее история, сведения об ученых-криминалистах и их вкладе в науку, о научных дискуссиях, конференциях, симпозиумах и т. д.³ Такой взгляд на науку следует признать неполным и устаревшим.

Криминалистика, как и любая другая наука, – это сложное социальное явление, которое должно рассматриваться, по меньшей мере, в следующих пяти аспектах:

- 1) как творческая деятельность по получению нового криминалистического знания;
- 2) как результат этой деятельности – совокупность полученных криминалистических знаний;
- 3) как организация (институализация) криминалистического сообщества;
- 4) как социально-культурный феномен (важный элемент культуры);
- 5) как история науки и история ее творцов.

Не следует ограничиваться представлениями об истории криминалистики, как некоем кумулятивном накоплении

¹ Девятова С.В., Купцов В.И. III. Большая наука // Философия и методология науки. Часть I. М., 1994. С. 52.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 390.

³ Там же. С. 392-393.

неизменных и однозначных фактов. Так, А.А. Эскархопуло считает, что «история криминалистики, как и любой науки, представляет интерес прежде всего как система фактов, позволяющая проследить закономерности становления криминалистического научного знания и наметить пути дальнейшего развития»¹.

Уважаемый профессор не дает авторского понимания факта, тогда как в современной эпистемологии имеются существенные разногласия относительно самого понимания факта. Так, прежде под фактом понималось некое «реальное положение дел», «фундаментальная, независимая реальность» и т.п., а наблюдателю (исследователю, ученому), его опыту, знаниям, ценностям, предубеждениям и т.п. отводилась довольно пассивная роль в выявлении и констатации фактов, что не соответствует реальному познавательному процессу.

В настоящее время исследователи предпочитают понимать под фактом «чувственный образ», «предложения о наблюдаемом», «сплав чувственного восприятия с некоторым предложением» (П. Фейерабенд), «высказывание об опыте в категориях концептуальной схемы» (Л. Хендерсон) и т. п. Так, Ю.П. Боруленков обоснованно отмечает, что «факт» не следует отождествлять с событием, «поскольку факт – не просто событие, существующее вне субъекта, но такое событие, которое отражается в сознании субъекта и именно поэтому для него является фактом. В принципе, юридический факт есть образ события (обстоятельства) реальной действительности, сформировавшийся у субъектов познания»².

Э.М. Чудинов замечает, что «то, что ученые обычно называют фактом, представляет собой не элемент объективного мира, а определенный вид нашего знания о нем. Соответствие некоторого теоретического предложения эмпирическому факту – это отношение, которое реализуется в рамках системы знаний»³.

¹ Эскархопуло А.А. Глава 2. Исторические предпосылки современного развития криминалистики // А.А. Эскархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин. Криминалистика: история и перспективы развития: монография. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 47.

² Боруленков Ю.П. Методология юридического познания // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 67.

³ Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. С. 38.

В.И. Пржиленский констатирует: «В целой серии исследований, проведенных представителями постпозитивистской философии науки, был окончательно развеян миф о том, что получаемые в ходе научного исследования факты обладают полной независимостью от целей исследователя, от его установок и теорий, которыми он руководствовался при разработке программы исследования»¹. Факты относятся к сфере знания, а не к объективному миру, а «сама процедура «установления факта» предполагает взаимодействие трех видов объектов: вещей, мыслей и слов (реальности, сознания и языка)»².

Философские посылки или политические взгляды могут существенно исказить интерпретацию наблюдаемых фактов³.

Факты всегда «теоретически нагружены» (Фейерабенд), поскольку теория (а также опыт, знания, ожидания и т.п.) влияет на наше восприятие мира и на формирование фактов. Каждая теория создает свои факты, а сторонники разных парадигм в одной и той же познавательной ситуации способны получать различные чувственные образы наблюдаемого и, следовательно, получать «разные факты».

Суть переворота в представлениях о факте состоит в том, что они рассматриваются не как то, что «открывается», «обнаруживается», «выясняется», а как то, что «производится», «создается», «конструируется»⁴.

«Современный подход к трактовке научного факта выявляет его сложную структуру и зависимость от субъекта познания и условий его практической деятельности»⁵. «Оказывается, факт во многом формируется в результате активного творческого воздействия человека на мир. В факте

¹ Пржиленский В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия. С. 354-355.

² Там же. С. 355.

³ Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Ярославль: Норд, 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 370.

⁴ Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентации к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 3 (62). С. 40.

⁵ Никитина Е.А. Философия науки (основные проблемы): учебное пособие. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2016. С. 73.

опосредованно выражаются материальные и духовные достижения культуры, присущие ей способы познания и чувственно-эмоционального восприятия действительности, практического освоения мира»¹.

Отмечая, что эмпирические факты всегда теоретически нагружены, известный российский философ В.С. Степин писал: «Они не являются независимыми от теоретических знаний, а несоответствие теории фактам еще не является безусловным основанием, чтобы отбросить теорию»².

Как подчеркивал К. Хюбнер, историческое развитие знаний сопровождается переформулировкой сложившихся теорий и переинтерпретацией фактов, часть которых вообще может утратить статус факта³. По словам К. Хюбнера, «нет ни абсолютных фактов, ни абсолютных установлений, которые могли бы служить незыблемой основой научных высказываний или теорий, необходимым обоснованием и оправданием последних. Напротив, и фактуальные высказывания и установления оказываются теоретически зависимыми, они формулируются в рамках определенных теорий, с помощью этих теорий получают свой статус и значимость, они могут рассматриваться как части этих теорий. И это характерно для всех эмпирических наук – как для естествознания, так и для исторических дисциплин»⁴. «Если научные факты находятся в неизбежной зависимости от теорий, то логично предположить, что они изменяются вместе с изменениями этих теорий»⁵. «По этой причине научные факты никогда не обнаруживаются как таковые; правильнее будет сказать, что они возникают только на основании новой теории (которая поэтому должна предшествовать им)»⁶.

А.А. Эксархопуло считает, что «осведомленность о достижениях науки прошлых лет служит еще и профилактической

¹ Никитина Е.А. Философия науки (основные проблемы): учебное пособие. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2016. С. 75.

² Степин В.С. Смена методологических парадигм // Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. М.: ИФРАН, Бонн: Интер Национес, 1994. С. 8-9.

³ Там же. С. 12.

⁴ Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. М.: ИФРАН, Бонн: Интер Национес, 1994. С. 157.

⁵ Там же. С. 157-158.

⁶ Там же. С. 158.

мерой против соблазна поднимать те проблемы, о которых было хорошо известно нашим предшественникам, или искать решения, которые ими давно были найдены»¹. Но при этом А.А. Эксархопуло ничего не говорит о псевдодостижениях и заблуждениях науки, ее ошибках, иллюзиях, фальсификациях, фантомах, мифах и т. п. Нередки случаи, когда то, что в прошлом было истиной, теперь оказывается заблуждением. Ведь были массовые репрессии, «враги народа», «царица доказательств», осуждения невиновных, фальсификации доказательств и другие «факты», истинность которых прежде не подвергалась сомнению и поддерживалась громкими и одобрительными рукоплесканиями представителей научной и иной общественности. О чем же сегодня свидетельствуют такие прежде «истинные» факты?

«Что же касается старых фактов, то они либо получают новую теоретическую интерпретацию, либо их забывают, либо объявляют результатом заблуждения»².

Учет взаимовлияния указанных выше пяти компонентов позволяет глубже и точнее изучать особенности становления и развития науки, избегать различного рода искажений в ходе такого познания. Тем самым и криминалистика перестает быть преимущественно обезличенной (как совокупность идей, концепций, взглядов, знаний) и приобретает «человеческое лицо», становится «человекоцентричной» или «антропологической», что чрезвычайно важно для целостного понимания отечественной криминалистической науки. Так, раскрытие содержания той или иной криминалистической теории будет неполным, если ничего не сказать о ее создателе, его мировоззрении и социальном контексте ее формирования.

История возникновения и становления той или иной теории в криминалистике в обязательном порядке должна быть дополнена историей деятельности людей, причастных к выработке криминалистического знания. Как справедливо отмечает Н.А. Мишанкина, науку рассматривают, «с одной

¹ Эксархопуло А.А. Глава 2. Исторические предпосылки современного развития криминалистики // А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин. Криминалистика: история и перспективы развития: монография. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 47.

² Хюбнер К. Критика научного разума. С. 158.

стороны, как целостную социальную структуру, направленную на формирование системы объективных знаний о мире, с другой – как поле деятельности отдельных людей, имеющих, в том числе, прагматические интересы»¹.

В современной отечественной криминалистике, за редким исключением, нет специальных работ, «вписывающих» криминалистику в контекст всей отечественной науки и общества в целом, несмотря на имеющиеся в литературе декларативные заявления о «тесной связи криминалистики и общества», наличии «общественных потребностей» и т.п.

Чаще всего история криминалистики (как история идей и история криминалистического профессионального сообщества) рассматривается в отрыве от истории всей отечественной науки и страны. Тогда как социально-политические и иные реалии определяли жизнь тогдашних криминалистов, оказывали существенное влияние на формирование их мировоззренческих позиций, гражданских установок и профессиональные взгляды. С учетом изложенного, настоятельно требуется проведение исследований, способных обеспечить синтетический анализ указанных выше историй.

Также важно переосмыслить роль и место новых поколений российских криминалистов в профессиональном сообществе. Нынешние поколения криминалистов усваивают своего рода готовый набор познавательных установок, философско-мировоззренческих и теоретических концепций в процессе изучения различных криминалистических текстов, главным образом написанных известными авторитетами, в том числе и в относительно далеком прошлом. При этом имеются серьезные сомнения в том, что нынешнее молодое, возможно и среднее, поколение криминалистов располагают достаточными сведениями о том времени (исторических условиях), когда Р.С. Белкин предпринял попытку с философских позиций исследовать ключевые проблемы криминалистической науки. Нужно помнить, что, будучи общественной наукой, криминалистика и, прежде всего ее общая теория, испытывала мощное давление со стороны той

¹ Мишанкина Н.А. Прагматика научного дискурса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 127.

социально-политической обстановки, в условиях которой она формировалась.

«Старая эпистемология рассуждала о знании лишь в терминах «объект» и «субъект» и не учитывала ту постоянно изменяющуюся социальную среду, в рамках которой протекает процесс познания мира человеком. Это имело дурные последствия для эпистемологии: она оказалась наиболее примитивным и скучным разделом философии. Эпистемология должна учитывать не только субъектно-объектные связи в процессе познания, но и ту социальную среду, или культуру, в рамках которой такие связи складываются. Вне этой среды никаких изолированных «объектов» и познающих их «субъектов» просто не существует»¹.

С. Тулмин, сформулировавший эволюционную программу исследования науки на основе идеи функционирования «стандартов рациональности и понимания»², пришел к убедительному выводу о зависимости понятий и понимания от конкретной исторической ситуации и среды обитания³.

Л.Р. Грэхэм, например, обоснованно отмечал: «Под «культурным» характером принципов психологии Лурия, Выготский и Леонтьев подразумевали то обстоятельство, что общество предъявляет к человеку особого рода требования, которые оказывают важное влияние на его поведение. Одним из лучших примеров культурного влияния на поведение человека является язык или речь, огромное значение которой как фактора, определяющего развитие мысли, подчеркивал Выготский. Говоря об «историчности», названные ученые подчеркивали тем самым недостаточность чисто функционального подхода к психологии, необходимость ее рассмотрения в социально-историческом контексте. Люди, принадлежащие к различным социальным классам и этническим группам, думают по-разному»⁴.

Ивин А.А. справедливо констатирует: «Каждая культура смотрит на реальность своими глазами и создает

¹ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. М.: Проспект, 2017. С. 15-16.

² Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.

³ Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки: учебник для магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 253.

⁴ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 190.

собственную ее картину и собственное, только для этой культуры характерное социальное и гуманитарное знание. Знание существует в определенной социальной среде, влияние которой тем или иным образом сказывается на нем. Эпистемология должна принимать во внимание не только саму общую идею непрерывного развития знания, но и более конкретное положение о зависимости нового знания от той социальной среды (культуры), в рамках которой оно появляется и затем совершенствуется. Если историко-культурная зависимость знания не учитывается, эпистемологии оказывается абстрактной и малосодержательной. Именно этим объясняется растущий интерес к социальной эпистемологии, принимающей во внимание культурно-историческую обусловленность человеческого познания»¹.

И.Л. Честнов делает вывод о том, что «любой социальный институт исторически и социокультурно контекстуален: его содержание задается эпохой и особенностями культуры данного социума»². По его словам, на результаты научной деятельности влияет историческая эпоха, специфика культурной среды обитания ученого, научная политика государства, биографические особенности ученого, его ближайшее окружение (малая группа) и другие социокультурные и психологические факторы³.

А.П. Огурцов убежден, что социокультурный анализ науки не мог осуществиться иначе, как в детальном изучении «отдельных случаев» (описания истории семьи, биографий ученых, их образования, культурного влияния, научных школ и т.д.)⁴.

С.А. Лебедев отмечает, что «процесс научного познания имеет ярко выраженный творческий и социально обусловленный характер»⁵.

В постнеклассической науке большую роль играет социокультурная среда, которая детерминирует познавательные

и социальные качества исследователя, влияет на его личную историю (биографию, в том числе и профессиональную).

Соответственно и Р.С. Белкин испытывал на себе влияние культуры своего времени. М.К. Каминский справедливо отмечал, что Р.С. Белкин «был и остается человеком своего времени»¹. Так, отнесение Р.С. Белкиным в течение многих лет криминалистики к юридическим наукам М.К. Каминский связывал с обучением Р.С. Белкина в Военно-юридической академии Советской Армии, где «его мировосприятие формировалось под влиянием юридической советской науки», в результате чего «юридическое начало в нем долгое время преобладало»².

В интересах всестороннего исследования и критического рассмотрения теоретических взглядов Р.С. Белкина на роль и значение теории отражения в отечественной криминалистике, а также выяснения причин появления этой теории в криминалистической науке будем исходить из следующих допущений (предпосылок).

1. Прежде всего, раскроем содержание концептуальных положений теории отражения Р.С. Белкина, а также его представлений о роли и значении этой теории для криминалистической науки.

2. Будем исходить из того, что любое научное исследование осуществляется в рамках конкретной парадигмы, направления, школы, с применением определенного понятийного аппарата, системы неявно или явно принятых конвенций, способов репрезентации, моделирования, а также принципов интерпретации, понимания и объяснения³. Как и все остальное человечество, ученые также придерживаются определенных взглядов, образующих их мировоззренческую систему, и эти взгляды привносятся в каждую исследовательскую ситуацию⁴.

¹ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2012. Выпуск 3. С. 162.

² Там же. С. 161.

³ Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. Издание 2-е, дополненное. Москва. 2008. С. 9.

⁴ Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Ярославль: Норд, 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 363.

¹ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха. С. 16.

² Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 160.

³ Там же. С. 57.

⁴ Огурцов А.П. Наука и философия науки в современном обществе // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 154.

⁵ Лебедев С.А. Философия науки: учебное пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 35.

«Человеку только кажется, что его мысль совершенно свободна. В действительности она движется в том достаточно узком коридоре, который задается стилем мышления соответствующей эпохи и стилем мышления той культуры и той ее группы, к которой принадлежит человек. Именно в этом смысле говорят, что никто не может подняться над своим временем, над своей эпохой, выйти из истории и рассматривать исследуемые объекты с какой-то абсолютной, внеисторической и потому совершенно объективной позиции»¹.

Мировоззрение ученого напрямую зависит от той эпохи, в которую он творит². С учетом изложенного попытаемся выяснить (реконструировать) особенности мировоззрения и стиля мышления Р.С. Белкина, или, другими словами, его «когнитивную систему отсчета»³ в тот исторический период, когда формировались его теоретические представления о роли теории отражения в отечественной криминалистике. В этих целях реконструируем прошлое, опираясь на различный круг источников – официальные документы, научные тексты, мемуары и т.д., которые способны пролить свет на особенности мировоззрения Р.С. Белкина.

3. Подвергнем изучению не только содержание концептуальных положений теории отражения Р.С. Белкина и стиль его мышления, но и культурный и другой «жизненный» контекст его профессиональной деятельности. Другими словами, исследуем теоретические положения Р.С. Белкина в широком культурно-историческом контексте, что позволит выявить связь между социально-политическим контекстом жизни страны и особенностями содержания теоретических положений Р.С. Белкина.

4. Основным источником исследования выступают научные тексты Р.С. Белкина, в которых проявляются особенности его мировоззрения и выбранные им языковые средства. Даже в тех случаях, когда ученый не выражает явно

¹ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха. С. 27.

² Хукаленко Ю.С. Язык как средство выражения когнитивной модели зоологии в современных научных текстах на русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2016. С. 113.

³ Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 103.

своей позиции, следы его мировоззренческих установок можно проследить по косвенным данным, отраженным в текстах научных работ¹.

5. Настоящее исследование помимо применения традиционного методолого-инструментального арсенала будет расширено новыми подходами (методами), в частности такими, как «био критическая герменевтика» (Д. Шалин); «личностное науковедение» (Б.З. Докторов)²; историко-биографический подход (А.Н. Алексеев)³, а также библиометрические методы.

«Био критическая герменевтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас-)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, и роли (авто)биографического нарратива в накоплении и передаче опыта культуры»⁴.

Как отмечает Б.З. Докторов, «следуя определенной методологии изучения биографий, то есть жизни и творчества ключевых участников становления того или иного раздела науки, оказывается возможным высветить главное в истории самой науки: понять ее дух и раскрыть ее потенциал»⁵.

По результатам анализа массива диссертаций по криминалистике по разделу «Методология исследования» (740 работ, 1977-2012 гг.) К.В. Бугаев приходит к выводу, что

¹ Хукаленко Ю.С. Язык как средство выражения когнитивной модели зоологии в современных научных текстах на русском языке. С. 123.

² Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (Интервью В. Ядова с Б. Докторовым) // Телескоп. 2008. № 1; Алексеев А.Н. Замечание об истории социологии «с человеческим лицом» // Телескоп. 2008. № 3.

³ Алексеев А. Н. Личностное науковедение (на примере современной российской социологии). 2008; Блог А.Н. Алексеева История науки: антропоцентричный подход // URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/novosti-sociologii/istoriya-nauki-antropocentrichnyi-podhod> (дата обращения: 11.05.2019).

⁴ Алексеев А.Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп. 2011. № 5 (89). С. 21.

⁵ Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями». Интервью Бориса Докторова Владимиру Ядову // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 86.

биографический метод, как наименование одного из методов в диссертационных работах, по степени встречаемости занимает 68 место из 99 методов, указываемых криминалистами в своих диссертациях¹. Это свидетельствует о том, что биографический метод относится к числу достаточно часто упоминаемых в отечественных криминалистических диссертациях, хотя и не всегда реализуемых на практике.

Простое изложение идей и взглядов того или иного ученого будет неполным, если ничего не сказать об их создателе. Поэтому изучение профессиональной биографии Р.С. Белкина является важнейшей характеристикой его творчества, позволяет определить факторы, повлиявшие на становление системы его научных подходов и взглядов в контексте развития отечественной науки; выявить круг его современников, ученых, с которыми он общался, дискутировал, цитировал; реконструировать особенности его методологических воззрений в контексте социальной истории нашей страны и т.п. Без знания особенностей профессиональной биографии Р.С. Белкина нельзя адекватно интерпретировать и оценивать его высказывания в различных криминалистических текстах.

За свою многолетнюю профессиональную деятельность Р.С. Белкин написал много работ, в том числе и автобиографического характера, например, «Историю отечественной криминалистики» (1999). Несмотря на то, что автобиографическое повествование освещает те или иные важные события развития криминалистики, следует подчеркнуть, что «(авто)биографический нарратив сам по себе, никак не может служить единственным и/или преимущественным источником информации о человеке, не говоря уж о представляемой им сфере деятельности. Что бы ни рассказывал вспоминающий о времени в себе и о себе во времени, он будет пристрастен. Мало того, он имеет право на сгущение красок (в свою пользу) или умолчания (опять же – в своих интересах), не говоря уж о естественных абберациях памяти. Он имеет право даже на намеренное искажение реального хода дел в своем повествовании (хотя это будет харак-

¹ Бугаев К.В. Методология диссертаций по криминалистике: общая ситуация // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 73.

теризовать уже не сам этот ход, а моральный облик рассказчика)»¹.

Например, Р.С. Белкин пишет о том, что «в конце 60-х г. я стал все чаще задумываться над тем, какой общефилософский принцип лежит в основе криминалистики, какая идея способна объединить все ее разделы, все ее теоретические концепции. Этим размышлениям в немалой степени способствовало тогдашнее мое увлечение такой философской проблемой криминалистики, как понятие метода – научного исследования и практической деятельности»².

Однако не ясно, почему вдруг Р.С. Белкин стал увлекаться философскими проблемами криминалистики, у которой и без философии было немало насущных проблем? Почему Р.С. Белкин стал задумываться над тем, что именно общефилософский принцип должен лежать в основе такой частной науки как криминалистика? и т.д.

Сам Р.С. Белкин не дает убедительных ответов на эти и подобные им вопросы. Так, малоубедительным выглядит его следующее объяснение: «Перечитывая в который уже раз его (В.И. Ленина) философские работы, я вдруг как бы заново увидел знакомые слова о том, что в самом основании материи лежит родственное ощущению свойство – свойство отражения. Впору было кричать «эврика»! Это было именно то, что требовалось: ведь действительно, именно это свойство лежит в основе всей криминалистики: следы преступления и преступника – это отражение его действий, показания свидетелей – отражение воспринятых фактов и явлений, план расследования – отражение замысла следователя и т.д. и т.п. И сразу вспомнилось многократно встречавшееся в литературе выражение «ленинская теория отражения»³.

Оказывается, можно просто неоднократно перечитывать философские работы и ... «эврика» (!): многие криминалистические проблемы будут успешно решены.

Как отмечал К. Поппер, «познание не начинается с восприятий, или наблюдений, или с собирания данных или

¹ Алексеев А.Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп. 2011. № 5 (89). С. 23.

² Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 224-225.

³ Там же. С. 225.

фактов; оно начинается с проблем. Поэтому можно сказать: нет знания без проблем, но также и нет проблем без знания. А это означает, что познание начинается с напряженности между знанием и незнанием»¹.

По нашему убеждению, выяснить особенности возникновения и разрешения таких «напряженностей» и дать верные ответы на указанные выше вопросы можно лишь с позиций проведения тщательного социокультурного анализа криминалистической науки и, прежде всего, посредством детального изучения «жизненного» контекста профессиональной деятельности Р.С. Белкина.

6. В целях преодоления неизбежной субъективности автора необходимо использование различных источников информации и методов исследования. В частности, перекрестное использование разных количественных и качественных методов (подходов), иногда называемое триангуляцией или микс-методами. Специфика микс-методов и заключается в том, «когда для получения всестороннего результата мы используем разные методы, смотрим на объект с разных точек»².

Использование этих микс-методов преследует следующую основную цель – установление реальной истории развития отечественной криминалистики, изучение действительного движения криминалистической мысли во всех ее противоречиях, «неудобных фактах», политических и идеологических влияниях, конкуренции научных направлений и авторитетов, смены поколений, т.е. во всех ее взлетах и падениях. При этом речь должна идти не столько о летописи истории криминалистики, сколько о выяснении причин и условий состоявшихся событий, появления, развития и упадка тех или иных криминалистических идей, теорий и концепций, а также о влиянии социальной среды на творчество известных криминалистов, оказавших особое воздействие на развитие отечественной криминалистики.

¹ Карл Р. Поппер *Логика социальных наук*.

² Гегер А., Гегер С. Проблема изучения ценностных ориентаций: поворот к микс-методам // *Телескоп*. 2015. № 3 (111). С. 26.

3. Р.С. БЕЛКИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КРИМИНАЛИСТ, НО НЕ ПРОРОК

Как справедливо отмечает А.М. Кустов, «роль Р.С. Белкина в истории становления, развития и формирования российской криминалистики значительна. В его лице криминалистическая наука имела талантливого ученого, авторитетного учителя и умелого организатора педагогической практики»¹.

Р.С. Белкин имел более 300 научных трудов, в том числе 25 монографий, а также являлся соавтором и под его редакцией было написано 23 учебника по курсу «Криминалистика» для высших и средних учебных заведений².

Труды Р.С. Белкина, по верному замечанию М.К. Каминского, определяют ритм движения нашей науки³.

Следует согласиться и с мнением Ю.Г. Корухова о том, что имеется основание «говорить об эпохе Р.С. Белкина в криминалистике»⁴.

Действительно, вклад Р.С. Белкина в развитие отечественной криминалистики огромен, он оказал мощное воздействие на ее развитие, кардинально изменил ее облик. Вместе с тем, неправильно только однозначно положительно оценивать оказанное Р.С. Белкиным влияние на развитие отечественной криминалистики.

Помня о том, что «знание может выступать и фактически выступает формой власти, формой символической власти»⁵, очень важно уметь его критически оценивать. Так,

¹ Кустов А.М. Проблемные вопросы предмета и объектов криминалистики (в память профессора Р.С. Белкина) // *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 3 (43). С. 15.

² Россинская Е.Р. Значение научного наследия профессора Р.С. Белкина для современной криминалистики и теории судебной экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2012. № 4 (28). С. 214-215; Лавров В.П. Светлой памяти Р.С. Белкина – Ученого, Учителя, Человека // *Труды Академии управления МВД России*. 2017. № 3 (43). С. 20.

³ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина // *Вестник Удмуртского университета. Экономика и право*. Выпуск 3. 2012. № 3. С.157.

⁴ Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // *Вестник криминалистики*. Выпуск 1 (3). М.: Спарк, 2002. С. 7.

⁵ Владимир Фурс: критическое мышление сегодня // URL: https://n-europe.eu/tables/2011/06/03/vladimir_furs_kriticheskoe_myshlenie_segodnya (дата обращения: 06.05.2019).

В.Ю. Толстолицкий верно отмечал, что «авторитет Р.С. Белкина во второй половине XX века был настолько велик, что отечественные криминалисты практически не исследовали закономерности психического отражения»¹.

В современном криминалистическом сообществе остро ощущается мифологическая потребность в вожде (лидере), возможности поиска которого видятся в историческом прошлом криминалистической науки, персонифицируясь в личности Р.С. Белкина.

Традиция «вождизма» в нашей стране имеет давнюю историю. В частности, по словам академика Дмитрия Лихачёва, «в науке насаждалось представление, что с самого начала исследования может быть правилен только один путь, одно истинное направление, одна научная школа и, разумеется, только один главный учёный, «вождь» своей науки»².

Российское общество, включая преступность и борьбу с ней, за прошедшие десятилетия кардинально изменилось: его прежние идеалы, ценности, привычки, предпочтения и стереотипы существенно трансформировались. В связи с этим вызывает недоумение та легкость, с какой российское криминалистическое сообщество продолжает «вписывать в современность» Р.С. Белкина, упорно не замечая произошедших изменений. Отечественные криминалисты по-прежнему игнорируют «положение о зависимости нового знания от той социальной среды (культуры), в рамках которой оно появляется и затем совершенствуется»³, не учитывают того, что «знание существует в определенной социальной среде, влияние которой тем или иным образом сказывается на нем»⁴.

Исследование исторического развития науки выявило два основных подхода: первый (интернализм) рассматривает историю науки как развитие содержания научного познания, как историю научных идей, теорий, концепций и т.п.; второй

(экстернализм) делает акцент на влиянии на науку различных социокультурных факторов.

Творчество Р.С. Белкина в области формирования общей теории отечественной криминалистики на основе положений марксистско-ленинской философии является ярким образцом социальной детерминированности его идей.

В.С. Степин подчеркивал, что «в современной философии науки центральной является установка на изучение закономерностей научного познания в контексте исторического развития общества и культуры»¹.

М.К. Каминский справедливо отмечал: «Подчеркну еще раз, Рафаил Самуилович был и остается человеком своего времени. Справедливость этого утверждения подтверждается хотя бы тем, что в его многочисленных сносках фигурируют лишь философы советско-партийного времени. Работы таких мыслителей, как Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, Г.Г. Грушин, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, в сносках не значатся»².

А.А. Ивин обоснованно обращал внимание на важность определения стиля мышления: «Человеку только кажется, что его мысль совершенно свободна. В действительности она движется в том достаточно узком коридоре, который задается стилем мышления соответствующей эпохи и стилем мышления той культуры и той ее группы, к которой принадлежит человек. Именно в этом смысле говорят, что никто не может подняться над своим временем, над своей эпохой, выйти из истории и рассматривать исследуемые объекты с какой-то абсолютной, внеисторической и потому совершенно объективной позиции»³.

В отечественной криминалистике традиционно недооценивается роль критики. В.А. Окладной отмечает: «В механизмах формирования научной теории критике обычно отводится лишь негативная роль: устранение ошибок и заблуждений в существующем знании. Анализ историко-научного материала показывает, что всякая теория возникает как

¹ Толстолицкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Право. 2008. № 2. С. 204.

² Лихачёв Д.С. Предисловие // Репрессированная наука: Сборник. Л.: Наука, 1991. С. 5-6.

³ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха. С. 16.

⁴ Там же.

¹ Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический Проект; Трикта, 2011. С. 3.

² Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 162.

³ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха. С. 27.

деструктивно-конструктивное преобразование предшествующего знания в новое. Процедуры критики необходимо включаются в этот процесс и осуществляют в нем, наряду с негативными, позитивные функции: проблематизируют существующее знание, способствуют выдвижению и обоснованию новых идей, конституируют оценки разрешенности проблемной ситуации»¹.

Проработавший в науке более 45 лет С.Д. Хайтун приходит к следующему неутешительному выводу: «И меня поражает, сколь жестко и недоброжелательно относятся и всегда относились ученые к инакомыслящим в своей среде. Причем, это касается отнюдь не только российских ученых. Насколько я могу судить, так устроена вся мировая наука. При том, что именно инакомыслящие ученые создают банк новых идей, без которого было бы невозможно функционирование науки как социального института, ответственного за разработку нового знания»².

Сформулированные в 60-70-е годы прошлого столетия основные идеи Р.С. Белкина относительно существа, содержания и методологической роли общей теории советской криминалистики по-прежнему занимают господствующее положение в отечественной криминалистической науке и, как правило, не подвергаются тщательному критическому переосмыслению.

М.К. Каминский писал в 2002 году: «Из жизни ушел профессор Р.С. Белкин. Ушел ученый, который знаменовал целую эпоху в развитии криминалистики. Ушел, оставив огромное наследие, которое мы еще долгие годы будем осваивать, открывая новые грани, проникать в глубь сущности»³.

Спустя десять лет, в 2012 году М.К. Каминский отмечал, что идеи, мысли и утверждения Р.С. Белкина «и сегодня в значительной степени задают вектор развития и содержания криминалистики. Его идеи до сих пор, словно метро-

¹ Окладной В.А. Конструктивность критических процедур в процессе формирования научной теории // Сервис в России и за рубежом. 2012. № 5. С. 121.

² Хайтун С.Д. Кризис науки как зеркальное отражение кризиса теории познания: Кризис теории познания. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 11.

³ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. Выпуск 1 (3). М.: Спарк, 2002. С. 8.

ном, определяют ритм движения нашей науки. Именно поэтому вместо пошленьких дифирамбов необходимо тщательно и беспристрастно провести анализ его наследства, теоретического, прежде всего»¹. «Личность его настолько огромна и, как у каждого большого ученого и педагога, в известном смысле противоречива, что будущим его биографам предстоит нелегкий труд анализа различных граней этой личности»².

Н.И. Порубов, говоря о Р.С. Белкине, полагает, что «его роль в науке криминалистики заслуживает того, чтобы быть изученной в форме диссертационных исследований»³.

А.Ф. Волынский призывает «переключиться на серьезный системный научный анализ» творческого наследия Р.С. Белкина, его влияния на дальнейшее развитие криминалистической теории и практики⁴.

Однако до настоящего времени непредвзятый критический анализ богатого теоретического наследия Р.С. Белкина так и не был проведен. Его нынешние многочисленные сторонники придерживаются устаревших (консервативных) установок, не отражающих сложности реального познавательного процесса, а «криминалистическая элита» продолжает заниматься криминалистическим мифотворчеством, формируя исключительно «героический» образ научного кумира.

А.С. Александров не без оснований отмечал, что «авторитет некоторых криминалистов таков, что они получили статус кумиров, чьи суждения почитаются непререкаемыми истинами на всем смысловом пространстве специальности 12.00.09. Между тем, истины, которые они создавали, остались в прошлом веке»⁵.

Изложенное в полной мере относится к Р.С. Белкину, который продолжает оставаться незыблемым авторитетом

¹ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 157.

² Там же.

³ Порубов Н.И. Профессиограмма следственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 96.

⁴ Волынский А.Ф. Мировоззрение как доминанта научного подвига Рафаила Самуиловича Белкина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. Выпуск № 5 (34). С. 53.

⁵ Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики // URL: <http://iuaj.net/node/342> (дата обращения: 07.05.2019).

(«Лидером»), а его научное наследие обладает чуть ли не каноническим ореолом.

Л.А. Маркова верно замечает, что в науке принято воспринимать многое через репутацию автора, получившего тот или иной результат, а не сосредотачивать внимание на содержании и структуре открытого им знания¹.

В подтверждение тезиса о «канонизации» Р.С. Белкина и его научного наследия приведем некоторые оценки его научных достижений, имеющиеся в современной криминалистической литературе.

«Неординарные аналитические способности, прогностический талант позволяют относить Р.С. Белкина к ученым, оказавшим влияние на качественное состояние науки криминалистики, определившим стратегию ее развития. Его по праву следует назвать творцом отечественной истории, ваятелем незыблемых основ юриспруденции, носителем высочайшей правовой культуры. Человек-легенда ... Именно такие легенды и образуют славную плеяду выдающихся отечественных юристов, своим творчеством определивших будущее юриспруденции как части мирового правового наследия»².

Н.И. Порубов пишет: «Р.С. Белкин был генералом в милиции, генералом остался и в науке»³; «Р.С. Белкина любили и у него учились. Он вознесся настолько высоко, что там остался один, и мы, его ученики, не смогли до него дотянуться. Наш удел был комментировать его идеи»⁴.

Ф.Г. Аминев отмечает наличие у Р.С. Белкина «пытливого ума, не поддающегося консерватизму»⁵.

¹ Маркова Л.А. Социальная эпистемология – в контексте прошлого и будущего. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 84.

² Конев А.Н. Памяти большого ученого // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С.7.

³ Порубов Н.И. Профессиограмма следственной деятельности: монография. С. 94.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Аминев Ф.Г. Рафаил Самуилович Белкин и современный понятийный аппарат судебно-экспертной деятельности // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 16.

К.Е. Демин констатирует: «Труды великого советского и российского ученого энциклопедиста Рафаила Самуиловича Белкина имели, имеют и будут иметь огромное значение для развития криминалистической мысли, в своих многочисленных работах им были отражены самые актуальные темы исследований. Его неисчерпаемое по своей глубине наследие включает все разнообразие различных воззрений на наиболее востребованные практикой запросы времени, его пытливый ум всегда находился на пике научных направлений»¹.

Н.В. Карепанов считает, что «философские теории и категории, являются необходимыми и неотъемлемыми основами криминалистики, как науки, великодушно открытыми для нас настоящим ученым Р.С. Белкиным»².

О.Ю. Антонов пишет: «Научное наследие Рафаила Самуиловича Белкина велико, многогранно и многопланово. Его называют классиком, мэтром современной криминалистики, явлением в юридическом обществе, Гансом Гроссом современности, полагают, что отечественная криминалистика всей половины XX века освещена именем Р.С. Белкина. Среди качеств его личности можно выделить незаурядный ум и научный кругозор. Он являлся зрелым ученым и руководителем не просто отдельного творческого коллектива, а целой научной школы. Был прирожденным педагогом, великодушным лектором и просто Человеком с большой буквы, внимательно и с уважением относящимся ко всем окружающим его людям»³.

¹ Демин К.Е. Нейтрализация противодействия расследованию преступлений как частная криминалистическая теория // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 248.

² Карепанов Н.В. Философские категории в обозначении понятия следов как достойное наследие Р.С. Белкина // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 337.

³ Антонов О.Ю. Рафаил Самуилович Белкин – взгляд современников (к 95-летию со дня рождения) // Белкин Рафаил Самуилович: (к 95-летию со дня рождения) / под общ.ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 43.

Н.Г. Муратова полагает: «Думается, что профессор Белкин Рафаил Самуилович создал Концепцию мастерства доказывания, он создал Судебную криминалистику, которая способна найти «истину в правосудии» и раскрыть тайны объективного мира»¹.

И.В. Макогон и Л.В. Косарева отмечают: «В свое время Р.С. Белкин в силу величия и мудрости своего ума принял попытку исследовать в комплексе наиболее сложные и актуальные проблемы криминалистики – ее общей и частных теорий, принципов, функций и их роли в борьбе с преступностью»².

По мнению В.Ф. Орловой, «теория криминалистики, созданная Р. С. Белкиным, настолько философски и гносеологически выверена, что остается действенной и актуальной и сейчас, в условиях резко изменившихся реалий общественных отношений»³.

В.В. Храмцова заявляет: «Работы Р. С. Белкина послужили основой для формирования его научной школы, ещё при жизни он получил почётный неофициальный титул патриарха российской криминалистики»⁴.

Е.Р. Россинская пишет: «По натуре прирожденный педагог, блестящий лектор Р.С. Белкин был, что называется,

¹ Муратова Н.Г. Мастерство в судебной криминалистике (по страницам книги профессора Рафаила Самуиловича Белкина «Скучная криминалистика: рассказ об известных, малоизвестных и почти неизвестных средствах и методах поиска истины в правосудии» - 1993 г.) // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 548.

² Макогон И.В., Косарева Л.В. Перспективы развития общей и частных теорий современной криминалистики // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 68.

³ Орлова В.Ф. Труды Р.С. Белкина всегда актуальны // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 548.

⁴ Храмцова В.В. Мастер. К 95-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина // Мир криминалистики. 2017. № 3. С. 15.

преподавателем милостью божьей»¹. По ее словам, «творческое наследие заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора Р.С. Белкина поистине неисчерпаемо»², а самому Р.С. Белкину «всегда были свойственны полное отсутствие косности и консерватизма во взглядах, наряду с замечательной научной добросовестностью»³.

Т.Д. Телегина в качестве одного из «научных аргументов» использует «обращение к авторитету Р.С. Белкина»⁴.

В.П. Лавров также считает, что «Рафаил Самуилович – автор и разработчик поистине революционной и подлинной научной концепции криминалистики (конец 60-х – 70-е гг. XX в.)»⁵.

С ним солидарен О.Я. Баев, который неоднократно заявлял, что Р.С. Белкин сформулировал «принципиально новое», «революционное представление о предмете науки криминалистики как науки, в первую очередь, о закономерностях, лежащих в сфере судебного исследования преступлений»⁶. И хотя сам же О.Я. Баев отмечал, что «любая наука занимается изучением закономерностей, которым подчиняется объект ее исследований» и «эта посылка как будто является методологической аксиомой», тем не менее, по его мнению, «будучи приложенной к криминалистике, вызвала научный бум»⁷.

Несложно заметить, что выражения «поистине революционной», «подлинно научной» и т.п. стилистически направлены на формирование мифологизированного образа. На мой взгляд, революционным в данном случае является только

¹ Россинская Е.Р. Значение научного наследия профессора Р.С. Белкина для современной криминалистики и теории судебной экспертизы. С. 214.

² Россинская Е.Р. Воплощение идей Р.С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 3. С. 54.

³ Там же. С. 55-56.

⁴ Телегина Т.Д. Развитие представлений о предмете криминалистики как науки и учебной дисциплины // Вестник криминалистики. Выпуск 4 (36). М.: Спарк, 2010. С. 56.

⁵ Лавров В.П. Светлой памяти Р. С. Белкина – Ученого, Учителя, Человека // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 19.

⁶ Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 24; Баев О.Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения // Воронежские криминалистические чтения. 2018. № 3 (20). С. 100.

⁷ Баев О.Я. О нескольких проблемах современной отечественной криминалистики и возможных направлениях их разрешения. С. 100.

само это слово, используемое в целях усиления психологического воздействия (внушения) на доверчивых читателей.

Следует также отметить, что отдельные оценки криминалистов звучат очень странно. Так, например, выглядит следующее обращение С.Е. Егорова и И.А. Цховребовой к усопшему: «Спасибо Вам, Рафаил Самуилович, за то, что Вы были с нами, за то, что Вы сформировали нас как профессионалов, за то, что Вы раскрыли глубину и значение российской криминалистики»¹.

«Хотя Р.С. Белкин и не специализировался на проблемах комплексности и комплексных исследований, нельзя недооценивать его роль в развитии комплексной судебной экспертизы»².

М.О. Акопджанова считает, что «в современном мире идеи профессора Белкина стали основой для формирования законодательств многих государств мира о криминалистических тактиках расследования преступлений, собирании и использовании доказательств, экспертных оценках»³.

А.И. Бастрыкин считает, что «в работах Рафаила Самуиловича, содержащих философский подход с использованием положений ленинской теории отражения, прослеживается вся глубина его философских и мировоззренческих взглядов, как ученого-исследователя и педагога. Именно в этот период его научного творчества криминалистов стали по настоящему воспринимать и уважать не только как практиков, но и как истинных ученых, а криминалисты стали защищать не только кандидатские, но и докторские диссертации ...»⁴.

¹ Егоров С.Е., Цховребова И.А. Памяти выдающегося ученого // Вестник криминалистики. Выпуск 1 (37). М.: Спарк, 2011. С. 9.

² Кудряшов Д.А. О концептуальных вопросах комплексной экспертизы в научных трудах Р.С. Белкина // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 438-439.

³ Акопджанова М. О. Значение судебно-экологической экспертизы для защиты биосферы и научное наследие профессора Р. С. Белкина // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 8.

⁴ Бастрыкин А.И. Предисловие // Белкин Рафаил Самуилович: (к 95-летию со дня рождения) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина, Е.Р. Россинской. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 6.

Несложно заметить, что многие научные статьи, посвященные криминалистическому наследию Р.С. Белкина, напоминают застольные тосты, а не критический научный анализ. Многие из них пишутся лишь для того, чтобы быть положительно оцененными «криминалистической элитой», подменяя собой скрупулезный научный анализ объекта исследования.

Общеизвестно, что научный авторитет является особым типом капитала. П. Бурдьё обоснованно отмечал: «Научное поле как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально закрепленная за определенным индивидом способность легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки»¹.

«Эта «борьба за гегемонию» вводит такие ограничения на инновацию, как историческое прошлое, господствующая культура, состояние сфер общества, международное окружение. Эти внешние факторы интериоризируются правовой культурой в правосознание социума и подвергаются селективному отбору со стороны правящей элиты и референтной группы, после чего новый образец социально значимого поведения легитимизируется и означает (приобретает значение) как правовое поведение»².

Н.С. Розов приходит к выводу: «Коллегиальная общность в университетах, если не является чисто декларативной и декоративной (при реально действующей бюрократии), то играет чаще всего, увы, не инновационную, а резко консервативную, иногда даже реакционную роль. Объяснение

¹ Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001 // URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/almanah-soc_anal_burdye-8l.pdf (дата обращения: 07.05.2019).

² Честнов И.Л. Критический дискурс-анализ как метод постклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал. Серия «Юридические науки. М., 2014. №1 (13). С. 72-73.

тому простое: высоких академических позиций в такой общности, как правило, достигают уже в зрелом возрасте, причем авторитет сохраняется и у лиц преклонных лет, которые зачастую преобладают в университетских и факультетских ученых советах. Людям данной категории любые организационные инновации ни к чему: им нужен покой и стабильность как гаранты собственного привилегированного положения, тогда как плоды инноваций достаются обычно молодым и активным университетским деятелям»¹.

Суперцитируемость того или иного ученого также не всегда является показателем новизны и оригинальности его идей, высокого уровня развития науки, а нередко свидетельствует лишь о степени его влияния (гегемонии) на научное сообщество либо о том, что «автор осуществил правильный набор визитов»². Выбор, на кого ссылаться в своей статье, – это, говоря криминалистическим языком, часто тактическое решение.

А.В. Шмонин отмечает, что «опыт развития науки криминалистики свидетельствует о невозможности «закрывать» или, наоборот, «решать» научные проблемы, в том числе и в области криминалистической методике, путем ссылок на авторитеты»³. Тогда как опыт развития отечественной криминалистики свидетельствует как раз об обратном: именно ссылка на авторитет часто обеспечивает комфортную, хотя и не всегда научную позицию.

Ф.В. Лазарев и С.А. Лебедев убедительно показали, что «выбор между альтернативными концепциями и предпочтение одной из них как истинной или более вероятной не может быть решен на чисто когнитивных основаниях. В конечном счете такое предпочтение оказывается возможным только в результате научных коммуникаций между членами научного сообщества и подчас драматичных научных дискуссий и «переговоров» (путем критики, влияния научных авторитетов, традиций, школ, оценки практической значимости концепции и т.д.). Эти «переговоры», имеющие ярко выра-

женный социальный характер, как правило, заканчиваются выработкой определенного научного консенсуса. Однако, как показывает вся история науки, такой консенсус в принципе никогда не является и не может быть в принципе окончательным и не подлежащим пересмотру в будущем, другими поколениями ученых, новыми субъектами познания»¹.

«Именно когнитивная воля лежит в основе принятия субъектом познания решения об истинности того или иного фрагмента научного знания. Разумеется, эта воля не произвольна, а органически включена и детерминирована той системой факторов, которую мы назвали выше «познавательной ситуацией». Всякая воля имеет своими неизбежными «спутниками» определенное мужество и ответственность за принимаемые решения. В полной мере это относится и к когнитивной воле субъекта научного познания при решении им вопроса об истинности той или иной концепции. Мужество, когнитивный нонконформизм – такие же необходимые условия осуществления научной деятельности, особенно радикальных теоретических инноваций, как и любой другой вид человеческой деятельности. Бруно, Коперник, Лобачевский, Кантор, Эйнштейн, Павлов, Бор, Ландау – безусловно наиболее яркие примеры демонстрации этого важнейшего качества в научном познании»².

Под руководством Р.С. Белкина и на базе его концепции общей теории криминалистики подготовили и защитили диссертации порядка 120 его учеников³ (по другим данным, порядка 150 человек⁴), более тридцати из которых – доктора юридических наук⁵.

¹ Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Россинская Е.Р. Значение научного наследия профессора Р.С. Белкина для современной криминалистики и теории судебной экспертизы. С.215; Храмцова В.В. Мастер. К 95-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина // Мир криминалистики. 2017. № 3. С. 15.

⁴ Баев О.Я. Он был просто обыкновенным, нормальным гением (несколько слов о Р.С. Белкине) // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. трудов. Выпуск 14 / под ред. О. Я. Баева; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2012. С. 6.

⁵ Лавров В. П. Светлой памяти Р.С. Белкина – Ученого, Учителя, Человека. С. 20.

¹ Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. С. 182.

² Соколов М.М., Титаев К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 247.

³ Шмонин А.В. Методология криминалистической методике: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 6.

М. Полани отмечал: «Вы следуете за учителем, потому что верите в то, что он делает, даже если не можете детально проанализировать эффективность этих действий»¹.

А.В. Юревич обращал внимание на то, что место работы советских психологов удивительным образом совпадало с их теоретическими воззрениями: сотрудники Института психологии АН СССР выступали сторонниками теории общенности, разработанной директором этого института Б.Ф. Ломовым, а при А.В. Брушлинском – теорию его учителя С.Л. Рубинштейна; почти все сотрудники психологического факультета МГУ разделяли теорию деятельности, предложенную деканом А.Н. Леонтьевым².

По словам В.П. Лаврова, «Р.С. Белкин вошел в историю как создатель и умелый руководитель крупнейшей научной школы в области криминалистики, представителями и активными членами которой стали многие видные ученые не только Советского Союза, Российской Федерации (после распада СССР), но и целого ряда других государств», среди которых «И.М. Лузгин, Г.Г. Зуйков, Н.С. Полевой, О.Я. Баев, Л.Я. Драпкин, Г.А. Самойлов, Ю.Г. Корухов, А.А. Эйсман, Т.В. Аверьянова, А.С. Подшибякин, Н.И. Порубов, Г.И. Грамович, А.Ф. Абдумаджидов, М.В. Салтевский, А.Ф. Аубакиров, А.А. Закатов, А.Г. Филиппов, И.Н. Сорокотягин, В.П. Бахин, А.Ф. Волынский, Н.П. Майлис, сын Рафаила Самуиловича – Анатолий Рафаилович Белкин, дочь – Елена Рафаиловна Россинская и многие другие криминалисты, которые, в свою очередь, сами со временем стали создателями научных школ в определенных областях криминалистики»³. Кроме этого у научных руководителей школы Р.С. Белкина также большое число своих учеников, например, у профессора И.М. Лузгина было около тридцати успешно защитившихся учеников, а у профессоров А. Ф. Волынского и В.П. Лаврова – до полусотни у каждого⁴.

¹ Полани М. Личностное знание. / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. С.87.

² Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб.:РХГУ, 2001. С. 247–248.

³ Лавров В.П. Светлой памяти Р. С. Белкина – Ученого, Учителя, Человека. С. 19.

⁴ Там же.

По словам А.Н. Конева, «творческий путь генерал-майора милиции Р.С. Белкина завершился его пребыванием на кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России. На этой кафедре до настоящего времени продолжают развивать творческое наследие профессора Р.С. Белкина его соратники, ученики и последователи. Все это вселяет уверенность в то, что заслуги Рафаила Самуиловича, его вклад в российскую юриспруденцию востребованы, а его наследие активно пропагандируется и развивается»¹. В этой ситуации можно ли допустить, что на кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России могут работать криминалисты, не разделяющие научных взглядов Р.С. Белкина?

Выявление формальных и неформальных связей («руководитель-подчиненный», «учитель-ученик») имеет принципиальное значение для определения структуры криминалистического сообщества, понимания коммуникационных сетей в криминалистике, формирования ее научных школ и выяснения особенностей взаимоотношений между ключевыми фигурами отечественной криминалистики. Анализ коммуникационных сетей позволяет понять социальную (а не гносеологическую) природу криминалистического знания, а также организации научного взаимодействия.

Если считать, что «в основе формирования научной школы, нового научного направления лежала концепция отражения как гносеологического фундамента криминалистической науки»², тогда понятно стремление сохранить его значение любой ценой. Тем более что, по словам О.Я. Баева, «вся современная криминалистика вышла из монографий, научных и учебных публикаций Р.С. Белкина»³.

А.С. Шаталов справедливо отмечает, что «любое отступление от традиций, пересмотр устоявшихся понятий воспринимается не сразу и не всеми, поэтому нередко вызывает возмущения»⁴.

¹ Конев А.Н. Памяти большого ученого. С.8.

² Аверьянова Т.В. Рафаил Самуилович Белкин (к 85-летию со дня рождения) // Вестник криминалистики. Выпуск 2 (22). М.: Спарк, 2007. С. 7.

³ Баев О.Я. Криминалистика: позавчера, вчера, сегодня, завтра (Вместо предисловия) // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2016. № 1(18). С. 6.

⁴ Шаталов А.С. Научное наследие Р.С. Белкина в теории криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений //

По некоторым оценкам, для «прорыва» старой традиции в науке необходима группа около 20 человек, а для создания новой традиции – от 500 до 1000 человек¹.

Актуальный вопрос заключается в следующем: насколько многочисленны ученики и последователи Р.С. Белкина, составляющие «гвардию современной криминалистики»², в состоянии проверять, критиковать, обогащать и развивать наследие Р.С. Белкина с учетом произошедших в обществе и в науке кардинальных изменений, или они будут продолжать заниматься преимущественно комментаторским преклонением перед его многочисленными работами.

Как показывает жизнь, в современной отечественной криминалистике устойчивы клишированные идеи, привычные стандарты поведения, включая некритические оценки. Так, Ю.Г. Корухов констатировал: «Не боясь впасть в преувеличение, можно утверждать, что в своих многочисленных работах Р.С. Белкин заложил основы и впоследствии создал и развил две важнейшие составляющие науки криминалистики: ее общую основу и ее методологию – как стройное системное учение о методах криминалистики, о роли общей теории в методологическом обеспечении науки»³.

Тогда как М.К. Каминский справедливо отмечал в 2002 году: «За минувшие десять лет, судя по опубликованным данным, не защищено ни одной диссертации по методологии и ОТК в рамках концепции Р.С. Белкина»⁴. Разве это не свидетельствует о догматизации концепции Р.С. Белкина?

Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): Сборник материалов 53-х криминалистических чтений: в 3-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч.1. С.80.

¹ Тульчинский Г.Л. Идеи: источники, динамика и логическое содержание // Философский век. Альманах. Выпуск 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. Материалы международной конференции «История идей как методология гуманитарных исследований» (Санкт-Петербург, 27-30 сентября 2001 г.). / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. С. 54.

² Баев О.Я. Он был просто обыкновенным, нормальным гением (несколько слов о Р.С. Белкине). С. 6.

³ Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. Выпуск 1 (3). М.: Спарк, 2002. С. 6.

⁴ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. Выпуск 1 (3). М.: Спарк, 2002. С. 8.

Р.Ф. Додельцев и В.И. Коннов отмечают, что «юбилей – место не только для хвалебных здравниц, но и для критических замечаний»¹. Однако труды Р.С. Белкина зачастую предстают не как объект научного исследования, а в качестве некоего сакрального текста, стандарта, ориентира, догмы. При этом не замечается, что Р.С. Белкин отождествлял теорию познания и теорию отражения; взамен сложности познания реального преступления предложил иллюзорно простую конструкцию отражения, причем без активной роли субъекта познания; безосновательно признавал структуру разработанной им общей теории криминалистики результатом (следствием) структуры изучаемого объекта; был убежден в том, что научные идеализации являются тождественными объектам изучаемой реальности; приписывал диамату роль своеобразного ключа к решению научных и методологических проблем криминалистики; преувеличивал значение теоретического знания, при обосновании которого опирался преимущественно на логический анализ высказываний, а не на его эмпирическое подтверждение, и т.д.

Ф.В. Лазарев и С.А. Лебедев сформулировали важный гносеологический вывод, что «ни один исследователь в науке не обладает способностью занимать позицию привилегированного субъекта, постигающего абсолютную истину о мире. Напротив, существует множество возможных для субъекта познавательных позиций, каждая из которых имеет свою перспективу видения реальности, но обеспечивает получение ограниченной истины. Признание существования равноправных (т.е. имеющих равное право на истину) позиций не отменяет, однако, того факта, что позиции эти часто могут иметь отличные друг от друга гносеологические характеристики»².

Однако в отечественной криминалистической литературе продолжается мифологизация научного наследия Р.С. Белкина, а все его идеи тиражируются как «единственно верные», «подлинно истинные», вневременные, непреложные положения. До сих пор нет всестороннего критического

¹ Додельцев Р.Ф., Коннов В.И. Главный миф психоанализа: к столетию издания «Тотем и табу» З. Фрейда // Вестник МГИМО. 2013. №6 (33). С. 255.

² Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход. С. 102-103.

анализа его научного наследия на предмет выяснения, что в нем можно считать устаревшим, а что сохраняет еще свою актуальность.

Подтверждением этому служат и неоднократные предложения об издании полного собрания сочинений Р.С. Белкина, независимо от их действительной научной ценности, что стало бы «хорошим подарком всем юристам, всем гражданам России, а также памятным свидетельством к будущему юбилею»¹.

Советской криминалистики уже нет, она перестала быть реальностью, стала прошлым, которое исчезло из физического пространства. Однако остались ее тексты, из которых мы реконструируем ее понятия, концепты, смыслы, значения, мифы, заблуждения и ошибки. С каждым днем становится все меньше тех, кто были очевидцами советской криминалистами, тогда как новые поколения криминалистов продолжают усваивать и тиражировать устаревшие конструкции на основе старых текстов (моделей) прошлой реальности. При этом в нашей науке ничего не говорится о сложностях при изучении научных текстов прошлого, а также обязательного учета исторического (временного) контекста их появления и функционирования.

П. Бурдьё отмечал: «Факт, что тексты циркулируют вне своего контекста, что они не переносятся вместе с полем производства – воспользуюсь моим лексиконом, - продуктом которого они являются, усугубляется тем, что воспринимающая сторона, состоящая в свою очередь в другом поле производства, дает им иную интерпретацию, зависящую от структуры воспринимающего поля. Этот факт порождает удивительные недоразумения. Из такого описания, которое мне кажется объективным, можно сделать как оптимистические, так и пессимистические выводы»².

«Строго говоря, задача историка науки заключается в том, чтобы, изучая текст прошлого, не просто перевести

¹ Лавров В. П. Светлой памяти Р.С. Белкина – Ученого, Учителя, Человека. С. 21.

² Бурдьё П. Социальные условия международной циркуляции идей // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 542.

его так или иначе на современный язык, но и в том, чтобы описать особенности зафиксированного в этом тексте знания»¹.

Главная цель мифологизации наследия Р.С. Белкина заключается в стремлении «криминалистической элиты» придать важной, но исторически преходящей роли Р.С. Белкина ранг вечной, незыблемой, вневременной, а его личности – фантастический, величественный образ «хорошего героя», «носителя абсолютного добра, знания и истины» и т.п. Хотя, как известно, еще Ф. Бэкон выступал против преклонения перед авторитетами, относя это к одному из идолов разума.

Для российской науки в целом характерна оглядка на авторитет отдельных ученых. Так, М.П. Чубинский отмечал в 1905 году, что «частью воскресли средневековое преклонение перед авторитетами и изобилие цитат, порой подавляющих читателя, частью во имя прошлого ослабело внимание к потребностям настоящего, живая связь с современностью, понимание ее пульса и отзывчивость на его биение»².

В биографии И.П. Павлова, опубликованной в 1949 году, П.К. Анохин писал об опасности превращения учения великого физиолога в догму и возможности ее «канонизации»³.

Другим ярким примером подлинной катастрофы в биологии и генетике являлся «монопольный авторитет» Т.Д. Лысенкова.

С.П. Митричев в 1951 году отмечал, что критика и самокритика – «главный и основной принцип для развития науки. Между тем многие наши ученые-криминалисты еще не привыкли по-настоящему, как этому учит нас товарищ Сталин, относиться к критике и самокритике. Ложное самолюбие

¹ Мамчур Е.А. Глава IV. Отечественная философия науки: 60-90-е годы // Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 243.

² Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 342.

³ Анохин П.К. Иван Петрович Павлов. Жизнь, деятельность и научная школа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 335.

заставляет их относиться к критике с обидой, с затаенной неприязнью к критикующему»¹.

По словам С.П. Митричева, «там же, где нет критики и самокритики, страдает научная работа»², «творческие научные дискуссии с борьбой мнений и свободной критикой являются лучшим методом, обеспечивающим движение науки вперед»³.

П.И. Тарасов-Родионов в 1951 году также отмечал, что «серьезным недостатком в области развития советской криминалистики и становления ее как науки о следствии, как правовой науки, является отсутствие широких свободных дискуссий по основным вопросам науки», а также то, что «ряд наших криминалистов не любит здоровой критики и самокритики»⁴.

Г.И. Кочаров в 1966 году писал, что научная работа в области юриспруденции велась в стране с середины 30-х годов XX-го столетия с оглядкой на непререкаемый авторитет А.Я. Вышинского в вопросах права⁵.

По словам Э. Ферри, есть два способа сохранения научного наследия: «во-первых, мы можем получать и передавать его нетронутым нашим потомкам, занимаясь только простым научным пережевыванием, что и легко и удобно; во-вторых, мы можем благодаря нашим усилиям умножить его и возвысить его ценность, что и составляет, по нашему мнению, главнейшую обязанность молодых людей, посвящающих себя науке. Каждому возрасту свое назначение: как в науке, так и в жизни пусть старики остаются консервативными, а молодежь должна идти вперед, если хотят, чтобы ход человеческой жизни согласовывался с законами природы»⁶.

¹ Митричев С.П. Задачи советской науки криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник работ по методике расследования преступлений. Выпуск первый. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же.

⁴ Тарасов-Родионов П. Советская криминалистика // Социалистическая законность. М., 1951. № 7. С. 15.

⁵ Кочаров Г.И. Введение // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 9.

⁶ Ферри Э. Уголовная социология / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. ИНФРА-М, 2005. С. 654.

А.В. Юревич и И.П. Цапенко верно отмечают: «Как и всегда в реальной науке, противостояние парадигмальных идей выливается в противостояние людей, которые эти идеи отстаивают, а противоборство парадигм происходит так, как описано Т. Куном, – в виде противоборства группировок ученых, сильно напоминающих политические партии (Кун, 1975)»¹.

Следует согласиться и с мнением немецкого криминолога Ганса Шнайдера, что «ученый не должен постоянно вращаться только в доброжелательном кругу друзей-единомышленников, он должен идти на научный спор, как бы это ни было трудно»².

К сожалению, нынешние поклонники теории отражения в криминалистике, видимо, не знают, что утверждение Р.С. Белкина о том, что вся криминалистика базируется на теории отражения, а категория «отражение» в различных своих ипостасях пронизывает всю криминалистику, далеко не сразу, по словам самого же Р.С. Белкина, «овладела массами»³. В данном случае нашло подтверждение замечание Макса Планка о том, что новая теория может быть окончательно принята не посредством убеждения оппонентов, а только после их смерти, когда вырастает новое поколение, уже привыкшее к ней.

М.С. Гусельцева верно замечает: «Тоталитарные эпохи влекут за собой долгий инерционный шлейф культурно-психологического наследия как в жизни общества, так и в эволюции науки, не позволяя в дальнейшем адекватно отвечать на вызовы современности. В отечественной интеллектуальной традиции это проявляется в нетерпимости к иному мнению и, одновременно, позитивной чувствительности к статусам и авторитетам, в сложности учета при построении картины реальности других подходов и альтернативных точек зрения, в то время как современная познавательная ситуация в общемировом контексте характеризуется открытостью

¹ Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 62.

² Шнайдер Г.И. Криминология: Пер. с нем. / Под общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М.: Изд. группа «Прогресс» - «Универс», 1994. С. 98.

³ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: НОРМА, 1999. С. 223-224.

дисциплинарных границ, методологическим плюрализмом и либерализмом, популярностью полипарадигмальности и смешанных методологий¹.

Преодолению отечественных тенденций авторитаризма и общего тоталитарного наследия способствует вдумчивое изучение истории науки, личные и коллективные усилия методологической рефлексии².

В любом научном сообществе складывается следующая весьма противоречивая ситуация: «В качестве участников научного дискурса выступают ученые, исследователи, формирующие определенные научные сообщества. С одной стороны, в рамках данных сообществ выстраивается иерархия, маркируемая учеными степенями и званиями. Но с другой – в процессе научной коммуникации она нивелируется в связи с двумя принципиальными установками по отношению к основным ценностям научного познания: 1) ни один человек не обладает абсолютным знанием истины; 2) в ходе научного познания и коммуникации принципиальной является критическая оценка всей информации, вне зависимости от статуса субъекта, единственным критерием оценки истинности являются научная аргументация и верификация»³.

Для отечественной криминалистики настало время для преодоления конформистского образа поведения, тотальной зависимости от авторитетов, преклонения перед застарелыми и вновь создаваемыми мифами, отказа от признания одной («единственно верной») точки зрения и перехода к критике собственных иллюзий, вдумчивого и критического переосмысления исторического наследия, а также для проверки (верифицируемости, фальсифицируемости) теоретических положений на их соответствие требованиям практики.

В этой связи позиция некоторых современных криминалистов носит антинаучный характер и сводится к тому, что нужно прекратить всякий спор и заявить, что многие вопросы

¹ Гусельцева М.С. Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 5. // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva-36.html> (дата обращения: 05.05.2019).

² Там же.

³ Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Томского университета, 2010. С. 72-73.

отечественной криминалистики уже давно и не нами решены, несмотря на имеющиеся парадоксы и противоречия. При этом они не видят или не хотят видеть, что старые истины приходится пересматривать в новом контексте. Так, А.Ю. Головина беспокоит то обстоятельство, что «в последние годы в юридической литературе участились случаи появления различного рода критических суждений в адрес традиционной теории и методологии криминалистики. При этом основной вектор критики нередко нацелен, как правило, на концепцию общей теории криминалистики, сформулированную Р.С. Белкиным и положенную, хотя бы на идейном уровне, в основу работ многих других ученых-криминалистов»¹.

Складывается впечатление, что А.Ю. Головин не готов допустить даже саму мысль о том, что общая теория Р.С. Белкина может когда-нибудь или кем-нибудь пересмотрена.

Как справедливо отмечал П. Фейерабенд, «нападки на фундаментальные идеи вызывают такую же «табу»-реакцию, как «табу» в так называемых примитивных обществах»².

Криминалисты забыли призыв А. Эйнштейна: «Мы должны проверять старые идеи, хотя они и принадлежат прошлому, ибо это – единственное средство понять значительность новых идей и пределы их справедливости».

Однако давно и не нами установлена следующая закономерность – авторитеты, за редким исключением, не подвергают сомнению сложившееся состояние дел, которое их устраивает. Догматический стиль мышления «характеризуется не критическим отношением к однажды принятым положениям и нежеланием по-новому увидеть изменения объекта»³.

И. Лакстос утверждал: «Многие философы пытались решить эту проблему так: некоторое утверждение становится знанием, если достаточное число людей верит в него достаточно сильно. Но история мысли показывает, что множество

¹ Головин А.Ю. Криминалистика: почему вредны «идеи кризиса» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-3. С. 10.

² Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 298.

³ Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник. Учебное пособие. Орёл: ОГУ, 2010. С. 152.

людей было полностью предано абсурдным верованиям. Если сила веры является отличительным признаком знания, нам придётся расценивать истории о демонах и ангелах, о рае и аде как знание. С другой стороны, учёные всегда относятся скептически даже к лучшим своим теориям. Теория Ньютона – самая продуктивная из созданных наукой на сегодняшний день, хотя сам Ньютон никогда не верил в то, что тела притягиваются на расстоянии. Поэтому никакая степень веры не делает её знанием. И в самом деле, отличительный признак научного образа действий – это сохранение скептицизма даже по отношению к самым любимым теориям. Слепая приверженность какой-либо теории не является интеллектуальным достоинством: скорее, это интеллектуальное преступление»¹. По словам И. Лакатоса, «все теории рождаются опровергаемыми и умирают опровергаемыми»².

По моему мнению, спор в науке – это подтверждение того, что криминалистика еще как-то реагирует на реальные проблемы. Научная критика сама по себе есть положительное знание³.

П.Л. Капица остроумно говорил: «Когда в какой-либо науке нет противоположных взглядов, нет борьбы, то эта наука идёт по пути к кладбищу, она идёт хоронить себя»⁴.

В.А. Белов обоснованно утверждает: «Критика (конструктивная) и полемика (профессиональная) еще никому не помешали. Критика и полемика – не оскорбление и не основание к переходу на личности, а нормальная атмосфера существования любой науки. «Я считаю иначе» (придерживаюсь

иного мнения, не согласен с тобой, полагаю, что ты неправ и т.д.) – ни с какой точки зрения не эквивалентно высказыванию типа «ты – дурак»»¹.

Кстати, Европейский Суд по правам человека также подчеркивал важность академической свободы, которая «включает свободу ученых на свободное выражение своего мнения об институтах или системе, в которых они работают, и свободу на распространение знаний и правды без ограничения»².

Как отмечал М. Уолцер, «императив универсален: критикуй мир – он нуждается в этом!»³.

При этом особо следует подчеркнуть следующее: недопустимо смешивать (отождествлять) критическое отношение к научным взглядам какого-либо ученого с отношением к нему как человеку.

¹ Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // URL: <http://www.lse.ac.uk/collections/lakatos/ScienceAndPseudoscience.htm> (дата обращения: 05.05.2019).

² Лакатос И. Наука и псевдонаука (Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г.) // URL: <http://www.lse.ac.uk/collections/lakatos/ScienceAndPseudoscience.htm> (дата обращения: 05.05.2019).

³ Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А. Объект исследования - наука / Н. Кузнецова, М. Розов, Ю. Шрейдер. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 434.

⁴ Всё простое – правда... Афоризмы и размышления П.Л. Капицы, его любимые притчи, поучительные истории, анекдоты / Сост. П.Е. Рубинин. М.: Изд-во Моск. физ.-тех. ин-та, 1994 // URL: http://jorigami.ru/NewDoc/For_100_years_of_akad_PL_Kapitsa.htm (дата обращения: 04.05.2019).

¹ Белов В.А. Очерки вещного права. Научно-полемические заметки: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 18.

² Культурные права в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. 2011. С. 21-22. // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_cultural_rights_RUS.pdf (дата обращения: 04.05.2019).

³ Уолцер М. Компания криков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. Перевод с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 16.

4. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ Р.С. БЕЛКИНА

Современные исследователи фиксируют очень важную связь мировоззрения исследователя и его языка, а также их прямую зависимость от той эпохи, в которую творит ученый¹. Во многом именно под влиянием «духа эпохи» учеными и создаются их теории. Г.-Г. Гадамер подчеркивал на этот счет, что «разум существует лишь в конкретно-исторических формах»².

Формируемые учеными научные теории в значительной мере выражают социально-политические и личностно-психологические особенности их авторов.

В результате «антропологического» («человекоцентричного») рассмотрения отечественной криминалистики, предполагающего исследование влияния социально-политической обстановки в стране на формирование особенностей профессиональной биографии и мировоззрения его творцов, можно реконструировать особенности их методологических воззрений, выявить факторы, оказавшие влияние на формирование их личности, становление системы научных взглядов в контексте развития отечественной науки, социальной истории нашей страны.

Соответственно, чтобы выявить интересующую нас связь мировоззрения Р.С. Белкина и используемого им языка (выбранных им языковых средств) в его научных текстах, а также особенности развития его профессиональной биографии, необходимо использование биографического метода.

Помимо множества личных событий Р.С. Белкин пережил много и общественно значимых (судьбоносных) для всей страны событий, например, таких как культ личности Сталина, Великая отечественная война, борьба с «безрод-

¹ Чернейко Л.О. Метафизика и поэтика в научном идиолетке // Филологические науки. 2009. № 3. С. 23; Хукаленко Ю.С. Язык как средство выражения когнитивной модели зоологии в современных научных текстах на русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2016. С. 113.

² Гадамер Г.-Г. Миф и разум // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 92.

ными космополитами», XX съезд партии, полная надежд «хрущевская оттепель», принятие в 1961 г. Программы КПСС на XXII съезде КПСС, ввод войск в Чехословакию и т.д., которые, несомненно, существенно повлияли на формирование его гражданских и профессиональных установок.

С учетом основной тематики работы ограничим исследование временными рамками 40-60 гг. прошлого столетия вплоть до издания Р.С. Белкиным в 1970 году монографии «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики»¹, которую признают «фундаментальным» для отечественной криминалистики трудом.

Хотя не существует универсального способа, который бы с достоверностью и очевидностью продемонстрировал влияние различного рода факторов на личность и взгляды отдельного ученого, будем исходить из того, что понимание особенностей возникновения и развития философских и теоретических взглядов Р.С. Белкина на методологию криминалистики и ее общую теорию невозможно без учета воздействия на него той социально-культурной среды, в которой проходило его профессиональное становление.

«Биография человека не сводится к последовательности личных и/или общественно значимых событий, она есть также многолетнее движение мысли, чувства, воли – внутреннего мира человека (недаром говорят: интеллектуальная, творческая и т.д. биография)»². Профессиональная биография «должна рассказывать о выборе человеком профессии, об овладении ею и собственно о том, что им было сделано, содержать анализ мотивации его деятельности и описание его профессионального окружения»³.

С учетом изложенного, анализ профессиональной биографии Р.С. Белкина и интерпретация его научных текстов позволяют сделать обоснованное предположение, что обращение Р.С. Белкина к философской теории отражения было

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: НИИРПО Высшей Школы МВД СССР, 1970.

² Алексеев А.Н. К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп. 2012. №3 (93). С. 18.

³ «Работа над биографиями – это общение с моими героями». Интервью Бориса Докторовы Владимиру Ядову // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 96.

далеко неслучайно. В отечественной криминалистике Р.С. Белкин выступал в качестве активного приверженца и пропагандиста философии марксизма-ленинизма, что и послужило основной причиной для последующего преувеличения им роли философской категории «отражение» в криминалистике. И это вполне объяснимо: советская криминалистика, впрочем, как и вся советская наука, не могла не базироваться на марксистско-ленинской парадигме, имевшей силу и влияние официальной государственной идеологии. «Считалось, что в науке есть две точки зрения – правильная марксистская и неправильная, враждебная ей»¹.

В целях понимания всех аспектов «движения научной мысли» Р.С. Белкина о роли теории отражения в криминалистике отметим те особенности его профессиональной биографии, без учета которых чрезвычайно сложно понять мотивацию и ценности Р.С. Белкина.

Как справедливо отмечает Б.З. Докторов, «следуя определенной методологии изучения биографий, то есть жизни и творчества ключевых участников становления того или иного раздела науки, оказывается возможным высветить главное в истории самой науки: понять ее дух и раскрыть ее потенциал»².

С учетом изложенного, история идеи о том, что отражение образует «самый фундамент криминалистики, сущность этой науки»³, не будет полной, если ничего не сказать о личности и мотивации ее создателя.

Р.С. Белкин родился 11 июля 1922 года. По словам Е.Р. Россинской, «в 1940 г. он с золотой медалью окончил среднюю школу № 243 г. Москвы и собирался поступать в Московский энергетический институт, но был призван в Красную армию»⁴.

Как отмечает Е.Р. Россинская, «поскольку красноармеец Р.С. Белкин окончил 10 классов (а таких в армии было

тогда еще немного), в феврале 1941 г. его направили учиться на курсы младших политруков»¹.

Однако вряд ли следует считать наличие десятиклассного образования у красноармейца единственной и достаточной причиной направления его на учебу на курсы младших политруков. Тем более, что подбор военных кадров в стране после периода «Большого террора» осуществлялся главным образом по политическим критериям, не говоря о комплектовании политических органов в вооруженных силах (с августа 1940 г. – управления (отделы) политической пропаганды), главная задача которых заключалась в осуществлении политической работы среди личного состава военнослужащих, пропаганде коммунистической идеологии.

В.В. Жарков пишет, что «большая роль в организации политической работы в армии отводилась партийно-государственному руководству страны, а серьезный анализ проблем подменялся обильными цитатами из работ В.И. Ленина и И.В. Сталина»².

По сведениям В.И. Голикова, в военно-политических училищах, функционировавших с 1938 г. в каждом военном округе, политруки готовились из военнослужащих – кандидатов и членов ВКП(б) с образованием не ниже 6-7 классов³. В 1939 г. в военных округах и отдельных армиях были созданы шестимесячные курсы младших политруков⁴.

Таким образом, основными причинами направления Р.С. Белкина на курсы младших политруков все же следует признать его «политическую благонадежность» и «беззаветную преданность делу нашей партии», без которых было бы невозможно вступление красноармейца Р.С. Белкина в возрасте 18 лет (в 1940 г.) в ряды ВКП(б).

¹ Там же. Россинская Е.Р. Значение научного наследия профессора Р.С. Белкина для современной криминалистики и теории судебной экспертизы. С. 209.

² Жарков В.В. Политическая работа в РККА (1929-1939 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2005. С. 4.

³ Голиков В.И. История подготовки командных кадров на территории Сибирского военного округа в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1920-1945 гг.) / под ред. Ю.В. Куперта. Томск: Изд-во НТА, 2009. С. 80.

⁴ Там же. С. 99.

¹ Лихачёв Д.С. Предисловие // Репрессированная наука: Сборник. Л.: Наука, 1991. С. 5-6.

² «Работа над биографиями – это общение с моими героями». Интервью Бориса Доктора Владимиру Ядову. С. 86.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 32.

⁴ Россинская Е.Р. Значение научного наследия профессора Р.С. Белкина для современной криминалистики и теории судебной экспертизы. С. 209.

Нетрудно подсчитать, что общий партийный стаж Р.С. Белкина составлял не менее 50 лет: с 1940 года по 1990 год (год массового исхода из КПСС). Полагаем, что вступал в партию он рано, но добровольно и осознанно, хотя истинные мотивы вступления неизвестны. В своих автобиографиях Р.С. Белкин об этом ничего не говорил.

Имеются основания полагать, что в системе мировоззрения Р.С. Белкина в то время уже произошло формирование ценностных ориентаций, определявших его дальнейшие поступки, в частности, вступление в члены ВКП(б), дальнейшее обучение на курсах младших политруков, последующую работу в дивизионной газете, исполнение обязанностей партийного функционера и т.д.

Известный социолог А.Н. Алексеев отмечал: «Понятно, что членство / не членство в КПСС не являлось ключевой, тем более – исчерпывающей характеристикой, неким атрибутом (сущностным качеством), а всего лишь одним из модусов, опосредующих связь между ментальным ядром личности и различными жизнепроявлениями и формами поведения. Вместе с тем, это было одним из индикаторов (не однозначным!) общественного статуса, жизненного успеха, престижа, но и не только, а также – в значительной мере – возможности влиять на ход вещей»¹.

Будучи членом ВКП(б), политруком и секретарем армейской газеты, Р.С. Белкин не мог не заниматься пропагандой содержания «величайших образцов» человеческой мысли, изложенных в книгах Сталина «Об основах ленинизма», «Краткий курс истории ВКП(б)» и др.

«3 июля 1941 г. курсантов в связи с военным положением выпустили досрочно. Р.С. Белкин получил назначение на должность заместителя командира минометной роты по политчасти 113-го стрелкового полка 32-й Краснознаменной Саратовской стрелковой дивизии 25-й армии, а затем был переведен на должность секретаря редакции дивизионной газеты «В бой за Родину», сформированной на Дальнем Востоке 415-й стрелковой дивизии, в составе которой в октябре 1941 г. выехал на фронт под Москву»².

¹ Алексеев А. 30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС) // Телескоп. 2011. № 3 (87). С. 11.

² Россинская Е.Р. Значение научного наследия профессора Р.С. Белкина для современной криминалистики и теории судебной экспертизы. С. 209-210.

Армейские газеты начали создаваться в нашей стране в апреле 1939 г. по решению ЦК ВКП(б)¹, а их деятельность была объектом всеобъемлющей тотальной партийной цензуры.

Получается, что в возрасте 19 лет Р.С. Белкин уже был «политически грамотным работником», что и позволило ему стать секретарем редакции дивизионной газеты.

Дивизионные военные газеты были самым массовыми и их штат, как правило, состоял из редактора, секретаря, одного или двух литсотрудников, двух наборщиков, печатника и двух шоферов². Согласно приказам и уставным нормам, редакции и типографии военных газет находились во втором эшелоне дивизии, армии, фронта³.

Редакции военных газет находились в подчинении соответствующих политорганов, а потому редактор дивизионной газеты по должности был старшим политруком, инструктор газеты (литературный сотрудник) – политруком, ответственный секретарь – младшим политруком⁴.

В условиях культа личности Сталина политическая работа в войсках была направлена в основном на идейно-политическое (коммунистическое) воспитание военнослужащих на основе повседневной пропаганды политики и мероприятий партии и правительства.

В наградном листе к представлению к медали «За отвагу», подписанном в 1943 г. начальником политотдела 415 стрелковой Мозырской дивизии полковником А. Кудрей, капитан Р.С. Белкин значился заместителем редактора газеты 415 стрелковой дивизии:

«Тов. Белкин, участвуя вместе с подразделениями дивизии в форсировании реки Днепр, оказал в боевой обстановке большую помощь в проведении партийно-политической работы, обеспечившей наступательный порыв воинов.

² Третьяк В.Л. Становление и развитие советской армейской прессы в годы Великой Отечественной войны // Победа - одна на всех: материалы междунар. науч.-практ. конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. С. 113.

³ Играев Б.А. Журналистика в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие по истории отечественной и региональной журналистики 1940-1945 годов. Тула: Тульский государственный университет, 2016. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁴ Там же.

Выполняя свою основную работу – организацию материала для газеты – он на передовой линии организовывал письма-летучки о героях-воинах, выпускал боевые листки, проводил беседы, митинги, личным примером увлекал бойцов на самоотверженную борьбу за форсирование Днепра.

Тов. Белкин находится на фронте с момента организации дивизии – с сентября 1941 года и своей работой помогает воспитанию бойцов и командиров, выполняя задания на отлично. Не взирая ни на какие опасности в боевой обстановке, он до конца доводит начатое дело.

Тов. Белкин – поэт. Его стихи печатаются в газете, пользуются популярностью дивизии. Им написаны боевые песни для отдельных частей, в частности, для 1326сп; песни с любовью распеваются бойцами соединения. Тов. Белкин принял непосредственное участие в создании дивизионного ансамбля, написал для него ряд художественных произведений, в частности оратории ко 2-й годовщине дивизии.

Ходатайствую о награждении тов. Белкина медалью «За отвагу»¹.

В наградном листе к представлению капитана Р.С. Белкина к ордену «Красной звезды», подписанном в июле 1944 г. начальником политотдела 415 стрелковой Мозырьской дивизии полковником А. Кудрей, указано следующее:

«Тов. Белкин в боях за г. Пинск находился непосредственно в частях и оперативно доставлял с поля боя корреспонденцию в газету. Находясь непосредственно в ротах, помогал командирам в выпуске писем-летучек об отличившихся в боях. В минуты затишья боя проводил беседы с бойцами, рассказывал им о положении дел на фронтах Отечественной войны, показывал лучших бойцов и командиров, отличившихся в боях.

Перед наступлением на г. Пинск тов. Белкин, находясь в 1326 сп, организовал выпуск боевых листков, мобилизующих бойцов и командиров на образцовое выполнение боевого приказа. И вместе с батальонами вошел в г. Пинск.

Являясь начальником партийно-политического отдела газеты, тов. Белкин умело показывает на страницах газеты опыт работы парторгов рот и батальонов, работу низовых агитаторов. Представляю тов. Белкина для награждения орденом Красной звезды»¹.

В наградном листе к представлению капитана Р.С. Белкина к ордену «Отечественной войны I степени», подписанном в мае 1945 г. начальником политотдела 415 Мозырьской стрелковой дивизии полковником А. Кудрей, дается следующая характеристика:

«Тов. Белкин Р.С., работая в красноармейской газете «В бой за Родину» в течение всего периода Отечественной войны вырос в зрелого газетчика-фронтовика. Систематически посещая полки и батальоны и хорошо зная жизнь части, боевые успехи подразделений, жизнь бойцов, тов. Белкин умело освещал в своих корреспонденциях боевой опыт и подвиги лучших воинов, проявляя инициативу в подаче материалов в наиболее доступной и читательной форме. Во время наступательных боев на территории Германии т. Белкин держал постоянную связь с действующими подразделениями, часто был непосредственно в батальонах и кроме обычной работы по корреспондированию проводил с бойцами, редакторами боевых листков беседы о задачах красноармейской печати, организовывал военкоровский актив.

Очерки, сатирические стихи и зарисовки т. Белкина пользуются уважением читателя. Тов. Белкин много и старательно работал над пропагандистскими статьями и материалами по освещению опыта партийно-политической работы.

Ходатайствую о награждении тов. Белкина орденом «Отечественной войны II степени»².

Н.И. Румянцев отмечает: «Опыт отечественной журналистики военных лет во многом напоминает неразобранную почту и нуждается в серьезном научном обобщении. До сих пор нет добротных исследований печати действующей армии, её влияния на морально-психологическое состояние бойцов и командиров Красной армии»³.

¹ Архивные документы о данном награждении Белкин Рафаил Самуилович 1922 г. р. Орден «Красной Звезды» № записи: 32488615 / Подвиг народа 1941-1945 // URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=32488615&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 05.05.2019).

² Там же.

³ Румянцев Н.И. Журналистика в военной шинели // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 25.

¹ Белкин Рафаил Самуилович 1922 г. р. Медаль «За отвагу» № записи: 18884447 / Подвиг народа 1941-1945 // URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=18884447&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 05.05.2019).

Вместе с тем, как заявляет В.Л. Третьяк, «в силу объективных причин именно во время Великой Отечественной войны армейская пресса достигла апогея своего развития, являясь, по сути, главным средством государственной пропаганды»¹. «Настойчивое проведение периодикой и радиовещанием авторитарной идеологии способствовало тому, что она проникла во все сферы духовной жизни общества и в том числе журналистику, ставшую неотъемлемой частью аппарата тоталитарной системы»².

Внимание к «газетному» прошлому Р.С. Белкина неслучайно. Именно в нем коренятся истоки его яркого публицистического (идеолого-публицистического) стиля. «Газетная публикация является довольно специфическим источником информации. Это аксиома»³. В СССР газета (особенно военная газета) – это средство идеологической обработки масс, пропаганды точки зрения власти. Как правило, яркая стилистика профессионального публициста перемешивается с четко выраженной политико-идеологической направленностью его текстов, содержащих множество штампов (клише), удобных для восприятия читателей.

Поскольку Р.С. Белкин был партийным функционером (начальник партийно-политического отдела газеты), он был в курсе всех партийных директив, направляемых в партийные организации, в том числе и с грифами «для служебного пользования» и «секретно». Эти директивы должны были выполняться беспрекословно и в точно указанный срок.

8 октября 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о массовом издании «Краткого курса истории ВКП(б)» в целях полного обеспечения им партийных кадров и советской интеллигенции, а также бесперебойного снабжения этой книгой книжных магазинов. Признавалось необходи-

мым издать «Краткий курс истории ВКП(б)» до 1 августа 1946 года тиражом 10 млн. экземпляров¹.

В период с 1946 по 1951 г. Р.С. Белкин обучался в Военно-юридической академии Советской Армии. В кружке криминалистики А.И. Винберга, куда Р.С. Белкин в возрасте 25 лет зашел в конце второго курса «из любопытства», и начался путь Р.С. Белкина в криминалистику².

Как член ВКП(б) Р.С. Белкин должен был состоять на учете в партийной организации Военно-юридической академии, поэтому он не мог не замечать усиливавшегося идеологического влияния со стороны партийных органов на развитие науки с целью подчинения советских учёных партийно-административному контролю.

В своих мемуарах Р.С. Белкин вспоминает о Всесоюзной конференции криминалистов, состоявшейся в ноябре 1949 г., на пленарном заседании которой выступил с докладом научный руководитель его кандидатской диссертации А.И. Винберг на тему «Партийность в советской науке криминалистике»³.

Р.С. Белкин писал: «Содержания доклада не помню, но есть печатные тезисы, а в них, естественно, говорится, что «советские криминалисты должны беспощадно разоблачать классовую реакционную сущность буржуазной криминалистики. Нетерпимым для советских криминалистов является проявление низкопоклонства перед буржуазной криминастикой (в стране как раз развертывалась кампания борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом» – Р.Б.), восхваление мнимых ее достижений, изложение вопросов криминалистики вне конкретных исторических условий, вне классовой борьбы, вне политики». Далее – в том же духе»⁴.

Особый интерес представляют следующие слова Р.С. Белкина: «Не берусь судить, насколько все это соответствовало истинным взглядам докладчика и аудитории, но так следовало говорить и писать в то время, только

¹ Третьяк В.Л. Становление и развитие советской армейской прессы в годы Великой Отечественной войны. С. 112

² Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 - начало 90-х годов): учебное пособие / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 86.

³ Шевченко О.К. Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции): монография. Брянск: БРОО «ЦИОГНИС», 2018. С. 133.

⁴ 1945 год. 8 октября. Постановление политбюро ЦК ВКП (б) о массовом издании «краткого курса истории ВКП(б)» // URL: <https://www.runivers.ru/philosophy/chronograph/399069/> (дата обращения: 05.05.2019).¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 114.

² Там же.

³ Там же. С. 114-115.

так, а не иначе»¹. Эти слова определенным образом характеризуют ценностные ориентации их автора.

В этой связи также показателен отказ Р.С. Белкина от слова «ленинская» в постсоветский период при названии им теории отражения, положенной в основу общей теории². К нему по смыслу близка и следующая позиция Е.Р. Россинской о том, что «ленинской теорией отражения» свою исходную концепцию Р.С. Белкин **«назвал вынужденно, в соответствии с господствовавшими в те годы стереотипами»**³.

Однако, как отмечал А. Алексеев, пошлые объяснения типа «время было такое» или «а как же иначе?» вряд ли удовлетворят думающего читателя, тем более – вникающего в историю советской общественной науки⁴.

Вспоминается старый советский анекдот, когда на вопрос анкеты «Колебались ли вы в проведении линии партии?», Рабинович ответил: «Нет. Колебался вместе с линией».

Прошедшие в течение 1947-1952 гг. по инициативе партийных органов научные дискуссии по важнейшим отраслям советской науки оказали прямое идеологическое вторжение во все сферы интеллектуальной жизни страны, захватили не только искусство и философию, но и все области науки, которые были перестроены на основе марксистской философии как высшей науки⁵, а «все научные учреждения и кафедры учебных институтов были захвачены этой своеобразной эпидемией идеологической проработки»⁶.

Как член ВКП(б), Р.С. Белкин не мог не знать о результатах этих «дискуссий», информация о которых директивно распространялась по всем партийным организациям.

Следует также особо указать, что в конце марта 1947 г. ЦК ВКП (б) и Совмин выпустили совместное постановление

¹ Там же. С. 115.

² Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 225; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 49.

³ Россинская Е.Р. Памяти Рафаила Самуиловича Белкина // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2009. С. 7.

⁴ Алексеев А. 30 лет «в строю» (Мое членство в КПСС). С. 11.

⁵ Овчинников Н.Ф. Глава III. Наука – предмет методологических исследований (1945-1987 гг.) // Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 164.

⁶ Там же. С. 167.

об организации так называемых «судов чести» в министерствах и других государственных учреждениях, предоставлявших инициативу организации такого суда парткому соответствующего учреждения. Партком должен был обратиться с письмом к высшему должностному лицу учреждения – министру, который решал, обоснованы ли обвинения и, если да, то назначал слушание дела¹.

Важно отметить, что, согласно господствовавшей системе ценностей, наша страна представлялась авангардом всего остального человечества; культивировалось негативно-пренебрежительное отношение к содержанию мировой науки, а также установка на самоизоляцию советской науки².

Летом 1947 года ЦК ВКП(б) также развернул большую пропагандистскую кампанию «по делу профессоров Ключевой и Роскина», которых обвиняли в «низкопоклонстве и раболепии перед Западом». Поскольку ЦК ВКП(б) адресовал свое письмо исключительно членам партии, разослав его во все обкомы, крайкомы и республиканские ЦК, то Р.С. Белкина, как члена ВКП(б), в обязательном порядке должны были ознакомить с этим письмом в его парторганизации.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина гласило: «... важнейшей задачей партии является воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам советского государства, в духе способности противостоять любому коварному приему иностранных разведок, готовности в любых условиях и любой ценой защищать интересы и честь советского государства»³. «Письмо подчеркивало, что раболепие и низкопоклонство перед Западом широко распространены среди советской интеллигенции и особенно научной»⁴.

«Дело КР» способствовало оживлению концепции «двух противостоящих наук» – «советской» и «западной». Возможно, именно этим общественно-политическим событием отча-

¹ Кременцов Н.Л. Советская наука на пороге холодной войны: «Дело КР»: // InMemoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.-СПб., 1995. С. 283.

² Юдин Б.Г. История советской науки на процесс вторичной институционализации // URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/yud93sp.htm> (дата обращения: 05.05.2019).

³ Там же. С. 285.

⁴ Там же.

сти можно объяснить и тот факт, что в работах Р.С. Белкина, как правило, отсутствуют ссылки на произведения западных криминалистов, в том числе и его современников.

О результатах влияния ценностей марксистско-ленинской философии и принципа «партийности» науки на криминалистов свидетельствуют, например, следующие цитаты известных советских криминалистов:

С.П. Митричев (1951): «В результате философской дискуссии 1947 года, проведенной по инициативе ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина, были вскрыты большие недостатки на теоретическом фронте, разгромлен буржуазный объективизм; философская наука значительно окрепла и упрочила свою связь с жизнью»¹.

А.И. Винберг (1951): «Беспощадно разоблачать подлинную реакционную сущность гроссов и бертильонов - цепных псов капитализма - вот задача советских криминалистов. Советские криминалисты решительно борются с еще имеющим место низкопоклонством перед буржуазной криминалистикой, восхвалением ее мнимых достижений»². «Важнейшей задачей советских ученых являются разоблачение реакционной сущности буржуазной криминалистики и показ превосходства нашей советской криминалистики. Нужно ярко и наглядно показывать положительные результаты работы наших советских криминалистов, советских криминалистических научно-исследовательских и экспертных учреждений»³. «Эти сталинские слова, как яркий луч прожектора, освещают путь, по которому должна идти и развиваться советская наука»⁴.

Примечательно, что в учебнике по криминалистике в 1968 году Р.С. Белкин к числу специальных задач этой науки также относил «разоблачение реакционной, антинародной сущности буржуазной криминалистики, ее позорной роли в

¹ Митричев С.П. Задачи советской науки криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник работа по методике расследования преступлений. Выпуск первый. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. С. 6.

² Винберг А.И. Значение советской криминалистики в работе следователя // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник работа по методике расследования преступлений. Выпуск первый. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. С. 106.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 108.

борьбе с революционным и национально-освободительным движением»¹.

По словам Е.Р. Россинской, «по окончании в 1951 г. Академии Р.С. Белкин хотел продолжить заниматься наукой и поступить в адъюнктуру, но пресловутый 5 пункт и происходившая тогда сталинская компания «по борьбе с безродными космополитами» ему помешали. Он был направлен на службу в военную прокуратуру 42-й воздушной армии Бакинского округа ПВО, где до конца 1955 г. служил военным следователем, старшим военным следователем, помощником военного прокурора армии по надзору за дознанием и предварительным следствием»².

Странная логика: «пресловутый 5 пункт» помешал Р.С. Белкину поступить в очную аспирантуру академии, но не помешал его направлению на службу в военную прокуратуру, зачислению без экзаменов в заочную аспирантуру, дальнейшему успешному продвижению по службе, а также одновременному занятию научной деятельностью (сдаче кандидатских экзаменов и работе над кандидатской диссертацией)³. И уже весной 1954 года Р.С. Белкин «стоял с диссертацией в руках около дверей в зал совета и ждал своей очереди для защиты»⁴, а не находился в очередной служебной командировке в пределах Бакинского округа ПВО.

14 ноября 1955 году Р.С. Белкин был уволен из органов военной прокуратуры и уже 1 декабря 1955 года был зачислен в штат Высшей школы МВД СССР (позже — Академия МВД СССР, ныне — Академия управления МВД России), т.е. сменил военную службу на службу в органах внутренних дел⁵.

В Высшей школе МВД СССР Р.С. Белкин последовательно занимал должности старшего научного сотрудника НИиРИО, затем учёного секретаря Совета школы, а с июня

¹ Белкин Р.С. Задачи советской криминалистики. Связь криминалистики со смежными науками // Криминалистика: учебник. М.: Юрид. лит., 1968. С. 13.

² Россинская Е.Р. Значение научного наследия профессора Р.С. Белкина для современной криминалистики и теории судебной экспертизы. С. 210.

³ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 116.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же.

1956 г. – преподавательские должности: старшего преподавателя, доцента и профессора кафедры криминалистики¹.

Видимо случайностью, и не иначе, следует признать то обстоятельство, что в 1955 г. в Высшей школе МВД СССР была создана кафедра криминалистики, которую возглавил А.И. Винберг – научный руководитель по кандидатской диссертации Р.С. Белкина.

Будучи благонадежным, Р.С. Белкин в составе комиссии министерства внутренних дел в 1960 году участвовал в проверке работы НИИ милиции, после которой на коллегии при министре внутренних дел впоследствии были освобождены от занимаемых должностей начальник института и его заместитель. По воспоминаниям Р.С. Белкина, в 1961 году «недели через три после защиты, в конце ноября, поздно вечером меня неожиданно вызвали к министру» и предложили должность заместителя начальника НИИМ по научной работе².

Р.С. Белкин вспоминает, что 3 ноября 1961 г. в совете Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) во время защиты его докторской диссертации среди прочих документов была оглашена и его партийно-служебная характеристика³.

Н.И. Порубов, говоря о докторской диссертации Р.С. Белкина, пишет: «Процесс установления истины по уголовному делу автор рассматривал как частный случай познания объективной действительности и в связи с этим объективно доказал, что общим методом познавательной деятельности следователя, оперативного работника, судьи, эксперта является диалектический метод познания»⁴. Однако это утверждение Н.И. Порубова звучит очень странно, поскольку в те годы иного мнения о значении диалектического метода познания в советской науке не существовало, соответственно, и не требовалось никакого «объективного доказательства» общераспространенного и общепризнанного в стране постулата о роли диалектического метода познания.

¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 162; Порубов Н.И. Профессиограмма следственной деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 92.

² Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 167.

³ Там же. С. 166.

⁴ Порубов Н.И. Профессиограмма следственной деятельности. С. 92.

Так, А.Б. Соловьев справедливо отмечает, что «для советского периода развития нашего государства было характерно непосредственное распространение положений материалистической философии на различные сферы человеческой деятельности, в том числе и на уголовное судопроизводство»¹. Подтверждением этого тезиса выступают, в частности, и многочисленные цитаты того времени о значении диалектического метода познания в криминалистике, приведенные как в настоящей работе, так и в монографии «Кризис отечественной криминалистики»².

Для понимания особенностей профессиональной биографии и мировоззрения Р.С. Белкина важное значение имеет выяснение обстоятельств написания и издания им в 1970 году монографии «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики».

Л.Р. Грэхэм верно обращает внимание на «время публикаций той или иной работы, а также тот общественный контекст, в условиях которого она была опубликована»³.

Указанная монография Р.С. Белкина была издана в 1970 году, т.е. в год 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Еще в августе 1968 г. ЦК КПСС принял постановление «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина»⁴. В постановлении отмечалось, что «ЦК КПСС считает, что важнейшей задачей в связи с подготовкой к этой знаменательной дате является творческая работа по дальнейшему развитию теории марксизма-ленинизма – могучего идейного оружия нашей партии в борьбе за победу коммунизма».

Подготовка к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина стала общепартийным и общенародным делом, вызвала «мощный подъем трудовой активности масс».

¹ Соловьев А.Б. Об истине в современном российском уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6. С. 72.

² Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики: монография. Краснодар, 2017. 332 с.

³ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 30.

⁴ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» / Правда. 10 августа 1968 г. // URL: [http://xn--b1acd0amccb.xn--plai/images/1/1968/08.13.1968_125\(5171\).pdf](http://xn--b1acd0amccb.xn--plai/images/1/1968/08.13.1968_125(5171).pdf) (дата обращения: 05.05.2019).

Центральный Комитет КПСС постановил, чтобы все партийные организации широко развернули политическую и организационную работу по подготовке к столетию со дня рождения В.И. Ленина. Партийные организации совместно с советскими органами, общественными организациями и политорганами Советской Армии и Военно-Морского Флота должны были разработать конкретные планы подготовки к столетию со дня рождения В. И. Ленина по республике, краю, области, округу, городу, району, по каждому предприятию, совхозу и колхозу, воинским частям и кораблям. Разумеется, что такой план должны были разработать и в Высшей школе МВД СССР.

В постановлении также отмечалось: «Ленин бескомпромиссно отстаивал позиции диалектического и исторического материализма, дал глубокое философское обобщение новейших естественнонаучных открытий, обогатил общественную мысль новыми выводами, получившими блестящее подтверждение в общественной практике, успехах современной науки. Бесценные страницы ленинских трудов сохраняют свою актуальность и в наши дни. Ленинизм – теоретическая основа решения сложнейших вопросов революционной борьбы и строительства нового общества»¹.

Объявлялось, что «глубокое изучение и пропаганда идей Маркса-Энгельса-Ленина – основа идеологической деятельности партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся. Готовясь к столетию со дня рождения В.И. Ленина, партийные организации должны усилить работу в области марксистско-ленинского образования всех коммунистов, глубокого изучения революционной теории широкими массами коммунистов и беспартийных».

В декабре 1969 г. ЦК КПСС также опубликовал тезисы «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», направленные на приобщение широких масс населения к ленинскому теоретическому наследию². В них помимо

освещения жизни и революционной деятельности В.И. Ленина была отмечена его роль в создании большевистской партии и в строительстве социалистического государства, а также показан его вклад в развитие марксистской теории¹. На основе этого постановления в стране была развернута широкая кампания, направленная на изучение жизни и деятельности В.И. Ленина, а также его произведений. Как выясняется, Р.С. Белкин не остался в стороне от участия в этой широкомасштабной кампании.

При написании работы «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики» Р.С. Белкин четко сформулировал стоящую перед ним задачу, состоящую в том, чтобы «показать диалектико-материалистическую сущность данной частной науки, то есть исследовать ее философские основы, что возможно только с позиций марксистско-ленинского мировоззрения, с позиций ленинской теории отражения»². По словам Р.С. Белкина, он поставил «перед собой цель на базе положений ленинской теории отражения сформулировать некоторые выводы о понятии, содержании и системе общей теории советской криминалистики как методологической основе этой науки»³.

«В свете этой задачи истинно неопределимую помощь исследователю оказывает философское наследие В.И. Ленина, в частности, его гносеологические идеи»⁴. «Гносеологические идеи В.И. Ленина были одновременно и отправным пунктом, и путеводной нитью, и фундаментом для настоящей работы»⁵.

Анализ указанных формулировок позволяет сделать вывод об идеологической лояльности Р.С. Белкина существующему строю, а также его осознанном стремлении в полной мере реализовать в криминалистике претензию диамата на роль единственного источника объективных и истинных знаний о природе, человеке и обществе.

¹ Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» / Правда. 10 августа 1968 г. // URL: [http://xn--b1acd0amccb.xn--p1ai/images/1/1968/08.13.1968_125\(5171\).pdf](http://xn--b1acd0amccb.xn--p1ai/images/1/1968/08.13.1968_125(5171).pdf) (дата обращения: 05.05.2019).

² 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. 50-летие образования Казахской ССР и Коммунистической партии Казахстана // URL: <http://bibliotekar.kz/chitat-knigu-onlain-istorija-kazahskoi-s/100-letie-so-dnja-rozhdenija-v-i-lenina.html> (дата обращения: 04.04.2019).

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1970. 64 с.

² Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 7.

Очевидно, что в советский период времени не было (да и не могло быть) никакой альтернативы марксистско-ленинскому пониманию науки как отражения действительности. «Ленинская теория отражения» выступала в качестве официальной идеологической доктрины, от которой философы и специалисты других областей знания не могли отступать под страхом идейного уничтожения¹. Она бесспорно лежала в первооснове понимания не только всей отечественной науки того времени², но и искусства и других сфер жизни.

Так, М. Володина отмечала важную роль ленинской теории отражения для прогресса в искусстве³.

В.С. Кеменов, выступая с докладом на объединенной Ленинской сессии Академии художеств СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Государственного музея Ленина в Москве 28 октября 1967 г., подчеркивал, что «ленинская теория отражения утверждает, что от изображения требуется сходство с изображаемым предметом»⁴.

По словам А.В. Морозовой, методологической базой советского искусствоведения является ленинская «теория отражения», партийность, народность⁵.

К слову, и в советской психологии «философская категория отражения легла в основу объяснения развития и принципов функционирования психики»⁶. Например, к столетию со дня рождения В.И. Ленина академик П.К. Анохин в 1970 году издал монографию «Теория отражения и современная наука о мозге»⁷.

¹ Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. С. 7.

² Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А. Объект исследования – наука. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 16.

³ Володина М. Ленинская теория отражения и проблемы преемственности в искусстве // Некоторые вопросы истории и теории эстетики. Выпуск 2 (сб. аспирантских работ). М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 40.

⁴ Кеменов В. За чистоту ленинских принципов искусствоведения // Художник. 1968. № 9. С. 5.

⁵ Морозова А.В. Отечественное искусствоведение (1964-1985) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2014. Выпуск 1.С. 126; Морозова А.В. Отечественная искусствоведческая испанистика. Становление и развитие: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. Санкт-Петербург, 2017. С. 26.

⁶ Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Москва. 2015. С. 2001.

⁷ Анохин П.К. Теория отражения и современная наука о мозге. М.: Знание, 1970. 48 с.

П.К. Анохин, в частности, отмечал: «Мы глубоко убеждены в том, что для подавляющего большинства исследователей, да и для многих философов вопрос о гносеологической роли отражения объективного внешнего мира в сознании под напором блестящих достижений нейрофизиологии, нейрхимии и молекулярной биологии уже перестал быть спорным»¹.

К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина также отмечалось огромное влияние ленинских идей на развитие **паразитологии** (часть биологии): «Научно-теоретической и методологической основой для развития вопросов теории в советской паразитологии является диалектико-материалистическая концепция развития. Марксистско-ленинская философия, ее научно-диалектический метод познания и материалистическая теория понимания явлений оказывает ведущую помощь советским паразитологам в теоретическом обобщении фактических материалов»².

А.М. Ларин справедливо отмечал: «В нашей стране марксизм из философского учения был превращен в государственную религию со своим клиром, храмами, обрядами, предметами культа и жертвоприношениями. Любая кандидатская или докторская диссертация, будь то по морскому праву или гражданскому процессу, содержала во введении как некий пароль на вход в науку sacramентальную формулу: «методологической основой диссертации является диалектический и исторический материализм, учение марксизма-ленинизма». После этого соискатель уже мог перейти к изложению специальных проблем диссертационного исследования, ни разу не вспомнив о всепобеждающем учении. Но особенно предусмотрительные орнаментировали труды цитатами из «первоисточников» от первой до последней страницы. Цитаты, как броня, защищали от упреков в скудости мысли»³.

Важно также отметить, что анализ профессиональной биографии Р.С. Белкина не позволяет утверждать о наличии

¹ Анохин П.К. Теория отражения и современная наука о мозге. М.: Знание, 1970. С. 4-5.

² К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина // Паразитология. 1970. Том IV. Выпуск 2. С. 93.

³ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. Научно-практическое и учебное пособие. М.: БЕК, 1996. С. 97.

у него соответствующей специальной подготовки в философии. Нельзя также утверждать, что Р.С. Белкин был выдающимся философом, несмотря на его активные попытки философски обосновать свои концепции в криминалистике. Тем более, что для Р.С. Белкина марксистско-ленинская философия (диамат) – это не одно из философских направлений, а вся философия.

Поскольку философская теория отражения в условиях советской действительности представляла собой не что иное, как господствующую идеологию, основанную на диамате, поэтому Р.С. Белкин, будучи коммунистом и руководящим работником, обеспечивал ее активную поддержку и внедрение в отечественную криминалистику.

5. ПОЧЕМУ У Р.С. БЕЛКИНА ПОЯВИЛСЯ ИНТЕРЕС К ФИЛОСОФИИ?

В результате анализа научных текстов Р.С. Белкина, несложно обнаружить, что он постоянно подчеркивал непосредственную связь между философией и криминалистикой, в частности, между разработкой философских проблем криминалистики и созданием её общей теории. Например, в 1970 году Р.С. Белкин писал: «Связь с философией не является исключительной функцией какой-то одной юридической науки, даже такой, которая имеет наиболее общий характер по сравнению с другими юридическими науками. Каждая конкретная юридическая наука немыслима без своей методологической базы, основу которой и составляют основные положения марксистско-ленинской философии, конкретизированные применительно к предмету исследования данной юридической науки ...»¹.

Р.С. Белкин в 1970 г. считал, что «без исследования философских проблем конкретной области научного знания невозможно и создание ее методологии, невозможно обнаружить закономерности, обуславливающие самостоятельное существование предмета конкретной науки, раскрытие которых и составляет цель преподавания этой науки»².

Р.С. Белкин также отмечал: «Начиная с 1970 г., когда я обратился к методологии криминалистики и попытался сформулировать основы общей теории этой науки, я руководствовался отмеченным мною тогда впервые в литературе постулатом: гносеологической основой криминалистики служит материалистическая теория отражения, именно на ней базируется определение предмета криминалистики и все ее содержание. О том, что криминалистика изучает и использует в своих целях следы – «отпечатки» события преступления, говорилось уже в первых криминалистических сочинениях, отражавших чисто эмпирический подход к процессу слеодообразования. Лишь философское объяснение этого феномена позволило обеспечить должный теоретический уровень его исследования и объяснения»³.

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 4-5.

² Там же. С. 5.

³ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 218.

По словам Р.С. Белкина, «конец 1960-х и 70-е гг. ознаменовались процессами сближения философского и нефилософского знания как следствия влияния научно-технического прогресса. В криминалистике это проявилось в пробуждении интереса к таким философским категориям, как случайность и необходимость, причина и следствие, и некоторым другим»¹.

В 1997 году Белкин Р.С. вновь говорил о потребности в методологическом использовании философских категорий, поскольку с «философских позиций возможно рассмотреть ряд устоявшихся в криминалистической науке понятий, чтобы выяснить, удовлетворяют ли они требованиям сегодняшнего дня. В иных случаях рассмотрение отдельных положений теории криминалистики в философском аспекте позволяет либо сделать вывод о недостаточной их обоснованности и наметить пути такого обоснования, либо аргументировать их непосредственно с помощью тех или иных философских концепций»².

В 2001 году Р.С. Белкин также заявлял: «Философия становится в известном смысле ключом к самопознанию наукой своих исходных основ, их переосмыслению в свете новых фактов и гипотез»³. Р.С. Белкин преувеличивал роль философии в развитии науки, рассматривая ее в качестве инструмента научного познания, ключа к решению научных и методологических проблем, а также отождествлял всю философию исключительно с марксистско-ленинской философией.

У любого вдумчивого исследователя естественным образом появляется ряд вопросов, на которые у Р.С. Белкина нет убедительных ответов, в частности:

1) почему именно конец 1960-х и 70-е гг. ознаменовались в нашей стране процессами сближения философского и нефилософского знания;

2) почему именно в этот период времени в криминалистике пробудился интерес к философским категориям;

3) почему «по странному стечению обстоятельств» криминалисты широко использовали термин «отражение», но очень редко задумывались над его «действительным

значением» для криминалистики и только Р.С. Белкин «задумался» над «действительным значением» философской категории «отражение» для криминалистики и «пришел к твердому убеждению» в ее фундаментальной роли как в теории, так и в практике приложения криминалистических выкладок и рекомендаций;

4) почему формирование общей теории криминалистики неизбежно, по словам Р.С. Белкина, должно было привести к ленинской теории отражения;

5) разве сами криминалисты не способны решать свои частнонаучные проблемы без помощи философов? и т. п.

Отсутствие в отечественной криминалистической литературе ясных, честных и обоснованных ответов на указанные вопросы способствует формированию в криминалистике различных мифов о «необычайной гениальности» Р.С. Белкина, или, как говорят И.В. Макогон и Л.В. Косарев, свидетельствуют о «силе величия и мудрости ума» Р.С. Белкина¹, либо, по словам Н.В. Карепанова, о том, что «философские теории и категории, являются необходимыми и неотъемлемыми основами криминалистики, как науки, великодушно открытыми для нас настоящим ученым Р.С. Белкиным»².

Имеющаяся аргументация Р.С. Белкина при ответе на указанные и подобные им вопросы выглядит неубедительно, несмотря на ее формальную логичность. Многие высказывания Р.С. Белкина, как и любой другой автобиографический нарратив, необходимо подвергать разумному сомнению и критическому анализу, поскольку «всякое автобиографическое повествование имеет право на намеренную субъективность (не говоря уж о субъективности ненамеренной), на предъявление человеком событий собственной жизни, а также их освещение и истолкование такими, какими он их видит и/или хотел бы видеть и трактовать. Биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей»³.

¹ Макогон И.В., Косарева Л.В. Перспективы развития общей и частных теорий современной криминалистики. С. 68.

² Карепанов Н.В. Философские категории в обозначении понятия следов как достойное наследие Р.С. Белкина. С. 337.

³ Алексеев А.Н. К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе // Телескоп. 2012. №3 (93). С. 19.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 48.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. С. 206.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 26.

Поскольку «философия и политика воздействуют на ученых во всех странах»¹, важно исследовать устойчивую взаимосвязь между социально-политическим контекстом жизни страны и тематикой работ известных криминалистов, включая и Р.С. Белкина. Игнорирование этой связи не позволяет понять побуждения Р.С. Белкина, ярко проявившиеся в его стремлении сформировать общую теорию криминалистики на базе решения «философских проблем криминалистики»².

Следует признать, что в силу различных причин советская криминалистика и ее преемница российская криминалистика имеют давнюю традицию (или привычку) преувеличения значения философии диалектического материализма для криминалистической науки. Материалистическая диалектика традиционно понимается в качестве единственно всеобщей и/или «подлинно научной» философии.

Общеизвестно, что после победы Октябрьской революции «большое значение имела пропаганда марксистского мировоззрения среди ученых, введение марксистской методологии как основной в советской науке»³. «В результате подавления философии в 1920-30-е годы произошла в значительной мере подмена философии партийно-политической пропагандой, сращивание официальных философов с работниками партийно-бюрократического аппарата»⁴. Диалектический материализм в руках официальных идеологов в СССР «превратился, по существу, в государственную религию»⁵.

Например, на II Международном конгрессе по истории науки (Лондон, 1931 г.), Б.М. Гессен выступил с докладом «О социально-экономических корнях механики Ньютона», в котором он развивал идею классовой детерминации естественно-научного знания⁶.

¹ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. С. 423.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 32.

³ Предисловие // Организация советской науки в 1926-1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 17.

⁴ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 83-84.

⁵ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. С. 419

⁶ Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83-106. // URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/yud93sp.htm> (дата обращения: 05.05.2019).

Официальная советская философия с 1930-х годов преподавалась в качестве обязательного предмета во всех вузах, а «Краткий курс истории ВКП(б)» был объявлен Постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» «энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма». И как свидетельствует профессиональная биография Р.С. Белкина, он не мог не знать и публично не разделять положений этой «энциклопедии основных знаний».

В конце 50-х гг. прошлого столетия в СССР оформилась идея сотрудничества (тесной взаимосвязи) науки и философии, которая «должна была вмещать в себя плоды новейшей научной революции, переплавить их в соответствующие философские понятия и категории»¹.

Как отмечает Д.В. Пивоваров, «в современной отечественной литературе особый интерес к теории отражения и ее развитию возник в 50-е гг. Дискуссия о природе отражения тогда была начата болгарским философом Т. Павловым, опубликовавшим фундаментальный труд о ленинской гипотезе отражения, которая сформулирована в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1908). В дискуссии приняли участие почти все известные советские философы»². После развенчания культа личности Сталина в СССР философские исследования, связанные с осмыслением различных проблем марксистско-ленинской теории познания, конкретизацией и развитием ленинского учения об отражении, активизировались³.

¹ Кудряшова Е.В. Значение книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в советской философии // Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и философия XX века. К 100-летию со дня издания. Материалы научной конференции. Симбирск-Ульяновск, 12-14 апреля, 2009. Издательство «Вектор – С», 2009. С. 33.

² Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: учебное пособие. С. 224.

³ Например: Митин М.Б. «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина и борьба против современной идеалистической реакции // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 60-84; Казютинский В.В., Шелепин Л.А. Методологические семинары и доклады, посвященные книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Вопросы философии. 1959. № 9. С. 166-169; Розенталь М.М. Великий вклад в марксистскую теорию познания // Вопросы философии. 1959. № 5. С. 18-32 и др.

«По отношению к науке полагалось, что ее основные мировоззренческие и методологические проблемы решены в сочинениях классиков марксизма-ленинизма. Необходимо лишь уметь применять эти знания в теории и на практике, делать их достоянием каждого ученого. Марксистская теория объясняет прошлое и настоящее, прогнозирует будущее»¹. Поэтому до 60-70-х гг. прошлого столетия работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» была канонизирована², воспринималась в качестве «гносеологического указания» для ученых³, была предметом «слепого поклонения»⁴.

В определенном смысле можно говорить о том, что философия вмешивалась в научные исследования. Так, Е.В. Кудряшова отмечает: «На заседании методологического семинара Физического института АН СССР, посвященном значению книги В.И. Ленина для современной физики, выступил Г.Б. Жданов с докладом «Ленин и современная физика», в котором подробно остановился на философском истолковании некоторых узловых проблем физики»⁵.

М.М. Абрашнев (1966) констатировал: «В нашей литературе чаще всего обращают внимание на союз философов-марксистов с естествоиспытателями, которые овладели марксистско-ленинской философией и стремятся руководствоваться ею в своих исследованиях»⁶. По его словам, без

¹ Касьян А.А., Куревина, С.В., Петрова Н.Е. Затухающий сигнал: идеологические дискуссии в советской науке середины XX века в региональном контексте // ВИЕТ. 2010. № 3. С. 94.

² Степин В.С. История и философия науки: учебник. М., 2011. С. 38.

³ Кудряшова Е.В. Значение книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в советской философии // Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и философия XX века. К 100-летию со дня издания. Материалы научной конференции. Симбирск-Ульяновск, 12-14 апреля, 2009. Издательство «Вектор – С», 2009. С. 3.

⁴ Бажанов В.А. Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развитие теории познания и философии науки в XX в. // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 292.

⁵ Кудряшова Е.В. Значение книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в советской философии. С. 32.

⁶ Абрашнев М.М. О союзе философов с естествоиспытателями // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 294.

укрепления союза философии и естествознания немислимо взаимное обогащение и развитие как марксистской философии, так и современного естествознания¹.

Академик А.А. Зализняк указывал, что «в отношении гуманитарных наук губительную роль играла установка советской власти на прямую постановку этих наук на службу политической пропаганде»².

Как известно из истории нашей страны, по инициативе партийных органов прошли научные дискуссии (в том числе и по идеологическим вопросам) по важнейшим отраслям советской науки, в частности, в 1947 году – по философии; в 1948 г. – по астрономии; в 1949 году – по биологии; в 1950 году – по лингвистике (языкознанию); в 1950 году – по физиологии; в 1951 году – по политической экономии³. Кроме вышеперечисленных главных дискуссий, в течение 1947-1952 гг. были проведены десятки аналогичных мероприятий и в других научных дисциплинах, которые продемонстрировали еще большую степень разнообразия⁴.

После того, как в 1947 году по инициативе партийных органов в стране состоялось критическое обсуждение книги крупного партийного чиновника Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», «прямое идеологическое вторжение во все сферы интеллектуальной жизни было продолжено и оно, по указанию верховного мыслителя, должно было захватить не только искусство и философию, но и все области науки. Все науки должны быть перестроены на основе марксистской философии как высшей науки»⁵.

¹ Абрашнев М.М. О союзе философов с естествоиспытателями // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 299.

² Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына // URL: <https://mylektsii.ru/10-46691.html> (дата обращения: 04.05.2019).

³ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947-1952 гг. // ВИЕТ. 1997. № 4. С. 27; Овчинников Н.Ф. Глава III. Наука – предмет методологических исследований (1945-1987 гг.) // Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 166.

⁴ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947-1952 гг. С. 28.

⁵ Овчинников Н.Ф. Глава III. Наука – предмет методологических исследований (1945-1987 гг.). С. 164.

В отечественной и мировой литературе имеется большое количество исследований, посвященных изучению исторической ситуации в пострадавших в то время различных отраслей научного знания, включая философию, генетику, физиологию, языковедение, физическую химию и т.д. Однако подобного рода работы по-прежнему отсутствуют в отечественной криминалистике.

Напуганное размахом «культы личности Сталина» и его негативных последствий, политическое руководство СССР видело спасение в признании приоритета, выдающегося статуса, бесспорного превосходства марксистско-ленинской философии по отношению к наукам и практикам. Ориентированная на сциентизм марксистская философия, признавалась единственно научной философией, способной правильно познать законы общественного развития и на этой основе дать правильные ответы на все или почти все вопросы жизни.

После смерти Сталина и особенно в 60-е гг. XX в. в нашей стране активизировались исследования в области философии и ее взаимосвязей с наукой, в том числе связанные с обоснованием важного значения для частнонаучных исследований философских категорий, в том числе и категории «отражение». Отдельные исследователи считают, что в 60-е годы прошлого столетия отечественная философия науки переживала настоящий расцвет¹.

Понимание особенностей конкретной эпохи позволяет осознать обусловленность активной включенности философской категории «отражение» в различные философские и научные тексты того времени, включая и советскую криминалистику, способствуя формированию «отражения» как одного из центральных слов советской философии и науки в целом.

Л.Р. Грэхэм приходит к следующему выводу: «То, что происходило в худший период вмешательства идеологии в науку, отнюдь не было борьбой ученых и философов. Это была борьба как внутри философии, так и внутри естествознания, между истинными учеными, с одной стороны, и невежественными карьеристами и идеологическими фанатиками – с другой»².

¹ Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 248.

² Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. С. 24.

Поворотным моментом в развитии философских вопросов естествознания признается прошедшее в 1959 году Первое Всесоюзное совещание по философским вопросам естествознания. На нем было четко обозначено отказ диалектико-материалистической философии от практиковавшегося прежде навязывания науке умозрительных схем, продемонстрирована ее нацеленность на осмысление и обобщение достижений естествознания, что наилучшим образом соответствует развитию самой философии¹.

Е.А. Мамчур констатирует: «Основным достижением этого совещания явился отказ от дискредитировавшей себя стратегии диктата философии по отношению к науке, от стремления «направлять» деятельность ученых, осуществляя над их исследованиями идеологический контроль. Главной задачей, стоящей перед философами науки, стало обобщение данных и достижений современного естествознания и их анализ»².

По рекомендации совещания был создан Научный Совет при Президиуме Академии Наук СССР по философским вопросам современного естествознания. Совет совместно с Институтом философии АН СССР был организатором выпуска серии книг «Диалектический материализм и современное естествознание», а затем, уже в 70-х годах, серии книг «Материалистическая диалектика – логика и методология современного естествознания». В трудах этих серий участвовали философы и крупные советские естествоиспытатели³. Впоследствии этот Совет был преобразован в Научный Совет по философским и социальным проблемам науки и техники при Президиуме АН СССР.

Научным советом за период с 1961 по 1969 годы было проведено более 45 конференций и симпозиумов, в большинстве случаев всесоюзного масштаба, в том числе конференции и симпозиумы по проблемам логики научного познания, философским вопросам физики элементарных частиц,

¹ Степин В.С. Анализ философского развития философии науки в СССР // Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 432.

² Мамчур Е.А. Глава IV. Отечественная философия науки: 60-90-е годы. С. 249.

³ Степин В.С. Анализ философского развития философии науки в СССР. С. 432.

квантовой структуры материи, сущности жизни, по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии и т.п.¹ Отмечалось, что «разработка философских вопросов современного естествознания уже привела к известным положительным результатам. Более полно выявлена методологическая функция материалистической диалектики, ее роль в синтезе научного знания, проанализирован ряд основных методов современного естествознания в их соотношении с материалистической диалектикой. Рассмотрена связь категорий материалистической диалектики с такими общими понятиями современного естествознания, как реальность, структура, пространство, время, бесконечность, причинность, закономерность, вероятность, симметрия, эволюция»².

В целях дальнейшей активизации и расширения исследований по философским вопросам естествознания Президиум академии наук СССР постановил «главной задачей исследований по философским вопросам естествознания считать дальнейшую разработку общих методологических принципов наук о природе на основе развития материалистической диалектики как логики и теории научного познания»³. В числе основных направлений исследований по философским вопросам современного естествознания предлагалось «изучение ленинского теоретического наследия в области философских вопросов современного естествознания; применение принципов марксистско-ленинской философии в решении теоретических вопросов естествознания»⁴.

«Одним из наиболее интересных событий, связанных с взаимоотношениями между советской марксистской философией и психологией, явилось Всесоюзное совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, состоявшееся в Москве в мае 1962 г. и организованное АН СССР, АМН СССР, Академией педаго-

¹ Постановление Президиума академии наук СССР от 13 ноября 1969 г. № 898 «О работе Научного совета по комплексной проблеме «Философские вопросы современного естествознания» АН СССР // URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pav1_63576696964_4249164_11883&cid=L5_0001_0103 (дата обращения: 11.04.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

гических наук РСФСР и Министерствами высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР. В работе совещания приняло участие свыше тысячи физиологов, психологов, философов, педагогов и психиатров, представлявших весь Советский Союз. Материалы этого совещания были опубликованы отдельной книгой»¹. Эта книга называлась «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии» (М., 1963. 771 с.).

Изложенное позволяет прийти к выводу, что обращение к Р.С. Белкина к философии не было случайным. По словам Р.С. Белкина, «руководствуясь философскими представлениями о методах частных наук», он в 1961 г. предпринял попытку сконструировать систему методов судебного исследования, а позднее на ее основе – систему методов криминалистической науки, в основе которой лежит диалектический метод как «единственный всеобщий метод познания, являющийся поэтому и всеобщим методом криминалистики»².

Р.С. Белкин был убежден, что условия, необходимые для создания общей теории криминалистики, возникли только после разработки философских проблем криминалистики в середине 60-х годов прошлого столетия, когда укрепилась ее собственная методологическая база³. Таким образом, именно философские представления Р.С. Белкин использовал в качестве основы и некоего образца для построения общей теории криминалистики и решения частнонаучных задач криминалистики.

На совместном заседании Ученого совета ВНИИ криминалистики и Методического совета Прокуратуры СССР (1962), посвященном обсуждению проспекта курса теории судебных доказательств, отмечалось, что «застойные явления в правовой теории, связанные с неправильными взглядами Вышинского, привели к образованию своеобразного разрыва между быстрыми успехами в развитии философского и естественнонаучного мышления и заметным консерватизмом

¹ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. С. 194.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т.1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997 С. 334-335.

³ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 224.

юридического мышления»¹. На этом заседании Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко отметил, что общее в ошибках Вышинского – то, что «в своей совокупности они представляют общий отход от принципов марксистско-ленинской методологии, отход от ленинского учения о праве и государстве»².

В 1962 году в МГУ состоялся симпозиум философов и юристов, который был посвящен проблеме истины в уголовном процессе³.

В 1963 году в высшей школе в качестве обязательного предмета был введен научный коммунизм, в результате чего в систему «общественных наук» вошли «история КПСС», «марксистско-ленинская философия», «политическая экономия», «основы научного коммунизма»⁴.

16 июня 1964 году было принято Постановление ЦК КПСС, направленное на проведение неотложных мер по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране.

23 июня 1964 года Министерство высшего и среднего специального образования СССР издало инструктивное письмо № И-32 «О философской подготовке аспирантов нефилософских специальностей». В нем, в частности, отмечалось, что «...кафедры философии обязаны выделять для работы с аспирантами наиболее опытных преподавателей, докторов и кандидатов наук, как правило, ведущих исследования в области методологических проблем профилирующих дисциплин»⁵. «Лекционные курсы не должны были дублировать вузовские и включали общие вопросы марксистско-ленинского мировоззрения (включая последние постановления ЦК КПСС), общеметодологические проблемы научного исследования с учетом новейших достижений науки и техники,

философские проблемы профилирующей науки. Таким образом, аспирантский курс философии должен был иметь четко выраженную научно-методологическую направленность, а также включать мировоззренческий компонент»¹.

В апреле 1965 г. в Москве состоялось Совещание по современным проблемам материалистической диалектики, в работе которого приняли участие научные работники философских институтов и кафедр, преподаватели философии вузов, партийные работники Москвы, союзных республик, областных городов СССР². Совещание вызвало огромный интерес среди ученых нашей страны и за рубежом.

Труды Совещания (доклады и выступления) вышли в свет в виде четырех книг: «Ленинская теория отражения и современная наука», «Диалектика и логика научного познания», «Диалектика современного общественного развития» и «Диалектика материальной и духовной жизни общества в период строительства коммунизма»³.

Назовем отдельные высказывания участников этого совещания. Так, Ф.В. Константинов отмечал: «Большой круг вопросов, к исследованию которых приступили советские философы, связан с осмыслением с точки зрения марксистско-ленинской теории познания основных понятий, идей и методов кибернетики, с дальнейшей конкретизацией и развитием учения об отражении как свойстве, лежащем в фундаменте всего здания материи»⁴.

По словам М.М. Розенталя, учение о сущности познания, как отражения объективного мира, рассматривалось как «основа, фундамент науки о познании, без исследования которых невозможно подлинное научное представление о том, что такое познание, в чем его сущность»⁵. М.М. Розенталь

¹ Громов Р. Философия как объект правового регулирования. С. 58.

² Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики. 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 2.

³ Там же.

⁴ Константинов Ф.В. За творческую разработку материалистической диалектики // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 12.

⁵ Розенталь М.М. Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 22.

¹ А.Э. Актуальные проблемы теории судебных доказательств // Вопросы криминалистики. № 6-7 (21-22). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. С. 291.

² Там же. С. 292.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 111.

⁴ Громов Р. Философия как объект правового регулирования. Пути профессионализации философского образования в СССР // Логос. 2014. № 2 (98). С.48.

⁵ Цит. по: Громов Р. Философия как объект правового регулирования. Пути профессионализации философского образования в СССР. С. 57.

считал, что **без «ленинской теории отражения» нет современной науки о познании**¹, что «основу теории познания диалектического материализма составляет понимание сущности познания как отражения внешнего мира в мозгу человека»².

Б.С. Украинцев и Г.В. Платонов пришли к следующему выводу: «Разработанная В.И. Лениным теория отражения выходит за рамки собственно гносеологии и охватывает широкий круг явлений, связанных с различными по сложности формами отражения в неорганической материи, живой природе и в обществе»³. «В самом общем виде отражение можно определить как категорию, обозначающую процесс и один из результатов действия одной материальной системы (отображаемой) на другую (отображающую), представляющий собой воспроизведение в иной форме особенностей первой системы во второй системе. Данное определение применимо ко всем формам отражения, начиная с простейших в неживой природе и кончая высшей – сознанием»⁴.

В 1966 году на XXIII съезде КПСС Л.И. Брежнев в отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду КПСС указывал на то, что «разработка важных проблем экономики и политики, философии и социологии, истории и права, других общественных наук в тесной связи с практикой коммунистического строительства – важнейшая задача советских учреждений»⁵.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г.⁶ были

¹ Розенталь М.М. Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 22.

² Там же.

³ Украинцев Б. С., Платонов Г. В. Проблемы отражения в свете современной науки // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики. 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 197.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Брежнев Л.И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. С. 113.

⁶ Красное знамя 23 августа 1967 года «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» // URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000024359/1967/1967_197.pdf (дата обращения: 17.04.2019).

указаны первоочередные направления, по которым должны развиваться правовые науки. В нем, в частности, отмечалось следующее: «Марксизм-ленинизм – основа руководства развитием социалистического общества, могучее орудие познания и революционного преобразования мира. Теория прокладывает путь практике, обеспечивает научный подход к определению политики партии во всех областях общественной жизни»¹. «Только руководствуясь марксизмом-ленинизмом, можно правильно решать теоретические и практические проблемы, выдвигаемые ходом мировых событий и революционным движением на современном этапе»². «Современный этап общественного развития и прогресс научного знания требуют сосредоточения научно-исследовательской работы по общественным наукам в первую очередь на следующих направлениях: в области философских наук – дальнейшая разработка материалистической диалектики, теории познания и логики, методологических проблем общественных, естественных и технических наук ...». «Первостепенное внимание в научных исследованиях следует уделять марксистско-ленинской методологии, принципам классово-партийного, конкретно-исторического подхода к общественным явлениям»³. ЦК КПСС отмечал, что возросшие задачи коммунистического строительства, идеологической борьбы, происходящей в современном мире, требуют дальнейшего развития теоретической мысли, более глубокого анализа социального развития, нового повышения уровня марксистско-ленинского образования кадров⁴.

Как справедливо отмечал Р. Громов, задачи высшего образования в СССР не исчерпывались только профессиональной подготовкой специалистов, но и включали в себя идейное воспитание, формирование марксистско-ленинского мировоззрения⁵.

¹ Красное знамя 23 августа 1967 года «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» // URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000024359/1967/1967_197.pdf (дата обращения: 17.04.2019).

² Там же.

³ Красное знамя 23 августа 1967 года «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» // URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000024359/1967/1967_197.pdf (дата обращения: 17.04.2019).

⁴ Там же.

⁵ Громов Р. Философия как объект правового регулирования. С. 47.

Научная конференция на тему «Ленинский этап в развитии марксистской философии», состоявшаяся в Ленинграде 16-19 декабря 1969 г., была организована Отделением философии и права, Институтом философии и Научным советом по истории общественной мысли Академии наук СССР совместно с Министерством высшего и среднего специального образования СССР и всесоюзным обществом «Знание». В работе конференции приняли участие более 400 научных сотрудников Академии наук СССР, академий наук союзных республик и работников высшей школы из более чем 40 городов Советского Союза и 36 ученых из 10 зарубежных социалистических стран.

На этой конференции с докладом «Ленинская диалектика как наиболее общий метод и высшая алгебра социалистической революции» выступил академик Тодор Павлов (НРБ), много лет развивавший ленинскую теорию отражения, которая была сформулирована в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1908)¹.

Академик В.А. Фок представил доклад на тему «Квантовая физика и философские проблемы», в котором отмечал, что радикальные изменения в современном физическом мышлении можно осмыслить только с позиций диалектического материализма.

Академик Б.Е. Быховский посвятил свое выступление раскрытию значения ленинских положений о союзе философии и естествознания, а также обоснованию тезиса о том, что ряд проблем современной биологии представляют несомненный философский интерес и требуют для своего решения совместных усилий философов и биологов.

Академик В.Н. Черниговский говорил о влиянии ленинских идей на развитие физиологической науки в СССР, а также отметил, что ленинские идеи, высказанные в его книге «Материализм и эмпириокритицизм», стали методологической основой развития физиологии органов чувств.

Также на конференции рассматривались и такие вопросы, как предмет марксистской философии, ленинское понимание логики, философская трактовка сознания в свете ленинской теории отражения, диалектические взаимосвязи естествознания и марксистской философии, методологические

¹ Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: Учебное пособие. С. 224.

и теоретико-познавательные проблемы физики, астрономии, биологии и др. наук и т.д.

Марксисты определяли отражение как один из главных атрибутов материи наряду с такими как пространство, время, движение и т.д. Философская категория «отражение» чаще всего обозначала соответствие изменений, происходящих у одного объекта под действием другого, возникающее в результате их взаимодействия.

Даже представленного исторического материала достаточно для того, чтобы дать обоснованные ответы на поставленные выше вопросы о том, почему в отечественной криминалистике вдруг в конце 1960-х гг. пробудился интерес к философии, диалектической логике, философским категориям и к «ленинской теории отражения». Суть ответа заключается в том, что философия в Советском Союзе стала продуктом идеологического аппарата¹, элементом или составляющей частью идеологической системы советского общества, имела государственный характер². «И действительно, в силу того, что философия занималась по сути артикуляцией советской идеологии в наиболее абстрактных и обобщенных формах и категориях, она играла ключевую роль в создании параллельной аксиоматики, т.е. собственно мировоззрения, которое по ряду фундаментальных параметров действительно отличалось от установившихся аксиоматических констант, принятых за пределами Советского Союза»³.

Как справедливо замечает С.А. Лебедев, «научное познание совершается отнюдь не учеными-«робинзонами», имеющими дело с якобы с «чистыми фактами» и обладающими логическими методами открытия и обоснования научных законов и теорий, а реальными учеными-индивидами, живущими в определенную эпоху и испытывающими на себе в той или иной степени влияние накопленного знания и культуры своего времени. Процесс научного познания имеет

¹ Добренко Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 31.

² Касьян А.А. Философия в дискуссиях советских ученых середины XX века // Высшее образование в России. 2011. № 2. С. 148.

³ Добренко Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики. С. 33.

ярко выраженный творческий и социально обусловленный характер»¹.

Изучение социально-политического контекста нашей страны в 60-е годы прошлого столетия позволяет сделать вывод о том, что обращение Р.С. Белкина к философии и к использованию философской категории «отражение» для формирования методологических основ и создания общей теории криминалистики было далеко неслучайным.

Р.С. Белкин чутко уловил особенности идеологического контекста (политического момента) жизни страны и использовал это при выборе тематики и способов аргументации в своих научных работах. Примечательно, что среди профессиональных криминалистов практически не было явных диссидентов или оппозиционеров, а их отношения с властью, как правило, характеризовались лояльностью.

Своими «философскими» текстами в криминалистике Р.С. Белкин проявил себя как типичный последователь официальной «партийной философии», активно использовавший тезис Ленина о том, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания»².

Р.С. Белкин не был одиноким проводником идей диамата в отечественную криминалистику. Так, в 1967 году Р.С. Белкин фиксировал «появление в советской криминалистической литературе последнего времени работ принципиально нового для криминалистических исследований направления, которое условно можно назвать философским. Представители этого направления стремятся теснее связать теорию криминалистики с положениями марксистско-ленинской теории познания, использовать для развития методологических основ криминалистики теорию отражения и теорию информации. Очевидно, что развитие этого направления в криминалистике ... является одним из наиболее перспективных»³.

¹ Лебедев С.А. Философия науки: учебное пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 35.

² Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30.

³ Белкин Р.С. Перспективы развития советской криминалистики // Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. С. 265.

Поскольку в СССР не было альтернативы марксистской философии и марксистскому пониманию науки как отражения действительности, Р.С. Белкина активно поддерживал научный руководитель его кандидатской диссертации А.И. Винберг, что и позволило А.М. Ларину говорить о «теории отражения в белкинско-винбергской трактовке»¹.

К.В. Бугаев подтверждает, что А.И. Винберг является «безусловным лидером по числу цитирований» в работах Р.С. Белкина², и отмечает: «Мы наблюдаем сильную положительную корреляцию самоцитирования Белкина с его цитированием своего учителя А.И. Винберга. Можно, полагаем, утверждать, что Р.С. Белкин имел весьма близкие научные интересы с А.И. Винбергом и во многом являлся продолжателем его воззрений»³.

В совместной книге «Криминалистика и доказывание (методологические проблемы)», изданной в 1969 году, А.И. Винберг и Р.С. Белкин отмечали, в частности, следующее:

1. «Базой для построения общей теории криминалистики и применения ее рекомендаций в практике служит марксистско-ленинская методология»⁴.

2. «Задача заключается в том, чтобы, опираясь на методологическое единство всех разновидностей процесса познания – как в науке, так и в практической деятельности, выяснить специфику каждой из этих разновидностей; вооружить исследователя – ученого и практика – необходимым арсеналом познавательных приемов и средств, отражающих особенности конкретного предмета познания; показать, что революция в науке не только не колеблет, но, наоборот, подтверждает истинность марксистско-ленинского мировоззрения,

¹ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. С. 99.

² Бугаев К. В. «Курс криминалистики» Р.С. Белкина. Ближайший круг цитируемых авторов. / Евразийский юридический журнал. №7 (74). 2014 // URL: <http://kbugaev.narod.ru/Publication/2014-Kurs-Krim-Bliz-Krug.pdf> (дата обращения: 17.04.2019).

³ Бугаев К. В. Научное наследие профессора Р.С. Белкина: анализ списка цитирований // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61) // URL: <http://kbugaev.narod.ru/Publication/2016-Belcin-CitatList.pdf> (дата обращения: 17.04.2019).

⁴ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юрид.лит., 1969. С. 3-4.

универсальность материалистической диалектики – этого единственного всеобщего метода познания, фундамента современной методологии науки”¹.

3. «Отравляясь от марксистского решения основного вопроса философии, В.И. Ленин пришел к единственно верному выводу о том, что в фундаменте самого здания материалистической теории существует способность, сходная с ощущением, – свойство отражения»².

В их очередной совместной работе «Криминалистика. Общетеоретические проблемы», изданной в 1973 году, авторы вновь отмечали, что предприняли «попытку исследования с философских позиций ряда ключевых вопросов криминалистической науки»³.

Подводя итог своих многолетних исследований, Р.С. Белкин указывал, что, «начиная с 1970 г., когда я обратился к методологии криминалистики и попытался сформулировать основы общей теории этой науки, я руководствовался отмеченным мною тогда впервые в литературе постулатом: гносеологической основой криминалистики служит материалистическая теория отражения, именно на ней базируется определение предмета криминалистики и все ее содержание. О том, что криминалистика изучает и использует в своих целях следы – «отпечатки» события преступления, говорилось уже в первых криминалистических сочинениях, отражавших чисто эмпирический подход к процессу следообразования. Лишь философское объяснение этого феномена позволило обеспечить должный теоретический уровень его исследования и объяснения»⁴.

Более того: «Та исходная парадигма, которая лежала в основе криминалистических исследований в предшествующие указанному моменту годы, и которая выражалась в общепринятом, «традиционном» определении предмета криминалистики как науки о приемах, средствах и рекомендациях в области борьбы с преступностью, изжила себя и нужда-

лась в замене. Определение предмета криминалистики (как выражение принятой научной парадигмы) требовало принципиального пересмотра ... потому, что оно не соответствовало современным представлениям о предмете частной науки как формы отражения человеком действительности, как области знания»¹.

Апогеем философских размышлений Р.С. Белкина следует признать его вывод о том, что «концептуальная философская категория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней»².

Таким образом, именно А.И. Винберг и Р.С. Белкин стали в истории отечественной криминалистики наиболее активными проводниками идеи внедрения положений философии диалектического материализма и философской теории отражения в криминалистическую науку под предлогом развития ее методологических основ и создания ее общей теории.

Получается, что сферой поиска наиболее устойчивых, наиболее общих принципов криминалистического знания, имеющих характер методологических принципов, А.И. Винберг и Р.С. Белкин избрали не собственно криминалистическую теорию и практику, а философию диалектического материализма в целом, которую они попытались «окриминалистить», представив философские положения диамата в качестве основы (ядра) формируемой ими общей теории криминалистики.

Можно сделать вывод о том, что в 60-70-е годы прошлого столетия отечественная криминалистика испытывала кризисное состояние, связанное с ее явной неспособностью самостоятельно и эффективно решать частнонаучные мировоззренческие, методологические и практические проблемы. Во многом это было связано с катастрофическим противоречием между ее нацеленностью обеспечивать установление объективной (материальной) истины по каждому делу и

¹ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юрид.лит., 1969. С. 3.

² Там же. С. 170.

³ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973 С. 21.

⁴ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 218.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 15.

² Там же. С. 48-49.

чудовищной практикой массовых репрессий и произвола в отношении граждан в период культа личности Сталина. Не видя внутринаучных (собственно криминалистических) возможностей их решения, Р.С. Белкин и обратился к «чудодейственной», «единственно верной и единственно научной» марксистско-ленинской философии. «По отношению к науке полагалось, что ее основные мировоззренческие и методологические проблемы решены в сочинениях классиков марксизма-ленинизма. Необходимо лишь уметь применять эти знания в теории и на практике, делать их достоянием каждого ученого. Марксистская теория объясняет прошлое и настоящее, прогнозирует будущее»¹.

Таким образом, катализатором внедрения положений философской теории отражения в отечественную криминалистику выступили причины, имеющие преимущественно не внутринаучный, а внешний по отношению к криминалистике политико-идеологический характер.

Российский философ М.А. Розов отмечает, что в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого столетия настольной книгой большинства философов был печально знаменитый «Материализм и эмпириокритицизм», а в литературе господствовала «пошлая «ленинская теория отражения»»². «Сколько тогда было написано о познании как об отражении мира в сознании человека! Неясно было одно, что собой это отражение представляет и как его изучать»³.

В условиях советской действительности теория отражения представляла собой не что иное, как господствующую идеологию, основанную на марксистско-ленинской философии (диамате), в поддержку и обоснование которой включились многие советские криминалисты, в том числе Р.С. Белкин и А.И. Винберг. В этой связи А.М. Ларин отмечал стремление отдельных криминалистов «продемонстрировать приверженность «единственно правильному учению» и тем самым угодить партийным бонзам, от которых

тогда зависело все: публикации, продвижения по службе, положение в обществе»¹.

Хотя Р.С. Белкин и А.И. Винберг, возможно, и предполагали добиться больших успехов в использовании философии диамата в криминалистике для формирования общей теории этой науки, однако реальные достижения такого заимствования оказались весьма скромными. Указанные ученые всесторонне не исследовали сложное строение криминалистического знания и его различных уровней; смешивали философское и частнонаучное (криминалистическое) знание; не смогли операционализировать для практических нужд криминалистики философскую теорию познания; не осознали того, что структура реальной познавательной деятельности не сводится лишь к отражательным процедурам, а включает в себя различные приемы (процедуры) репрезентации, интерпретации, конвенции и т.д.

¹ Касьян А.А., Куревина С.В., Петрова Н.Е. Затухающий сигнал: идеологические дискуссии в советской науке середины XX века в региональном контексте // ВИЕТ. 2010. № 3. С. 94.

² Розов М.А. Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. С. 256.

³ Там же. С. 343.

¹ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. С. 98-99.

6. ВЗГЛЯДЫ Р.С. БЕЛКИНА О КАТЕГОРИИ «ОТРАЖЕНИЕ» В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Р.С. Белкин активно использовал слово «отражение» в своих текстах, перенося его из философских источников в криминалистику. Однако этому слову Р.С. Белкин нередко придавал разное значение, корректировка содержания которого осуществлялась посредством контекстов его употребления. С учетом изложенного, представляется необходимым исследовать отдельные криминалистические тексты, в которых Р.С. Белкин активно применял слово «отражение».

Прежде всего, отметим, что при написании работы «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики» Р.С. Белкин четко сформулировал задачу «показать диалектико-материалистическую сущность данной частной науки, то есть исследовать ее философские основы, что возможно только с позиций марксистско-ленинского мировоззрения, с позиций ленинской теории отражения»¹.

Р.С. Белкин поставил «перед собой **цель на базе положений ленинской теории отражения** сформулировать некоторые выводы о понятии, содержании и системе общей теории советской криминалистики как методологической основе этой науки»². «В свете этой задачи истинно неопределимую помощь исследователю оказывает философское наследие В.И. Ленина, в частности, его гносеологические идеи...»³. «Гносеологические идеи В.И. Ленина были одновременно и отправным пунктом, и путеводной нитью, и фундаментом для настоящей работы»⁴.

Р.С. Белкин был убежден, что условия, необходимые для создания общей теории криминалистики, возникли только после разработки философских проблем криминалистики в середине 60-х годов прошлого столетия, когда укрепилась ее собственная методологическая база⁵. По его словам, «**формирование общей теории криминалистики неиз-**

бежно должно было привести к тому, что именовалось в философской литературе «ленинской теорией отражения», о которой уже в те годы существовало множество публикаций и целый ряд положений которой успешно использовался и развивался не только в философии, но и в других науках»¹.

Основная идея теории отражения заключается в следующем. Все предметы и явления действительности взаимодействуют друг с другом, в результате чего они отражаются, т.е. воспроизводят особенности друг друга в результате этого взаимодействия так, как они существуют в действительности. Отражение выступает фундаментальным, всеобщим и закономерным свойством материи. Сознание (познание, мышление) представляет собой процесс отражения реальности и его результат. Соответственно, теория познания (как теория отражения) исходит из того, что сознание (познание) отражает независимо от него существующий внешний (объективный) мир в форме научных понятий, категорий, теорий, идей, учений и т. д.

Отмечая марксистское решение основного вопроса философии, на основе которого В.И. Ленин пришел к «единственно верному» выводу о том, что в фундаменте самого здания материи существует способность, сходная с ощущением, – свойство отражения², Р.С. Белкину вдруг «стало очевидно, что отражение образует самый фундамент криминалистики, сущность этой науки»³, что «криминалистика ставит своей целью ... раскрыть процесс отражения, позволяющий проследить причинную обусловленность и зависимость результата отражения – отпечатка исследуемого явления от отражаемого объекта – преступления»⁴.

В результате многолетних усилий Р.С. Белкина общая теория отечественной криминалистики стала фактически неотделимой от положений марксистско-ленинской теории познания как отражения⁵.

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 3.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 224.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 48.

² Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). С. 170.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 32.

⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. С. 383.

⁵ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 15.

Важно отметить, что при формировании общей теории криминалистики Р.С. Белкин активно использовал подход, характерный для «стандартной гипотетико-дедуктивной схемы организации теоретического знания, согласно которой развертывание содержания теории осуществляется по нормам аксиоматико-дедуктивной системы знания»¹. Специфика этого метода проявляется в оперировании высказываниями, когда одно высказывание логически выводится из другого, а не в непосредственном обращении к абстрактным объектам теории².

Так, в 1968 году Р.С. Белкин писал: «Поскольку советская криминалистика, как наука, есть разновидность процесса познания объективной действительности, диалектического процесса отражения предметов, явлений материального мира в сознании людей на базе практики, то можно сделать вывод, что марксистский диалектический метод является общим методом советской криминалистики»³.

Посылка 1: процесс познания объективной действительности – это диалектический процесс отражения предметов, явлений материального мира в сознании людей на базе практики;

Посылка 2: советская криминалистика, как наука, – это разновидность процесса познания объективной действительности;

Заключение: марксистский диалектический метод – это общий метод советской криминалистики.

В данном случае сделанное Р.С. Белкиным заключение логически следует из указанных им посылок, но при этом оно не может быть однозначно определено в терминах истинности.

Дело в том, что в логической теории рассуждений проверяется лишь факт истинности заключения при допущении, что посылки при этом являются истинными⁴. Другими

словами, истинность логического следствия наступает при условии истинности его посылок.

Указанные Р.С. Белкиным посылки изначально признаются им в качестве истинных, хотя на самом деле таковыми не являются. В частности, истинность посылки 1 (процесс познания объективной действительности – это диалектический процесс отражения материального мира в сознании людей) не очевидна, не может быть легко и однозначно установлена, относится к числу спорных, нуждается в обосновании, а потому относится к категории проблематичных суждений, т.е. суждений, которые нельзя считать достоверными в силу их недостаточной обоснованности¹. Например, согласно широко распространенной в современной науке конструктивистской парадигме познания, индивид, в том числе и ученый, не отражает реальность, а активно выстраивает, формирует, создает или конструирует ее. Кроме того, рассуждая о заблуждениях классиков марксистской философии, академик (философ) Т.И. Ойзерман считал, что В.И. Ленин ошибался, назвав отражение всеобщим свойством материи, родственным с ощущением².

Таким образом, вышеуказанное рассуждение Р.С. Белкина является логически корректным, но его посылка 1 не может быть однозначно определена в терминах истинности. Следовательно, полученное таким образом Р.С. Белкиным заключение является ненадежным, т.е. не может быть однозначно определено в терминах истинности, нуждается в дальнейшей проверке и подтверждении.

Р.С. Белкин также утверждал следующее:

- «поскольку отражение присуще всей материи, постольку любой материальный процесс отражается в других материальных процессах, связанных с ним»³;

- «событие преступления есть один из материальных процессов действительности и как таковой находится в связи и во взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями, отражается в них и сам является отражением каких-то процессов»⁴ и т.д.

¹ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 97.

² Ойзерман Т. И. Философия как история философии. СПб.: Алетея, 1999. С. 59.

³ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

¹ Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 272.

² Там же.

³ Белкин Р.С. Методологические основы советской криминалистики // Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М.: Юрид. лит., 1968. С. 17.

⁴ Солодухин О.А. Логика: экзаменационные ответы. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 105.

В учебнике «Криминалистика» (1968) Р.С. Белкин отмечает, «поскольку возникновение судебных доказательств представляет собой разновидность всеобщего процесса отражения, постольку ей присущи все закономерности, характерные для процесса отражения в целом»¹. И в данном положении четко просматривается использование Р.С. Белкиным способа получения нового знания путем выведения логического следствия из посылок, которые он оценивает истинными, независимо от того, признаются ли они таковыми другими исследователями или нет.

В 1969 году Р.С. Белкин и А.И. Винберг, по сути, использовали тот же способ рассуждения: «Советская криминалистика, как наука, представляет собой разновидность процесса познания объективной действительности, диалектического процесса отражения предметов, явлений материального мира в сознании людей на базе практики. Не отличаясь по своей гносеологической сущности от других наук, криминалистика, так же как и другие науки, применяет марксистский диалектический метод как всеобщий метод познания. Поэтому с полным основанием можно сказать, что всеобщим методом криминалистики служит диалектический метод, позволяющий ученому-криминалисту подойти к предмету свои исследований как одному из звеньев в бесконечном ряду взаимосвязанных явлений действительности»².

Несложно заметить, что и в данном рассуждении Р.С. Белкин и А.И. Винберг используют все ту же логическую форму получения выводных знаний – дедуктивное умозаключение – в котором переход от общего знания к частному признается логически необходимым. Однако, как уже отмечалось, такое рассуждение ненадежно и не гарантирует истинность полученного заключения: несмотря на логичность такого рассуждения нельзя однозначно определить в терминах истинности полученный вывод (логическое следствие), поскольку посылка о том, что познание объективной действительности – это процесс его отражения, не является однозначно истинной.

¹ Белкин Р.С. Предмет советской криминалистики // Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М.: Юрид. лит., 1968. С. 5.

² Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). С. 15.

Следует признать, что Р.С. Белкин очень часто применяет логику в своих рассуждениях, нередко в ущерб эмпирическим исследованиям, забывая, что логика охватывает отношения между утверждениями, а не соотносимость с фактами.

По словам американского юриста Р. Познера, «показать, что мнение нелогично, еще не значит показать, что оно неверно»¹.

П. Бурдые также отказывает логике в «истинном» описании практики: «За практикой следует признать особую, нелогическую логику, дабы не требовать от нее больше логики, чем она способна дать, неизбежно принуждая ее говорить несвязности либо навязывая ей искусственную связность»². Изложенное подтверждает важную, но все же ограниченную роль формально-научных методов в познании криминалистической реальности.

По словам Р.С. Белкина, «образование следов преступного события, т.е. его разнообразных «отпечатков» в окружающей среде, становится возможным в силу такого всеобщего свойства материи, как свойство отражения. Процесс отражения – это не хаотичный, случайный процесс; он подчиняется определенным закономерностям, различным в зависимости от того, каковы отражаемый и отражающий объекты и в каких условиях осуществляется отражение. Событие по-разному будет отражаться в сознании человека и на предметах обстановки места происшествия; философская сущность отражения остается неизменной, но механизм отражения может быть различным»³.

При определении понятия «отражение» Р.С. Белкин вместе с А.И. Винбергом (1969) указывали на то, что «обычно отражение определяется как взаимодействие материальных тел или как результат этого взаимодействия»⁴, и цитировали то, как его определяет М. Корнфорт в своей работе «Диалектический материализм» (1956): «Процесс

¹ Цит. по: Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 160.

² Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 167.

³ Белкин Р.С. Предмет советской криминалистики // Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М.: Юрид. лит., 1968. С. 4.

⁴ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). С. 170.

отражения включает в себя такую взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго»¹. Примечательно, что спустя десятилетия, на эти же работы ссылается и Ю.П. Боруленков Ю.П. (2006), определяя понятие отражения².

Р.С. Белкин и А.И. Винберг также ставили перед собой задачу раскрыть философскую сущность информации, полагая, что «представление об информации как о сообщении, о сведениях, будучи в общем приемлемым для целей нашего исследования, отражает только служебную роль информации в познании»³. По их мнению, «отражение, как свойство всей материи есть понятие более общее, нежели информация»⁴, «содержание изменений и их связь с отражаемым и есть, как нам представляется, информационная сторона процесса отражения, сущность информации»⁵, «доказательства – это изменения, связанные с исследуемым событием»⁶, «мера связи доказательства с событием, которое им устанавливается и называется нами доказательственной информацией»⁷ и т.д.

Таким образом, Р.С. Белкин и А.И. Винберг придерживались «отражательной» концепции на природу и сущность информации. Однако, по словам А.Н. Григорьева, при всей важности и распространенности этой концепции, она имеет и существенные недостатки, в частности, она не включает субъекта деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, который, в лучшем случае, выступает лишь в качестве своеобразного «передаточного звена»⁸.

¹ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). С. 170); Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 8.

² Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. Владимир: ВГПУ, 2006. С. 133.

³ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). С. 168.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Там же.

⁸ Григорьев А.Н. Информация как объект криминалистического познания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). С. 14.

А.Н. Григорьев верно подчеркивает: «Информация – это не только результат отбора содержания из внешней среды, но и анализа этого содержания, творческого его использования для достижения намеченных целей, решения поставленных задач. Именно субъективность процесса формирования информации объясняет то, почему от одного и того же объекта – следа преступления – разные субъекты могут получить разную по полноте, объему и другим параметрам информацию»¹. По словам А.Н. Григорьева, «следователь формирует информацию»², «информация рождается из действия» и т.п.³

К. Поппер иронично называл теорию отражения «блудной теорией познания»⁴, поскольку эта теория утверждает, что знания через наши органы чувств вливаются как в бадью.

Г.И. Рузавин констатирует: «На самом деле знания возникают не непосредственно через органы чувств, информация не вливается в нас из окружающей среды. Это мы исследуем окружающую среду и активно «высасываем» из нее информацию, как пищу»⁵.

Говоря о соотношении отражения и доказательства, Р.С. Белкин приходит в 1970 году к выводу, что «изменения в среде, связанные с событием, есть результат взаимодействия между ними, результат отражения события в среде. Только по ним мы можем судить о содержании события. Применительно к процессу доказывания изменения в среде как результат отражения в этой среде события и есть доказательства этого события, то есть те фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления»⁶. Несложно заметить, что Р.С. Белкин «изменения

¹ Григорьев А.Н. Информация как объект криминалистического познания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). С. 15.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Поппер К.Р. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–74.

⁵ Рузавин Г.И. Перспективы эволюционного подхода в эпистемологии науки // Эпистемология и философия науки. 2010. т. XXIII. № 1. С. 28.

⁶ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 9.

в среде» стал называть другими словами – «результаты отражения» и «доказательства».

В 1997 году, говоря о связи отражения с событием преступления, Р.С. Белкин вновь пишет: «Связь изменений с событием существует объективно. Эти изменения в среде, связанные с событием, есть результат взаимодействия между ними, результат отражения события в среде, только по ним можно судить о содержании события. Применительно к процессу доказывания изменения в среде, как результат отражения в этой среде события, есть информация об этом событии, те самые фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления»¹. Соответственно, Р.С. Белкин «изменения в среде» продолжил называть «результатами отражения», но уже не «доказательствами», а «информацией об этом событии».

Важно отметить, что в 1970 г. и в последующие годы Р.С. Белкин фактически уклонялся от раскрытия частнонаучных особенностей содержания понятия «отражение» в криминалистике. Он чаще всего ограничивался указанием на ранее содержавшиеся в их совместной с А.И. Винбергом работе «Криминалистика и доказывание (методологические проблемы)» философские положения о том, что «обычно отражение определяется как взаимодействие материальных тел или как результат этого взаимодействия»² или на цитату М. Корнфорта (1956): «Процесс отражения включает в себя такую взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго»³.

Таким образом, в своих рассуждениях об отражении в криминалистике Р.С. Белкин ограничивался рассмотрением исключительно философского (гносеологического) аспекта проблемы, полагая, что многие специальные вопросы криминалистики не могут быть успешно решены в ее рамках без привлечения гносеологических соображений диалектического материализма. При этом Р.С. Белкин никогда не обращал внимания своих читателей на то, что используемое им в

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М.: Юристъ, 1997. С. 69.

² Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 8.

³ Там же.

криминалистических текстах философское понятие «отражение» – это, прежде всего, философская метафора.

Весьма спорными следует признать и рассуждения Р.С. Белкина о том, что «отражаемыми объектами в процессе возникновения доказательств являются элементы состава преступления», хотя «не все эти элементы играют одинаковую роль в акте отражения»¹.

Дело в том, что если под составом преступления понимать «законодательную модель», «правовую модель», «научную абстракцию», «абстрактную теоретическую конструкцию», «юридическое понятие о нем как о преступлении» или «юридическую фикцию»², то непонятно, как элементы этой абстракции (фикции) могут быть «отражаемыми объектами в процессе возникновения доказательств». Ведь отражение – это такая взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго, тогда как любая абстракция (фикция), каковой является понятие состава преступления, не является материальным процессом.

По мнению Р.С. Белкина, в акте отражения складывается «примерно следующая система взаимосвязей», состоящая из таких элементов как: 1) отражаемые объекты; 2) средства отражения; 3) отражающие объекты; 4) результат отражения (изменения)³:

I. Отражаемые объекты: субъект (индивид) – действия.

II. Средство отражения: свойства личности – средства и способы действий.

III. Отражающие объекты: окружающая обстановка – предмет посягательства (элементы среды, в которой происходит событие).

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 9.

² Уголовное право. Общая часть: учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 97; Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2014. С. 147; Сверчков В.В. Уголовное право. Общая часть: краткий курс лекций. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2013. С. 69.

³ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 10.

IV. Результат отражения: изменения («отпечатки» свойств личности, результаты действий).

Р.С. Белкин считает, что «предложенная система выражает только процесс возникновения доказательств, но не отношения субординации между объектами одной категории»¹.

Несложно заметить, что в указанной схеме акте отражения Р.С. Белкина отсутствует субъект познания. Соответственно, отсутствует указание на те черты его личности, без которых невозможно (или крайне затруднительно) вести скрупулезную, продолжительную и напряженную работу по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Как отмечает Т. Кубалица, «если мы отождествляем познание с отражением, то познание заключается в соотношении двух объектов: оригинального объекта наблюдения, а также скопированного объекта представления. В определении познания как отражения нет места для субъекта»².

Кроме того, Р.С. Белкин допускает как существование объекта с некоторыми свойствами, так и отдельное существование самого этого свойства без данного конкретного объекта. Другими словами, Р.С. Белкин искусственно «отрывает» свойства от самих объектов: отделяет свойства субъекта от самого субъекта, а средства и способы действий от самих действий, что вступает в противоречие с действительностью.

Как отмечал К.К. Платонов, «Свойства – это все то, что присуще данному явлению. Особенность – это то свойство (а чаще совокупность свойств), которое отличает данное явление от других, родственных ему. Качество – это неотъемлемое свойство. О нем лучше сказать словами Гегеля (1770-1831): «Нечто является благодаря своему качеству тем, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть»³. В связи с этим вызывает серьезные сомнения обоснованность выделения Р.С. Белкиным в качестве самостоятельного элемента «средств отражения».

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 10..

² Кубалица Т. Относительная истинность теории отражения в интерпретации Генриха Риккерта // Кантовский сборник. 2010. № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnositelnaya-istinnost-teorii-otrazheniya-v-interpretatsii-genriha-rikkerta> (дата обращения: 03.05.2019).

³ Платонов К.К. Занимательная психология. Издание 5-е, испр. СПб.: Питер Пресс, 1997. С. 65.

В последующие годы схема рассуждений Р.С. Белкина относительно «акта отражения» принципиально не менялась, хотя периодически в ней и появлялись отдельные «новшества». Так, если в работе 1970 года Р.С. Белкин говорил о том, что «отражаемыми объектами в процессе возникновения доказательств являются элементы состава преступления»¹, то в совместной с А.И. Винбергом работе 1973 года отмечалось, что «отражаемыми объектами в процессе возникновения доказательств являются элементы преступления»², а в 2011 г. Р.С. Белкин вновь стал говорить об элементах состава преступления³.

Если в 1970 году Р.С. Белкин использовал понятие «средства отражения» как «форму связи между отражаемым и отражающим объектами», то в 2001 году то же самое понятие «средства отражения» он стал применять для того, чтобы «раскрыть механизм отражения»⁴. По словам Р.С. Белкина, сущность «средств доказывания» и «весь механизм отражения» были показаны им на той же схеме, как и в 1970 году.

Отмечая, что отражение обладает определенным содержанием, Р.С. Белкин констатировал следующее: «Содержание изменений, их характер есть информация, сведения об этих изменениях. Изменения несут в себе сведения о том, что они из себя представляют, то есть информацию о всем процессе отражения, результатом которого они являются. Изменения-доказательства – являются материальным носителем, «хранилищем» информации о событии»⁵.

Именно в 1970 году Р.С. Белкин пришел к выводу о том, что «для того, чтобы научная теория могла играть роль общей теории конкретной науки, роль ее методологических основ» она должна удовлетворять пяти принципиальным требованиям, среди которых под четвертым значилось следующее: «**Необходимо, чтобы общая теория базировалась**

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 9.

² Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. С. 24.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 29.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 10-11.

на принципах ленинской теории отражения, имеющих значение научного мировоззрения и выражающих «диалектику вещей» как основу «диалектики идей»¹. Р.С. Белкин особо подчеркивал «стремление выпятить роль теории отражения как философской основы книги»².

Указанное положение воспроизводилось и в последующих работах Р.С. Белкина, в том числе и в совместной работе Р.С. Белкина и А.И. Винберга «Криминалистика. Общетеоретические проблемы», изданной в 1973 году³.

Р.С. Белкин и А.И. Винберг отмечали следующее: «В нашем представлении частнонаучная методология – это диалектико-материалистическая методология конкретной науки, корни которой – в марксистско-ленинской философии, определяющей ее мировоззренческие устои и принципы»⁴. «Задача в то же время заключается в том, чтобы на базе решения этих философских проблем показать диалектико-материалистическую сущность криминалистической науки, т.е. исследовать ее философские основы, что возможно только с позиций марксистско-ленинского мировоззрения, с позиций ленинской теории отражения»⁵.

В 1997 году Р.С. Белкин вновь писал о том, что «общая теория должна базироваться на принципах теории отражения»⁶, а в 1999 году – что «вся криминалистика базируется на теории отражения, что отражение – вот та категория, которая в различных своих ипостасях пронизывает всю криминалистику»⁷.

В 2001 году Р.С. Белкин подвел итог своих многолетних исследований важности теории отражения в криминалистике: «Криминалисты стали широко использовать термин «отражение», но очень редко задумывались над действительным значением этой философской категории для криминалистики, над ее фундаментальной ролью, как в теории,

так и в практике приложения криминалистических выкладок и рекомендаций. ... Я пришел к твердому убеждению, что концептуальная философская категория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней»¹.

Хотя еще в 1971 г. Н.А. Якубович справедливо отмечала: «Задача науки состоит не только в том, чтобы установить общее, но и определить особенное, специфичное. Поэтому, выделяя в процессе познания на предварительном следствии все, присущее любому другому познанию, необходимо определить и то, что является специфическим, особенным для него и отличает его от познания в других областях человеческой деятельности»².

По словам Н.А. Якубович, «задача науки – не только постулировать возможность познания истины при расследовании и вытекающую отсюда возможность раскрытия каждого преступления, но и показать, как следователь познает в процессе расследования факты объективной действительности»³. «Познание, осуществляемое при расследовании уголовных дел, – это сложный процесс раскрытия преступлений и изобличения лиц, их совершивших. Он требует от следователя высокого профессионального мастерства и значительных интеллектуальных и физических усилий для преодоления тех трудностей, с которыми ему нередко приходится сталкиваться при восстановлении картины совершения преступления»⁴.

В 1973 г. в совместной работе Р.С. Белкина и А.И. Винберга «делается вывод о двух аспектах анализа отражения: в гносеологии и частных науках. Гносеологический аспект выявляет отношение образа и предмета; в частнонаучном плане психическое отражение выступает как продукт взаимодействия субъекта со средой»⁵. Важные замечания о

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 49.

² Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 228.

³ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. С. 15.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 19-20.

⁶ Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. С. 49.

⁷ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 228.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 48-49.

² Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия: учебное пособие. М.: Высшая школа МВД СССР, 1971. С. 20.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 8-9.

⁵ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. С. 19-20.

том, что «закономерность обнаружения доказательств носит преимущественно своеобразный информационно-психологический характер»¹, что «сам же отбор информационных сигналов есть сложный нейрофизиологический и психический процесс, происходящий в коре больших полушарий головного мозга», что «объективные предпосылки обнаружения доказательств реализуются через субъективные, т.е. через сознательную деятельность по обнаружению доказательств»², не получили дальнейшего развития в последующих работах Р.С. Белкина.

В 2001 г. в работе Р.С. Белкина остается только положение о том, что «гносеологический анализ образа выявляет отношение образа и предмета, отражаемого и отражающего объектов»³, тогда как само упоминание о возможности частнонаучного аспекта отражения уже отсутствует.

Переоценивая познавательные возможности абстрактного познания и придавая приоритетное значение гносеологическому, а не частнонаучному анализу познания в криминалистике, налицо «застывание» Р.С. Белкина на попытке решать специальные (частнонаучные) проблемы криминалистики преимущественно в рамках гносеологических соображений, без опоры на фактический материал (эмпирическую базу).

Преувеличение гносеологических аспектов познания привело к тому, что Р.С. Белкину так и не удалось дать развернутую частнонаучную (криминалистическую) интерпретацию особенностей понятия отражения в криминалистике (криминалистической деятельности), вскрыть и обосновать конкретные (возникающие на практике) механизмы отражательного процесса в различных видах криминалистической деятельности, а также решить проблему точности отражения. Все его рассуждения в этой области ограничивались преимущественно абстрактными рассуждениями в рамках философской гносеологии и философской терминологии (фразеологии).

Р.С. Белкин не смог (или не захотел) понять того, что реформаторы отечественной философии 60-70-х годов

прошлого столетия, на работы которых он ссылаясь, концентрировались на обсуждении специфически философских проблем, оставляя содержание проблем частных наук самим ученым, а не философам.

Р.С. Белкин придерживался консервативной позиции тех советских философов, которые, не различая философские и частнонаучные проблемы, полагали, что диалектический материализм является «единственно всеобщей» или «наиболее общей наукой о природе и обществе», и что диалектические законы действуют в природе, обществе и сознании, обосновывая необходимость и самодостаточность философского осмысления частнонаучных проблем криминалистики.

Таким образом, приступая к исследованию методологии отечественной криминалистики, Р.С. Белкин обосновывал идею усиления интегративной роли философии, потребность в методологическом использовании философских категорий, сближении философского и нефилософского знания, считая, что «философия становится в известном смысле ключом к самопознанию наукой своих исходных основ, их переосмыслению в сфере новых фактов и гипотез»¹.

По мнению Р.С. Белкина, только с «философских позиций» возможно рассмотреть ряд устоявшихся в криминалистической науке понятий, чтобы выяснить, удовлетворяют ли они требованиям сегодняшнего дня. В иных случаях рассмотрение отдельных положений теории криминалистики в философском аспекте позволяет либо сделать вывод о недостаточной их обоснованности и наметить пути такого обоснования, либо аргументировать их непосредственно с помощью тех или иных философских концепций»².

С учетом изложенного, весь тот философский язык (философская терминология), которым пользовались советские философы в 60-е годы прошлого столетия, стал применяться Р.С. Белкиным в криминалистике напрямую, т.е. фактически в качестве криминалистической лексики.

Получается, что Р.С. Белкин перенес в криминалистику методологические схемы, разрабатываемые в отечественной философии, но так и не сумел их скорректировать

¹ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. С. 19-31.

² Там же.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 55.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 26.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 206.

(адаптировать, приспособить, видоизменить, конкретизировать) применительно к специфике предмета своей частной науки, а также к особенностям практической криминалистической деятельности.

Перенос знаний из одной области в другую распространен в науке и является одной из закономерностей научного развития. Однако этот перенос результативен только тогда, когда он схватывает некоторые общие черты строения и динамики познания этих областей, но адаптирует знания, разработанные в одной области, к специфике предмета и методологии познания второй области. «Представления, которые мы заимствуем из смежных дисциплин, могут оказаться продуктивными или вводить в заблуждение»¹. Тогда как Р.С. Белкин, обнаружив некоторое сходство, перенес название философской категории на объекты криминалистического познания.

Попытка Р.С. Белкина выделить наряду с философским также уголовно-процессуальный и криминалистический смыслы понятия отражения² не увенчалась успехом, поскольку носила декларативный и умозрительный (спекулятивный) характер, не позволила ее автору сформулировать четкие критерии такого разграничения.

Подтверждением предельной абстрактности схемы отражения Р.С. Белкина выступает и то, что субъектом познания в криминалистике он видел, прежде всего, некоего «гносеологического» (абстрактного, не имеющего социально-культурной размерности) субъекта, имеющего главным образом некие всеобщие и вневременные качества, необходимые и достаточные для объективного познания им действительности, а не «эмпирического», реального человека (криминалиста), действующего в конкретных ситуациях (условиях существования).

Тем самым реальный криминалист во всей его целостности и конкретности фактически исключался из процесса отражения (его нет в схеме «акта отражения» Р.С. Белкина). Получается, что для Р.С. Белкина наибольший интерес

представляет абстрактный «акт отражения», нежели сложный процесс познания субъектом отражаемого объекта.

Так, говоря о криминалистическом учении и механизмах слеодообразования, Р.С. Белкин писал: «Само же это учение, как и всякая теория, суть представление об обезличенном, т.е. абстрактном процессе слеодообразования, «очищенном» от особенного»¹. Тем самым и концепция общей теории криминалистики предстает у Р.С. Белкина в абстрактном виде, без учета сущностных особенностей криминалистического субъекта познания, в «очищенном» от всего конкретного (частного, особенного), имеющего важное значение в процессе криминалистического познания.

А.О. Машовец справедливо отмечает, что «объективность» следователя, отождествление его с неким идеальным субъектом познания – это иллюзия². Так, обыденное сознание (с его заблуждениями, иллюзиями, стереотипами и т.п.) невозможно полностью исключить из деятельности следователя. Чем менее научно, в том числе и криминалистически, образован следователь, тем в большей степени он является носителем обыденного сознания.

Общеизвестно, что Р.С. Белкин не уделял пристального внимания исследованию закономерностей «высшей психической формы отражения – в сознании человека», при котором информация становится «достоинством» субъекта познания (доказывания).

Более того, исключение реального человека (криминалиста) со всеми присущими ему когнитивными, психологическими, культурно-историческими, морально-нравственными и иными качествами из процесса познания фактически объявлялось неременным условием для получения объективно истинного знания. Видимо подобным отношением к субъекту познания в криминалистике можно объяснить и то обстоятельство, что Р.С. Белкин выступал против понятия криминалистического (следственного, судебного) мышления³.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 66.

² Машовец А.О. О десоветизации отечественной теории уголовно-процессуальных доказательств // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 259.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит, 1973. С. 402.

¹ От редакции // Российский журнал когнитивной науки. 2015. Том 2. № 1. С. 4.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 47-60.

Хотя уже в 1961 году Ю.В. Идашкин говорил о необходимости при разработке научных приемов и средств раскрытия и предупреждения преступлений использования не только общих закономерностей психологии, но и «специальных психологических исследований по вопросам, интересующим криминалистику»¹. Отмечая отсутствие между криминалистикой и психологией сколько-нибудь тесных связей и сколько-нибудь систематической совместной работы в областях, находящихся на стыке двух наук, Ю.В. Идашкин обоснованно отмечал: «Естественным следствием того, что указанные вопросы исследуются криминалистами не в сотрудничестве с психологами, является недостаточно высокий уровень разработанных таким образом рекомендаций, чрезмерно общий их характер, отсутствие должной конкретности и определенности. Чаще всего речь идет даже не о рекомендациях, а скорее о попытке дать следственным работникам некоторые элементарные сведения из области психологии и на базе этих сведений сформулировать общие советы»².

В.Я. Дорохов в 1966 году констатировал, что «те трудности, которые встают при предварительном расследовании и рассмотрении дела в суде, относятся к трудностям практического свойства, и их преодоление всецело зависит от следователей и судей, от их опыта, умения, организации работы и т.д.»³. «Чувственное познание следователей, судей зависит не только от целей практической деятельности, но в значительной мере и от их личного профессионального опыта. Многолетняя практическая деятельность следователя обостряет его чувства по восприятию отдельных предметов, явлений, их свойств, с которыми он многократно сталкивается при расследовании уголовных дел. В том же примере с осмотром места происшествия опытный следователь обращает внимание на пятна бурого цвета потому, что из своего опыта знает, что это могут быть пятна крови. Неопытный следователь может пройти мимо них»⁴. Тем самым

¹ Идашкин Ю.В. Криминалистика и психология // Вопросы криминалистики. № 1-2 (16-17). М.: Госюриздат, 1961. С. 32.

² Там же. С. 34.

³ Дорохов В.Я. Установление истины – цель доказывания в советском уголовном процессе // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 62.

⁴ Там же. С. 117.

подчеркивалось, что раскрывает и расследует преступление на практике, как и рассматривает дело по существу, реальный («эмпирический») криминалист (следователь, судья и т.п.), обладающий не только разумом (интеллектом), но и чувствами, волей, сомнениями, предрассудками, ценностями, предпочтениями и т.п., оказывающими существенное влияние на процесс и результаты криминалистического познания.

Таким образом, под предлогом развития методологических основ криминалистики и разработки ее общей теории Р.С. Белкин фактически осуществил перенос готового философского знания из марксистско-ленинской философии в криминалистическую науку. При этом Р.С. Белкин совершенно не учитывал того обстоятельства, что перенесенный им в криминалистику философский лексикон имел чрезмерно абстрактный и метафорический смысл, расплывчатость семантической структуры и многозначность понимания. Попав в криминалистику эти слова (философский репертуар) стали крайне трудными для последующего восприятия и использования в частнонаучном языке криминалистики.

Как уже отмечалось, слово «отражение» использовалось Р.С. Белкиным в следующих значениях:

- отражение – это процесс взаимодействия объектов действительности;
- отражение – это момент, частица универсальных связей объективной действительности;
- отражение – это результат взаимодействия объектов, участвующих в акте отражения;
- отражение – это начальный этап процесса познания;
- отражение – это результат процесса познания;
- отражение – это такая взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго;
- отражение – это изменения в окружающей среде, которые в ней вызывает преступление;
- след – это конечная фаза отражения одного объекта на другом;
- след – это отражение преступления;
- след – это результат отражения и т.д.

Кроме этого, Р.С. Белкин использовал слово «отражение» и при рассмотрении им вопроса о предмете кримина-

листики, заявляя, что «сфера познания» каждой науки «зависит от ее предмета: именно в этой сфере осуществляется отражение конкретной наукой объективной действительности, т.е. отражение, составляющее содержание этой, а не другой области знания»¹. Очевидно, что в этом случае речь идет не об отражении как о взаимодействии материальных объектов, а о сравнении созданного образа и самой реальности.

Получается, что Р.С. Белкин не видел никаких познавательных проблем как при использовании философской теории отражения, связанных с ее абстрактностью, механистичностью, неполнотой и т.п., так и с самим словом «отражение», которому он придавал различные значения, употреблял в разных смыслах, чем создавал серьезные трудности читателю для их адекватного понимания.

При формулировании своих выводов Р.С. Белкин предпочитал опираться не на научные данные (научные факты криминалистики), а преимущественно на суждения, умозаключения, логический анализ философских высказываний, чаще всего используя логическую форму получения выводных знаний (дедуктивное умозаключение) из посылок, которые он безоговорочно признавал в качестве однозначно истинных. Соответственно, и вся его общая теория криминалистики сводится даже не к мысленному экспериментированию с идеальными криминалистическими объектами, как референтами криминалистической действительности, а преимущественно к системе абстрактных высказываний философского характера, в которой одно высказывание логически выводится из другого.

Взгляды Р.С. Белкина на отражение не обоснованы с точки зрения современных результатов психологии, поскольку не учитывают специфические особенности и ограничения познавательных возможностей человека, отрицают их конструктивный характер, не основаны на экспериментальных данных, исходят из допущения, что только абстрактные (философские) модели наилучшим способом объясняют познавательные процессы, в том числе и при реализации криминалистической деятельности. В результате этого получается,

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 73.

что к отражению могут относиться, например, не только ощущение, восприятие, представление, но и воображение, и галлюцинации и т.п., понимаемые как явления одного порядка. Проблематичность подобной трактовки не может не вызывать сомнений.

Современные отечественные философы и ученые подвергают сомнению прежде считавшиеся бесспорными положения. Так, с позиций современных научных данных доказано, что характер восприятия внешних объектов определен не только свойствами этих объектов, но и особенностями наших органов чувств и нервной системы, сформировавшихся в ходе биологической и социальной эволюции¹. Кроме того «наши восприятия формируются под воздействием предшествующего накопленного опыта и тех или иных ожиданий, на которые настраивает этот опыт»².

Возможно, Р.С. Белкин искренне считал, что категория отражения сможет решить все или многие актуальные для криминалистики проблемы. В результате этого у Р.С. Белкина налицо редукция всех объяснительных принципов в криминалистике к философской теории отражения и ее базовой метафоре «отражение». Таким образом, можно признать, что «отражение» – это тот априорный компонент теории Р.С. Белкина, который представляет собой ее центральную идею, априорную посылку, незыблемый постулат, претендующий на объяснение «всего и вся» в криминалистике и потому не подвергающийся никакому сомнению.

«Однако теории, способные интерпретировать любые факты, лежат за пределами науки и основаны на вере»³. Мифологическая вера в принцип отражения и его беспредельные возможности все объяснять и всему придавать смысл (в теории криминалистики и на практике), не имеет ничего общего с научным подходом и его критической способностью.

¹ Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический Проект; Триеста, 2011. С. 33.

² Там же. С. 35.

³ Берёзкин Ю. Е. Об универсалиях в мифологии // Интернет-портал учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin5.htm> (дата обращения: 03.05.2019).

Сформулированные Р.С. Белкиным в конце 60-х годов прошлого столетия клишированные выводы о понятии, содержании и системе общей теории советской криминалистики, построенные на базе догматизированных положений ленинской теории отражения, стали занимать господствующее положение в отечественной криминалистической науке вплоть по настоящее время, несмотря на их явно идеологический, догматический, предельно общий и явно упрощенный характер по отношению к реальному познавательному процессу. В настоящее время они окончательно превратились в социальные стереотипы, в готовый набор познавательных установок, в образец деятельности, усваиваемый большинством криминалистов бессознательно, как что-то само собой разумеющееся и как бы не требующее критического отношения к ним.

Другим судьбоносным для отечественной криминалистики последствием активного внедрения Р.С. Белкиным в ее «тело» философских положений диалектического материализма явилось и то, что усилиями Р.С. Белкина на рубеже 70-х годов прошлого столетия в этой науке наметился кардинальный разворот в сторону ее теоретизации и философствования.

Если ранее отечественная криминалистика позиционировалась как эмпирическая, прикладная, прагматическая, преимущественно индуктивная наука, опирающаяся в своих выводах на изучение эмпирического материала, теоретический анализ практического опыта, использование данных естественных и технических наук и т.д. в целях разработки технических, тактических и методических приемов, способов и средств раскрытия и расследования преступлений, то во многом благодаря Р.С. Белкину и А.И. Винбергу состоялся переход отечественной криминалистики с преимущественно эмпирически-описательного на абстрактно-теоретический и философский уровни.

Более того, фактически произошло отождествление (замена) криминалистической реальности с ее мысленными образами, построенными под влиянием философии диалектического материализма. Помимо прочего это повлекло и изменение соответствующего стиля мышления отечественных ученых-криминалистов, а также языка криминалистики.

Как уже отмечалось, Р.С. Белкин «мастерски владел словом», что является результатом наличия у него яркого публицистического (идеолого-публицистического) стиля изложения материала. В частности, Р.С. Белкин активно использовал в своих текстах метафоры, обеспечивающие не только целостные модели объекта, но и формирующие определенное отношение к тому или иному событию, явлению или феномену¹.

Читателю его текстов требуется особое напряжение, чтобы за употребляемыми им словами, имеющими повышенное эмоциональное и внушающее воздействие на читателя, не просмотреть их действительное (фактически используемое в тексте) значение. Дело, в частности, в том, что Р.С. Белкин активно употребляет слова и выражения в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства или сравнения, что затрудняет различение метафорических и буквальных выражений. Например, он часто говорит о «**механизме** отражения»; «**средстве** отражения»; «**основе**»²; «**фундаменте** криминалистики»; о «**мостике**» от криминалистического к уголовно-процессуальному аспекту категории отражения³; о философии как о «**ключе** к «самопознанию наукой своих исходных основ»⁴ и т.п. Часто Р.С. Белкин использует метафоры именно для украшения текста, для того, чтобы красноречивей (ярче, эмоциональней) выразить свою мысль. Однако такое украшение текста способно отвлекать читателя от получения точной информации, от эмпирического описания и теоретического обобщения фактов. Поскольку указанные слова имеют разное значение (смысл) в обыденном употреблении, в философии и в разных частных науках, включая и криминалистику, нередко возникают ситуации, при которых читатель рискует неправильно понять авторское значение, подменяя его своим личным (привычным) значением (смыслом).

С 70-х годов прошлого столетия стал изменяться и стиль криминалистических текстов. Если ранее стиль кри-

¹ Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 200.

² Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). С. 3-4.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 58.

⁴ Там же. С. 26.

миналистических текстов имел ярко выраженный научный характер, был преимущественно описательным, эмоционально нейтральным, с изложением наблюдаемых и проверяемых фактов, без спорных допущений, с использованием пассивных конструкций, безличных оборотов и т.д., то в дальнейшем во многом под воздействием работ Р.С. Белкина и А.И. Винберга в криминалистику стал активно проникать философский язык, имеющий метафорическое происхождение, влекущий, как снежный ком, массу неопределенностей, условностей, образов и т.п. признаков, затрудняющих реализацию общей теорией криминалистики ее объяснительной и прогностической функций.

Указанная тенденция захватила и судебную экспертизу. Д.В. Панарина справедливо отмечает применительно к методологии судебной экспертизы, что «многими учеными методология общей теории судебной экспертизы трактуется на уровне философского понятия, без учета характеристики частнонаучной методологии, сводящегося только к использованию методов исследования объектов»¹.

Получается, что после выхода в свет «философских» работ А.И. Винберга и Р.С. Белкина в отечественной криминалистике стала активно формироваться традиция философствовать, строить в этой науке основанные на философии идеологемы, искать «неуловимые закономерности» криминалистической науки и создавать различного рода иные излишне затеоретизированные конструкции, вместо того, чтобы заниматься криминалистикой преимущественно как исследовательской практикой для получения новых знаний о криминалистической реальности.

Так, И.А. Возгрин отмечал следующее: «Дело в том, что криминалистика, являясь прикладной юридической наукой, должна заниматься главным образом решением прагматических задач, т. е. исследованием таких вопросов, которые дают практически полезные результаты в виде новых технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций для более успешного выявления и изобличения лиц, совершивших преступления. Фактически же в пос-

¹ Панарина Д.В. Современные терминологические проблемы методологии судебной экспертизы // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. № 1-2. С. 80.

ледние годы началось повсеместное увлечение исследованиями общетеоретических проблем в криминалистике, что привело к диспропорции в ее развитии и, как следствие, к снижению роли в борьбе с преступностью»¹.

В.Я. Колдин фиксировал тенденцию теоретизации криминалистики и отрыва от решения практических задач криминалистической деятельности².

В.П. Бахин также справедливо отмечал, что за последний период своего развития (не менее 20 лет) «криминалистика ушла в саморазвитие и беспредметное теоретизирование»³.

Следует полностью согласиться и с мнением с В.Ю. Шепитько, что «специфической тенденцией криминалистики является ее излишняя теоретизация, выполнение научных исследований, которые не находят надлежащего эмпирического подтверждения и, как результат, эффективного внедрения в практику»⁴.

По словам Н.А. Шматко, ученые, претендовавшие на статус теоретиков, крайне редко снисходили до социологического опыта⁵.

Р.Л. Ахмедшин отмечает спорность «постановки акцента» на теорию или «теоретическую составляющую» исследований в криминалистической науке⁶.

Тогда как в текстах Р.С. Белкина гораздо больше философско-теоретических рассуждений и разбора различных

¹ Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 106.

² Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 4. С. 12.

³ Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-2002). Киев, 2002. С. 16.

⁴ Шепитько В.Ю. Изменчивость криминалистики в XXI веке и ее задачи в современных условиях // Криміналістика XXI століття: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 25-26 листоп. 2010 р. Х.: Право, 2010. С. 58

⁵ Шматко Н.А. От редактора // Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 8.

⁶ Ахмедшин Р.Л. Причины кризисного состояния криминалистической науки // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. «Правовые проблемы укрепления российской государственности», 26-28 января 2017, Томск / ред. С.А. Елисеев, Л.М. Прокументов, В.А. Уткин. Ч. 74. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 109.

точек зрения, нежели анализа статистики и реальной ситуации борьбы с преступностью.

Р.С. Белкин, как правило, изучал не сам объект реальной действительности, а его абстрактные модели, которые хотя и находились в некотором соответствии с познаваемым объектом, но все же замещали реальный объект только в определенных отношениях. Кроме того, основным критерием истинности такой модели для Р.С. Белкина выступала преимущественно внутренняя непротиворечивость такой модели (согласованность и взаимосвязанность высказываний о ней), а не наблюдение за реальностью, ее эмпирическая проверка.

Стремясь создать «порядок из хаоса» существовавших в криминалистической науке противоречивых концепций, теорий, понятий и т.п., Р.С. Белкин конструировал свою (языковую) модель криминалистической реальности, особо не заботясь о ее соответствии (степени соответствия) практической криминалистической реальности. Обоснованием такой позиции Р.С. Белкина следует признать его излишнюю уверенность в том, что используемые им философские и общенаучные идеализации являются тождественными («верно отраженными») объектам изучаемой реальности; что структура научного знания является следствием (результатом) структуры исследуемого объекта. При этом им фактически игнорировалась историчность всякого знания, принципиальная возможность одновременного существования различных истинных репрезентаций (теорий) одного и того же объекта, а также обязательное экспериментальное (эмпирическое, фактографическое) подтверждение формулируемых выводов.

Поэтому многие правильные формально-логические выводы Р.С. Белкина, основанные на оценочных суждениях и избирательно отобранных рассуждениях, зачастую являются чрезмерно общими, абстрактными, бессодержательными или банальными. Например, это заметно при замене им слов «след», «образ», «информация» и т.п. на «отражение» либо при использовании логической формы получения выводных знаний (дедуктивное умозаключение) из посылок, которые он безоговорочно признавал в качестве однозначно истинных.

Как уже упоминалось, Р.С. Белкин также осуществлял крайне избирательный анализ массива философских и научных

текстов, тщательно выбирая по своему усмотрению те или иные тексты (или авторов) для последующего цитирования.

Негативными результатами произошедшего разворота в отечественной криминалистике стал ее переход от практически-преобразовательной к познавательно-теоретической деятельности; нарастание дальнейшего напряжения между теоретической (академической, «философской» и т.п.) криминалистикой и так называемой «практической криминалистикой»; возрастание противоречий между познавательной (теоретической) и практической (прикладной, служебной) функциями криминалистики; концентрация преимущественно на внутренних характеристиках своего развития, отрыв от насущных проблем практики и т.д.

А. Эйнштейн отмечал: «Чтобы мышление не вырождалось в «метафизику» или в пустую болтовню, необходимо лишь прочно связывать достаточное количество суждений в системе понятий с чувственными восприятиями, а система понятий, используемая для упорядочения чувственных восприятий и представления их в обозримом виде, должна быть по возможности единой и экономно построенной. В остальном эта «система» представляет собой свободную (т.е. любую логически возможную) игру с символами в соответствии с (логически) произвольно заданными правилами игры. Все сказанное применимо как к мышлению в повседневной жизни, так и гораздо более сознательно и систематически построенному научному мышлению»¹

К настоящему времени окончательно сформировалась и «законсервировалась» догма отечественной криминалистики как совокупность непреложных основных положений (устоявшихся авторитетных мнений, позиций, подходов) о криминалистике, способах и правилах ее изучения, толкования, классификации, систематизации и т.д. При этом четко проявляется тенденция ограничивать общую теорию криминалистики разработкой ее догмы, что по существу означает подмену собственно научного исследования комментированием догматических положений, их формально-техническим описанием, без критического разбора и проверки практикой. Как результат – современные фундаментальные проблемы

¹ Эйнштейн А. Эволюция физики. Сборник. Изд. 2-е, исп. М.: Тайдекс Ко, 2003. С. 22.

теории, методологии и истории отечественной криминалистики по-прежнему остаются недостаточно разработанными в отечественной криминалистической науке.

Нынешние отечественные криминалисты, не знакомые с современными достижениями философии, философии науки, когнитивных и иных наук по-прежнему продолжают восхищаться устаревшими философскими идеолого-догматическими штампами 60-70-х годов прошлого столетия, полагая, что «именно философская основа многих работ Р.С. Белкина предопределяла их теоретическую оригинальность и практическую значимость»¹. Оказывается, именно «философская основа», а не изучение реальности (криминалистической практики), предопределяет теоретическую оригинальность и практическую значимость криминалистических работ.

По излишне оптимистичному мнению В.Ф. Орловой, «теория криминалистики, созданная Р.С. Белкиным, настолько философски и гносеологически выверена, что остается действенной и актуальной и сейчас, в условиях резко изменившихся реалий общественных отношений. Как и в предшествующее, так и в настоящее время ни одна серьезная научная работа в области теории и практики криминалистики не обходится без обращения к положениям общей теории криминалистики, созданной Р.С. Белкиным, и без опоры на них»².

Е.С. Лапин также выдает желаемое за действительное, когда утверждает, что «хаос и произвол, царившие до появления этих методологических основ во взглядах ученых на методологию своей науки, сменился на сегодня поразительно цельной и стройной общей теорией криминалистики, системным построением науки в целом»³.

С.С. Чегодаева уверена, что «материал по отражению в криминалистике, включенный в общую теорию кримина-

листики, созданную Р.С. Белкиным, является до настоящего времени самым полным изложением теоретических вопросов отражения в криминалистике»¹.

Чрезвычайно высокая оценка В.Ф. Орловой, Е.С. Лапина, С.С. Чегодаевой и др. общей теории отечественной криминалистики резко контрастирует не только с современными представлениями философии науки, обусловленными произошедшими за последние десятилетия изменениями философско-методологического обоснования науки и стратегий ее исследования, но и с многочисленными (реально существующими) познавательными проблемами общей теории криминалистики Р.С. Белкина, требующими ее кардинального пересмотра или даже замены на другую.

Дело в том, что, несмотря на имеющиеся оптимистичные декларации, в отечественной криминалистике отсутствует всесторонняя, систематизированная общая теория этой науки, способная выполнить необходимые методологические и методические задачи этой частной науки. Общая теория криминалистики должна представлять собой фундаментальную теорию некоего среднего уровня, занимающую промежуточное положение между философским уровнем и уровнем частных криминалистических теорий, и обладать статусом единой, целостной, общей концептуальной системы отечественной криминалистики (как частной науки), охватывающей все изучаемые криминалистикой объекты в их взаимосвязи.

К сожалению, понятие «теория» используется в отечественной криминалистике достаточно широко. Так, «научная теория (в традиционном смысле) – это система логически взаимосвязанных представлений о научно познаваемых объектах. общепризнанно, что научная теория является наиболее развитой, наиболее совершенной формой организации научных знаний. Содержание теории раскрывает и описывает те или иные закономерности, регулярные связи, фундаментальные связи изучаемых предметов, явлений, процессов»².

Несложно заметить, что то знание, которое по Р.С. Белкину называется у нас общей теорией отечественной

¹ Чегодаева С.С. Становление и развитие криминалистического учения об отражении (исторический обзор) // Бизнес в законе. 2014. № 1. С. 177.

² Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки: учебник. М.: Экзамен, 2005. С. 226-227.

¹ Вольнский А.Ф., Лапин Е.С. К вопросу о философии криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 104.

² Орлова В.Ф. Труды Р.С. Белкина всегда актуальны // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 584.

³ Лапин Е.С. Философия криминалистики как форма познания проблем этой науки и утверждения ее смысла, ценности и значения в жизни человека, общества и государства // Вестник криминалистики. 2013. № 4 (48). С. 25.

криминалистики (как система её мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов¹), не похоже на фундаментальные теории классической физики (ньютоновская механика, термодинамика, электродинамика) или теории других наук (теория множеств, теория эволюции и т.п.).

Признание существования общей (фундаментальной для данной науки) теории предполагает наличие наряду с ней и частных научных теорий, имеющих подчиненный характер по отношению к такой фундаментальной теории, которая обладает более высоким уровнем универсальности.

Следуя указанной логике, нужно признать неудачным и само название нынешней конструкции «общая теория криминалистики», поскольку в состав такой «общей теории» Р.С. Белкин также включает и частные криминалистические теории.

Нынешняя общая теория криминалистики представляет собой не столько фундаментальную теорию этой науки или концептуально организованную систему научно-криминалистических теоретических представлений с четко фиксированными криминалистическими абстрактными (идеальными) объектами, сколько некое сложное смысловое образование, включающее в свой состав философское знание, общенаучные положения, а также частнонаучное криминалистическое знание в виде ряда частных криминалистических теорий.

Поскольку общая теория криминалистики в ее нынешнем виде – это преимущественно ее философские основания и все ее общетеоретическое знание, поэтому трудно назвать ее общей теорией в собственном смысле этого слова.

Если из этого сложного образования исключить частные криминалистические теории, то оставшаяся часть знания будет представлять собой совокупность философских и иных общих (абстрактных) утверждений, декорированных криминалистической фразеологией, но представляющих собой умозрительные схемы, весьма отдаленные от эмпирической основы. Из оставшейся после этого совокупности абстрактных высказываний (суждений) будет крайне сложно вывести следствия, которые могут обеспечить дальнейшую процедуру их обоснования на базе эмпирического материала

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 4-5.

криминалистики. Такие абстрактные положения трудно соотносить с криминалистической реальностью, поскольку они напрямую ничего не говорят об эмпирических референтах и сами требуют дальнейшей конкретизации.

Таким образом, в общей теории отечественной криминалистики отсутствует четко выраженное «ядро», представляющее собой систему криминалистических (частнонаучных) теоретических утверждений и криминалистических (частнонаучных, а не философских) идеальных объектов, способных репрезентировать в теории изучаемую криминалистической реальность, обеспечить систематизированное и адекватное понимание, описание и объяснение изучаемой этой наукой предметной области, конкретизация которых позволит операционализировать и технологически применять их на практике, обеспечивая решение возникающих практических проблем. Отсутствие указанного «ядра» не может быть компенсировано ни философскими, ни общенаучными, ни иными рассуждениями общего характера.

Таким образом, исторический подход к формированию общей теории отечественной криминалистики позволяет сделать вывод о том, что в ходе ее разработки в середине прошлого столетия Р.С. Белкин фактически подменил исследование частнонаучных вопросов методологии криминалистики рассмотрением преимущественно философских и общенаучных проблем познания.

Во многом это было связано с тем, что многие проблемы методов и способов познания, в том числе и научного, в тот период времени все еще рассматривались в нашей стране в рамках целостного философского знания и еще не привели к обособлению методологии науки в отдельную философскую дисциплину, известную в настоящее время как часть (раздел) современной философии науки под названием «методология науки»¹. Методология науки относится к числу необходимых составляющих философских оснований научного знания², а ее главная цель «состоит в изучении тех методов, средств и приемов, с помощью которых приобретается и обосновывается новое знание в науке»³.

¹ Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки: учебник для магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 229.

² Там же. С. 105.

³ Рузавин Г.И. Философия науки: учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2005. С. 272.

Ю.Г. Корухов верно обращал внимание на следующую интересную деталь, что в тексте о понятии и методологическом значении общей теории криминалистики, как правило, присутствуют только ссылки Р.С. Белкина на общефилософские произведения¹. По мнению Ю.Г. Корухова, «автор полностью реализует тезис о том, что термином «методология» может обозначаться вся философия вообще или философия науки в частности. В этом смысле методологические проблемы отождествляются с философскими вопросами конкретных наук»².

Тогда как общая теория криминалистики должна представлять собой логически организованное множество высказываний о классе идеальных объектов криминалистики, представляющих собой идеализированную модель познаваемой (изучаемой) криминалистической наукой действительности, репрезентирующей ее существенные стороны, т.е. идеализированную модель раскрытия и расследования преступлений, модель криминалистического, а не общего или любого другого научного познания. В криминалистике должны разрабатываться (осмысливаться) специальные (а не философские и общенаучные) методологические идеи (методы, формы, способы научного познания), адекватные именно объекту и предмету криминалистики.

Р.С. Белкину, несмотря на все его заявления, так и не удалось четко отделить философский подход к анализу криминалистического знания от специально-научного подхода, которые представляют собой качественно различные уровни методологического анализа.

Основная (фундаментальная) идея общей теории отечественной криминалистики по-прежнему отождествляется с философской категорией «отражение», предельно общий (абстрактный) характер которой позволяет использовать ее не только в криминалистике, но и в любой другой науке (и не только в науке). Поэтому, заявление о том, что концептуальная философская категория отражения может составлять одновременно «философский, теоретический и практический

фундамент» криминалистики по своей сути является бессодержательным, поскольку не имеет четкого (конкретного) характера, не различает, а допускает смешивание различных уровней познания, а также теории и практики. Криминалистов уже не могут удовлетворять общие рассуждения типа «закон отражения явлений позволяет наблюдать и впоследствии анализировать проявления каждого в окружающем мире»¹.

Несмотря на произошедшие кардинальные изменения в обществе и в науке, консервация догматических и устаревших представлений в криминалистической науке продолжает осуществляться под лозунгами объективности и научной строгости, которые связываются с необходимостью сохранения прежних методологических основ общей теории криминалистики, ее тесной связи с положениями марксистско-ленинской теории познания, с материалистической диалектикой и т.п.

¹ Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р. С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. Выпуск 1 (3). М.: Спарк, 2002. С. 6.

² Там же.

¹ Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Попова О.А. Формализация криминалистически значимых данных: механизм отражения личностных особенностей в результатах деятельности // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 387. С. 158-159.

7. МНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТОВ И ПРОЦЕССУАЛИСТОВ О КАТЕГОРИИ «ОТРАЖЕНИЕ» ДО 1970 ГОДА

Р.С. Белкин отмечал в 1999 году следующее: «Начиная с 1970 г., когда я обратился к методологии криминалистики и попытался сформулировать основы общей теории этой науки, я руководствовался отмеченным мною тогда **впервые** в литературе постулатом: гносеологической основой криминалистики служит материалистическая теория отражения, именно на ней базируется определение предмета криминалистики и все ее содержание. О том, что криминалистика изучает и использует в своих целях следы-«отпечатки» события преступления, говорилось уже в первых криминалистических сочинениях, отражавших чисто эмпирический подход к процессу слеодообразования. Лишь философское объяснение этого феномена позволило обеспечить должный теоретический уровень его исследования и объяснения»¹.

Т.В. Аверьянова в этой связи также замечает: «Эмпирически универсальное свойство отражения использовалось криминалистами в самых различных областях криминалистической науки и практики – теории идентификации, судебном почерковедении, трассологии, баллистике, тактике следственных действий и др. Но о теории отражения как гносеологическом фундаменте криминалистической науки и ее практических приложениях впервые было заявлено именно Р.С. Белкиным»².

Однако указанные выводы не так однозначны, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что для советского периода времени такая фундаментальная теория, как ленинская теория отражения, бесспорно лежала в первооснове понимания науки³. В СССР не было альтернативы марксистскому пониманию науки как отражения действительности. Представители разных наук отмечали важное

¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 218.

² Аверьянова Т.В. Значение криминалистической теории отражения для судебно-экспертной практики // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 10.

³ Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А. Объект исследования – наука. М.: Новый Хронограф, 2012. С. 16.

методологическое значение теории отражения, хотя и не называли ее «гносеологической основой» своих наук. Например, Ю.В. Идашкин писал в 1961 году: «Советская психология, пользуясь диалектико-материалистической методологией, накопила экспериментальный и теоретический материал, позволяющий сделать неопровержимый вывод об адекватности отражения человеком окружающего мира в полном соответствии с ленинской теорией отражения»¹.

Парадоксальность оценки сложившейся ситуации заключается в следующем: криминалисты широко использовали понятие отражения, но только Р.С. Белкин заявил об отражении как гносеологическом фундаменте криминалистической науки. По словам самого Р.С. Белкина, в 60-70-х гг. прошлого столетия «в самых разных сочетаниях, в самых разных аспектах криминалисты стали широко использовать термин «отражение», но очень редко задумывались над действительным значением этой философской категории для криминалистики, над ее фундаментальной ролью как в теории, так и в практике приложения криминалистических выкладок и рекомендаций»².

Объяснение Р.С. Белкина о том, что криминалисты широко, но «стихийно»³ использовали термин «отражение» и «очень редко задумывались над действительным значением этой философской категории для криминалистики», выглядит крайне неубедительным. В этой связи В.Ю. Толстолуцкий справедливо отмечал, что Р.С. Белкин «не слишком высоко оценил вклад предшественников, ученых-криминалистов, в развитие теории отражения»⁴.

Как можно «широко использовать» термин, но не задумываться над его действительным значением? Получается, что только Р.С. Белкин смог познать «действительное значение» такой многозначной метафоры, какой является философская категория «отражение», и только он «пришел к твердому убеждению, что концептуальная философская ка-

¹ Идашкин Ю.В. Криминалистика и психология // Вопросы криминалистики. № 1-2 (16-17). М.: Госюриздат, 1961. С. 44.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 48.

³ Там же. С. 31.

⁴ Толстолуцкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 203.

тегория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней»¹.

Видимо, Р.С. Белкин лукавил, когда утверждал в 2001 году в своей работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики», что «глубинный смысл следа как отражения объекта, явления, процесса оставался вне поля зрения исследователей» вплоть до 1970-х годов². Хотя, например, в 1945 году С.М. Потапов сформулировал следующее определение следа: «Следы – отражения на материальных предметах признаков явлений, причинно связанных с расследуемым событием»³. При этом именно Р.С. Белкин приводит указанное определение С.М. Потапова в своих криминалистических энциклопедиях (словарях).

В 1957 году немецкий криминалист А. Кангер (ГДР) сформулировал следующее определение следа: «След в криминалистическом понимании этого слова есть негативное или позитивное пластическое **отражение** (копия) контактной поверхности соответствующего объекта в виде оттиска в предмете или отпечатка в нем. Это отражение может быть использовано для идентификации объекта»⁴.

В 1951 году С.П. Митричев писал: «Советская криминалистика является передовой наукой. Ее сила состоит в том, что она вооружена великой теорией марксизма-ленинизма – единственно правильным и подлинно научным мировоззрением. Для советских криминалистов гениальное учение Ленина-Сталина о социалистической законности и правосудии должно быть неиссякаемым источником творчества и вдохновения для создания глубоких и полезных для практики научных работ»⁵.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 49.

² Там же. С. 32.

³ Цит. по: Белкин Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993. С. 70.

⁴ Kanger A. Der Begriff «Spur» und seine Definition. Schriftenreihe der Deutschen Volkspolizei. 1957. S. 64.

⁵ Митричев С.П. Задачи советской науки криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник работа по методике расследования преступлений. Выпуск первый. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. С. 5.

А.И. Винберг (1951) отмечал: «Глубокое овладение марксистско-ленинской философией, изучение трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина являются непременным условием для дальнейшей творческой разработки советскими юристами вопросов права и, в частности, разработки нашими криминалистами теоретических проблем»¹.

А.А. Пионтковский (1955) обращал внимание на то, что материалистическая теория отражения лежит в основе работы и следователя, и судьи².

Г.И. Кочаров в 1956 году указывал: «Теория отражения, гениально разработанная В.И. Лениным в его труде «Материализм и эмпириокритицизм», исходит из признания того, что материальный мир существует объективно и независимо от нашего сознания. Мозг человека обладает способностью отражать внешний мир в форме ощущений, восприятий, представлений, дающих нам образы объектов. Эти образы, разумеется, не совпадая полностью с объектом, являются как бы их слепками, снимками»³. Г.И. Кочаров также отмечал (1966), что теория доказательств в советском уголовном процессе основывается на положениях марксистско-ленинской философии⁴.

В.Я. Колдин (1957), формулируя понятие признака в криминалистике, указывал, что «основой для правильного решения этого вопроса является ленинская теория отражения и материалистическое учение о вещах и их свойствах»⁵.

А.И. Трусов (1960) констатировал: «Объективные закономерности познавательной деятельности, законы отражения действительности в сознании людей всесторонне исследованы

¹ Винберг А.И. Значение советской криминалистики в работе следователя // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник работа по методике расследования преступлений. Выпуск первый. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. С. 107.

² Пионтковский А.А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия: сборник статей. Выпуск шестой. М., 1956. С. 8.

³ Кочаров Г.И. Некоторые вопросы опознания // Советская криминалистика на службе следователя: сб. ст. Выпуск седьмой / отв. ред. Г.Б. Карнович. М., 1956. С. 125.

⁴ Кочаров Г.И. Введение // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 4.

⁵ Колдин В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М.: Госюриздат, 1957. С. 12-13.

марксистско-ленинской теорией познания, представляющей собой распространение положений диалектического материализма на область развития познания, на область познавательной деятельности людей. Законы эти едины для всякого познания»¹. «Они действуют как при познании больших процессов и явлений (например, при установлении закономерностей природы, общества и человеческого мышления), так и при восстановлении картины единичных фактов, явлений и событий (например, факта преступления и виновности определенного лица). Без использования этих закономерностей не может протекать никакой процесс познания, не может быть установлена истина»². По словам А.И. Трусова, «все предметы и явления материального мира обладают свойством реагирования на внешние воздействия, то есть свойством отражения»³. «Отражательной способностью обладают не только психика и сознание человека. Отражение явлений в человеческой голове – это высшая форма отражения явлений. Наряду с ней существуют многочисленные другие формы. Свойствами отражения, как тому учит марксистско-ленинская теория и как это подтверждается повседневной практикой людей, обладают в той или иной форме любые предметы и явления, любые виды материи»⁴. А.И. Трусов утверждал, что «на вопрос о том, каким образом, почему познание одного предмета или явления дает возможность познать другие связанные с ним предметы и явления» «дает ясный ответ ленинская теория отражения, считающая, что всякая взаимосвязь, взаимодействие явлений имеют своим результатом отражение одних явлений другими»⁵.

Ю.В. Идашкин (1961) также говорил о вопросах формирования показаний как области чувственного отражения человеком окружающей действительности во всей совокупности сопутствующих обстоятельств»⁶.

М.А. Чельцов (1962) замечал, что в основе всякого исследования лежат положения марксистско-ленинской те-

¹ Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств (Краткий очерк). М.: Юрид. лит., 1960. С. 9-10.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Идашкин Ю.В. Криминалистика и психология. С. 35.

рии познания¹. «Это свойство предметов внешнего мира сохранять следы воздействия на них любого события (в данном случае преступного деяния) объясняется теорией отражения»². «Следы преступления во внешнем мире, т.е. отражения отдельных сторон этого сложного социального явления, составляют тот фактический материал, с помощью которого следователь и суд, опираясь на общий закон о взаимосвязи и обусловленности явлений и предметов мира, восстанавливают картину совершившегося в прошлом события, соответствующую объективной реальности»³.

А.А. Эйсман отмечал (1962), что «методологической основой установления причины по результату является теория отражения, составляющая часть материалистической диалектики»⁴, а «одной из сторон или черт всякого взаимодействия материальных объектов является их взаимное отражение»⁵. «Предмет, подвергающийся воздействию какого-либо объекта, реагирует специфически именно на действие этого другого объекта и, таким образом, отображает как действие, так и сам действующий объект. Самой простой, примитивной формой такого отражения служит след – результат механического воздействия, отображающий внешнее строение слеодообразующего объекта»⁶. Говоря об отражении, А.А. Эйсман ссылаясь на работу Т. Павлова (П. Досева) «Теория отражения» (М., 1936), а также «Основы марксистской философии» (М., 1958)⁷. В 1965 году А.А. Эйсман вновь обращал внимание на то, что «познание – это отражение в сознании субъекта объективной действительности»⁸.

А.Э. (других данных нет, 1962) констатировал, что «именно через теорию доказательств процессуальная наука

¹ Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. Издание 4-е, исправленное и переработанное. М.: Юрид.лит, 1962. С. 120.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 122.

⁴ Эйсман А.А. Некоторые вопросы теории исследования вещественных доказательств // Вопросы криминалистики. М.: Госюриздат, 1962. № 5 (20). С. 9.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 9-10.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Эйсман А.А. О понятии вещественного доказательства и его соотношении с понятиями доказательств других видов // Вопросы предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1965. Выпуск 1. С. 83.

наиболее тесно связывается с господствующей идеологией, философскими и политическими взглядами»¹.

По словам Г.А. Злобина (1966), «философскую основу доказывания в советском уголовном процессе, а равно советского доказательственного права и теории доказательств составляет гносеология (теория познания) диалектического материализма – единственно научной марксистско-ленинской философии»²; «в сущности своей теория познания диалектического материализма есть теория отражения в сознании человека окружающей его материальной действительности»³, «марксистско-ленинская теория познания вооружает теорию и практику доказывания диалектическим методом, учит сознательному применению категорий и законов материалистической диалектики в процессе собирания, закрепления, исследования и оценки доказательств»⁴.

Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Г.И. Кочаров и А.А. Эйман в 1966 году в совместной работе отмечали, что «один из важнейших гносеологических вопросов при анализе философских основ судебного доказывания – вопрос о методике его осуществления»⁵, а «всеобщим методом познания является марксистский диалектический метод, составляющий основы любого процесса познания»⁶.

В.Я. Дорохов констатировал в 1966 году: «Только марксистская философия дала цельную, подлинно научную теорию познания, разоблачила идеалистические теории о невозможности познания окружающей действительности, рассеяла сомнения в достоверности человеческих знаний. Теория познания диалектического материализма исходит из реальности

¹ А.Э. Актуальные проблемы теории судебных доказательств // Вопросы криминалистики. № 6-7 (21-22). М.: Госюриздат, 1962. С. 290.

² Злобин Г.А. Гносеология диалектического материализма – философская основа доказывания, доказательственного права и теории доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 38.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Белкин Р.С. Частные методы познания в процессе доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 170.

⁶ Белкин Р.С., Винберг А.И., Кочаров Г.И., Эйман А.А. Частные методы познания в процессе доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 170.

мира и возможности его познания. Исторически развивающаяся общественная практика служит доказательством того, что человеческое познание верно отражает объективную реальность и способно установить объективную истину»¹.

Приведем несколько цитат В.Я. Дорохова:

- «Под объективной истиной марксистская философия понимает такое содержание человеческих знаний, которое правильно отражает объективную действительность и не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества»²;

- «Судья и следователь могут ошибаться в своих выводах, но причина их ошибки не заложена в природе и характере человеческого познания»³;

- «Советские юристы исходят из посылок марксистской материалистической философии о возможности познания окружающей нас действительности, о достоверности наших знаний, имеющих значение объективных истин»⁴;

- «Сущность доказательства в уголовном процессе может быть вскрыта только на основе теории познания диалектического материализма, теории отражения»⁵;

- «Отражение основано на всеобщности взаимодействия процессов, вещей, явлений. В процессе взаимодействия предметы, явления отражаются друг в друге, в разнообразных формах, оставляя различные следы, отпечатки»⁶;

- «Свойство отражения составляет основу процесса познания человеком объективной действительности»⁷;

- «Преступление, представляя собой определенную совокупность многих явлений, предметов, процессов, совершается в окружающей его среде, а потому соприкасается со многими другими явлениями, предметами, процессами объективной действительности. Вступая во взаимодействие с окружающими его предметами, явлениями, преступление

¹ Дорохов В.Я. Установление истины – цель доказывания в советском уголовном процессе // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 58-59.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 240.

⁶ Там же. С. 241.

⁷ Там же.

отражается в виде следов, состояния предметов, динамических и статических процессов, а также в сознании людей»¹;

- «Благодаря отражениям, как результатам взаимодействия события преступления с явлениями объективной действительности, делается возможным и его познание»²;

- «При формировании вещественного доказательства имеет место двойное, тройное отражение (событие преступления – предмет – человек, обнаруживший предмет, – осмотр предмета и установление связи его с событием преступления)»³;

- «В основе теории информации (как и в основе теории доказательств в уголовном процессе) лежит ленинская теория отражения, которая в свою очередь исходит из присущего материи объективного свойства – свойства отражения»⁴.

И.И. Карпец (1967) подчеркивал: «На основе марксистско-ленинской методологии развились такие отрасли советской правовой науки, как уголовное право и криминология, криминалистика и уголовный процесс, судостроительство и исправительно-трудовое право – те отрасли науки, которые своим острием направлены на борьбу с преступностью»⁵.

Н.А. Якубович писала в 1967 году:

- «Велика методологическая роль философских категорий и в теории судебных доказательств, в особенности в познании природы судебных доказательств, и при их оценке. Эту проблему можно без преувеличения назвать одной из сложнейших в науке уголовного процесса. Ее исследование не может обойтись без применения философских категорий»⁶;

- «Отношения, возникающие между объектом и внешней средой, являются в первую очередь отношениями отра-

¹ Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 241-242.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 244.

⁴ Дорохов В.Я. Понятие доказательства // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 250.

⁵ Карпец И.И. Введение // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. Выпуск 6. С. 4.

⁶ Якубович Н.А. Роль философских категорий в познании при родах судебных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. Выпуск 5. С. 95.

жения. Под отражением понимается такое свойство материи, когда одни материальные объекты, изменяясь под воздействием других, воспроизводят, запечатлевают в материальных объектах особенности внешнего воздействия. Способность отражения присуща всей материи»¹;

- «Связь отражаемого с отражающим – всеобщая универсальная связь, охватывающая в такой же мере и явления, события преступления»²;

- «Действия, связанные с событием преступления, отражаются во внешней среде: в одних случаях – в виде следов, в других – в виде вещественных остатков, входивших ранее составной частью в событие преступления, в третьих – в виде различных состояний предметов. Иногда отдельные стороны события преступления отражаются в виде различных комбинаций указанных форм»³;

- «Следы, как форма отражения, могут быть оставлены на материальных предметах и в сознании человека»⁴;

- «Событие преступления может быть отражено в предметах окружающей действительности, вызвав соответствующие изменения в их физическом, химическом или физиологическом состоянии»⁵.

- «Рассмотрение доказательств как различных форм отражения во внешней среде события преступления также дает основание признать их взаимную связь через общее для них и всеми ими отражаемое событие преступления»⁶.

По словам М.Л. Якуб (1968), «методологической основой доказывания в советском уголовном процессе является марксистско-ленинская теория познания»⁷.

М.С. Строгович (1968) указывал на то, что «марксизм-ленинизм учит, что объективная истина познаваема, доступ-

¹ Якубович Н.А. Роль философских категорий в познании при родах судебных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. Выпуск 5. С. 108-109.

² Там же. С. 109.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Якуб М.Л. Задачи доказывания // Советский уголовный процесс / Под ред. Д.С. Карева. М.: Высшая школа, 1968. С. 96, 98.

на человеческому сознанию, которое может правильно отражать объективную действительность»¹.

Таким образом, даже проведенный краткий анализ уголовно-процессуальной и криминалистической литературы, предшествовавшей изданию Р.С. Белкиным в 1970 году его «фундаментальной» монографии «Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики», свидетельствует о том, что понимание познания как отражения и понимание отражения как свойства всей материи, которые были сформулированы В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» в связи с критикой теоретико-познавательного феноменализма Э. Маха, Р. Авенариуса и их русских последователей, уже были догматизированы и идеологизированы, получив наименование «ленинской теории отражения», и стали истолковываться как единственно возможное понимание познания и сознания².

Несложно заметить, что использование криминалистами и процессуалистами философской категории «отражение» в их научных текстах до 1970 года носило широкое распространение в полном соответствии с пониманием познания как отражения и отражения как свойства всей материи.

Поэтому ранее указанное объяснение Р.С. Белкина о том, что криминалисты до него широко использовали термин «отражение», но очень редко задумывались над действительным значением этой философской категории для криминалистики, выглядит крайне неубедительно.

Важно другое: представители уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической науки того периода времени (т.е. до 1970 г.) фактически признавали (или декларировали) особую гносеологическую роль теории отражения в отечественной науке, однако никто из них, в отличие от Р.С. Белкина, не провозглашал философскую категорию отражения в качестве гносеологического фундамента (основы) криминалистической (или иной другой частной) науки³.

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 309.

² Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 151.

³ Аверьянова Т.В. Рафаил Самуилович Белкин (к 85-летию со дня рождения). С. 7-8.

Так, по словам М.С. Строговича (1968), «любое познание, любая область познавательной деятельности подчиняется **гносеологическим принципам и закономерностям**; положения марксистско-ленинской теории познания реализуются во всех сферах познания, всегда, когда исследуются предметы, явления действительности и необходимо обеспечить, чтобы познание правильно устанавливало эти предметы, явления, так как они существуют вне и независимо от познающего их сознания, мышления»¹.

Как известно, научная деятельность направлена на получение нового знания (деятельностно-эпистемный аспект) и распространение его между членами научного сообщества (коммуникативно-дискурсивный аспект)².

При этом будем исходить из того, «что новое в науке нельзя рассматривать как простое улучшение или расширение, как количественный прирост. Возникновение нового в науке нередко напоминает возникновение иного, наполненного новым смыслом, мира, одни фрагменты которого требуют более широкого, другие – более узкого, чем прежде, взгляда на вещи»³.

Р.С. Белкин верно отмечает, что каждое понятие должно нести новые знания⁴. По его словам, введение в криминалистику нового термина оправдано лишь в двух случаях: при появлении в науке нового понятия, которое не может быть выражено старыми терминами, и при новом аспекте рассмотрения старого понятия, когда термин необходим для обозначения выявленного качества объекта⁵. С указанным мнением согласны и другие криминалисты⁶.

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 318.

² Кульчицкая Л.В. Парадигмальная и дискурсивная метафора в науке: когнитивный подход // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2012. № 2. С. 120.

³ Хьюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. М.:ИФРАН, 1994. С. 158.

⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. С. 36.

⁵ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. С. 268-269; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 81.

⁶ Коновалов С.И. Теоретико-криминалистические проблемы криминалистики. Ростов-на-Дону, 2001. С. 68-69; Исютин-Федотков Д.В. Тенденции развития языка криминалистики (активные процессы в современном языке криминалистики) // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ. 2009. № 3. С. 218-225.

В связи с этим возникают следующие обоснованные вопросы:

- что именно нового удалось сделать Р.С. Белкину в отечественной криминалистике посредством его утверждения (декларации) о том, что концептуальная философская категория отражения охватывает фактически все направления криминалистической науки?

- какое именно новое криминалистическое знание (криминалистическое открытие, ранее не существовавшие в криминалистике реалии, процессы и новые понятия) удалось зафиксировать (открыть) Р.С. Белкину в процессе переноса (заимствования) готового знания из философии в научную область криминалистики?

- появляется ли при прямом переносе философской категории отражения в криминалистику новое криминалистическое знание?

- какие именно теоретические и практические проблемы удалось решить Р.С. Белкину ведением в криминалистику философской категории отражения.

Проведенный анализ имеющейся криминалистической литературы по рассматриваемой теме, а также состояния и проблем криминалистической науки свидетельствует о том, что никакого принципиально нового (ранее неизвестного) криминалистического знания в результате внедрения философской категории отражения в язык криминалистики и объявления её фундаментальной роли для криминалистики получено не было. Тем более что в ряде случаев Р.С. Белкин производил лишь простую замену таких слов как «изменение», «след», «доказательство» и т.п. на «отражение».

Криминалисты с момента возникновения своей науки традиционно стояли на позициях реализма, здравого смысла и тесной связи с практикой. Поэтому, например, применительно к материально фиксированным следам-отражениям в криминалистике они, по словам самого же Р.С. Белкина, пользовались не термином «процесс отражения», а термином «механизм (или процесс) следообразования»¹.

Если же следовать «революционной» логике Р.С. Белкина, тогда философскую категорию отражения можно про-

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 62.

возгласить основой (фундаментом) не только криминалистической, но и любой другой частной науки, например, криминологии, уголовного права, судебной медицины, истории, археологии, гинекологии, физиологии и т.д. Так, крупный советский физиолог член-корреспондент АН СССР Э.А. Асратян, говоря о влиянии учения В.И. Ленина на ученых-медиков, писал в 1967 г.: «Гениальная ленинская теория «отражения», концепция диалектической природы развития, в частности развития свойств «отражения» в мозгу человека в виде его сознательной деятельности, концепция Ленина о «самодвижении» материи, а также ряд других философских положений, развитых Лениным, сыграли неопределимую роль при экспериментальной разработке мной так называемой проблемы пластичности нервной системы и при построении, пока что в виде эскиза, эволюционной теории пластичности»¹.

В.С. Степин подчеркивал, что формирование и трансформация философских оснований науки «осуществляется путем выборки и последующей адаптации идей, выработанных в философском анализе, к потребностям определенной области научного познания, что приводит к конкретизации исходных философских идей, их уточнению, возникновению новых категориальных смыслов, которые после вторичной рефлексии эксплицируются как новое содержание философских категорий»².

Активная эксплуатация Р.С. Белкиным слова «отражение» в криминалистической науке по своему существу ничего принципиально нового не содержала; она не изменила привычные для криминалистов представления о действительности, однако способствовала дальнейшей идеологизации и догматизации отечественной криминалистики. Неслучайно исследователи наряду с собственно новизной выделяют квази- и псевдоновизну³.

Р.С. Белкин не раскрыл конкретные (частнонаучные) механизмы отражения в криминалистической реальности, а

¹ Цит. по: В.И. Ленин – величайший корифей науки // Журнал экспериментальной и клинической медицины. Академия наук Армянской ССР. 1970. X. № 2. С. 4.

² Степин В.С. История и философия науки: учебник. М., 2011. С. 245.

³ Бондаревский А.С. Определение понятия «новизна». Формализованный подход // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2012. № 1. С. 140.

напрямую внедрил философское понимание отражения в криминалистику. На основе сравнения двух областей знания (философии и криминалистики) он создал (предписал, декларировал) тождество между философской и частнонаучной (криминалистической) интерпретациями понятия «отражение», допуская отождествление их смысловых акцентов.

Нужно четко отграничивать научное знание от всех других видов знания (философского, обыденного, религиозного и т.д.); научные и иные причины переноса философского знания в конкретную науку; а также собственно научные знания и веру (надежду, ожидания) в них. Вера в «чудодейственные возможности» философской теории отражения в отечественной криминалистике, ее претензия на роль единственного источника (ключа, инструмента, фундамента и т.п.) объективных и истинных знаний в криминалистике, имеющая идеологические причины, так и не оправдала себя на практике.

В условиях советской действительности теория отражения представляла собой не что иное, как господствующую идеологию, основанную на марксистско-ленинской философии (диамате), в поддержку и обоснование которой включились многие советские криминалисты во главе с Р.С. Белкиным. В этой связи А.М. Ларин верно отмечал: «Конечно, невозможно себе представить, что авторы, люди бывалые, немало на своем веку повидавшие и почитавшие, верят в эффективность подобного применения теории познания. По-видимому, имело место другое – стремление продемонстрировать приверженность «единственно правильному учению» и тем самым угодить партийным бонзам, от которых тогда зависело все: публикации, продвижения по службе, положение в обществе. Такого рода мотивации лежат, очевидно, за порогом науки. Это уже не криминалистика, а паракриминалистика, около криминалистика»¹.

А.П. Огурцов констатировал, что «основная причина злоупотреблений в науке – ее политизация»².

П.Л. Капица отмечал: «Ошибки не есть ещё лженаука. Лженаука – это непризнание ошибок. Только поэтому она – тормоз для здорового научного развития»¹.

К сожалению, многие отечественные криминалисты продолжают восхищаться переносом Р.С. Белкиным догматизированного философского знания в криминалистику. Российским криминалистам еще предстоит большая и кропотливая работа по изучению и переоценке накопленного криминалистической наукой знания, чтобы «отделить зерна от плевел».

¹ Всё простое – правда ... Афоризмы и размышления П.Л. Капицы, его любимые притчи, поучительные истории, анекдоты / Сост. П.Е. Рубинин. М.: Изд-во Моск. физ.-тех. ин-та, 1994 // URL: http://jorigami.ru/NewDoc/For_100_years_of_akad_PL_Kapitsa.htm (дата обращения: 05.05.2019).

¹ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. С. 98-99.

² Огурцов А.П. Подделки в науке // Философия науки. Выпуск 13. М.: ИФ РАН, 2008. С. 105.

8. СОВРЕМЕННЫЕ ПОКЛОННИКИ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Теория отражения по-прежнему провозглашается в качестве главной методологической идеи (методологической основы) общей теории отечественной криминалистики¹ и разделяется (осознанно или большей частью на словах) большинством отечественных криминалистов.

Парадоксальность такого утверждения проявляется в том, что, по верному замечанию Л.А. Воскобитовой, «сама проблема отражения сознанием человека объективного мира до сих пор не была предметом достаточных, специальных философско-правовых исследований»².

Сосредоточив свои основные усилия преимущественно на гносеологической (философской) стороне проблемы отражения в криминалистике, Р.С. Белкин не исследовал конкретные механизмы и особенности отражательного процесса в криминалистической деятельности. Кроме того, сконструированная Р.С. Белкиным модель общей теории криминалистики, основанная на категории отражения, опирается на догматические философские представления об отражении.

Хотя Р.С. Белкин не был первым криминалистом, кто использовал категорию отражения в криминалистике, и, по существу, осуществил массивный перенос в эту науку готового философского знания без его существенной трансформации с учетом специфики этой частнонаучной области познания, тем не менее, именно ему отдается приоритет «в разработке проблем» использования философской теории отражения в криминалистике, а также провозглашении категории отражения (или теории отражения) в качестве гносеологического фундамента отечественной криминалистики³.

¹ Вытовтова Н.И. История развития методологии криминалистики // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 131-132; Ковдерко В.И. Формирование теории криминалистического отражения как методологической основы науки криминалистики // Право.бу. 2010. № 1. С. 93.

² Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. 2013. № 12. С. 28.

³ Аверьянова Т.В. Рафаил Самуилович Белкин (к 85-летию со дня рождения) // Вестник криминалистики. Выпуск 2 (22). М.: Спарк, 2007. С. 7-8; Толстоуцкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 203-209.

Благодаря стараниям Р.С. Белкина, концепция отражения легла в основу «нового» научного направления (научной школы Р.С. Белкина)¹, а сама методологическая идея отражения была принята практически всеми отечественными криминалистами².

По результатам анализа массива диссертаций по криминалистике по разделу «Методология исследования» (740 работ, 1977-2012 гг.) К.В. Бугаев приходит к выводу о том, что теория отражения, как наименование одного из методов в диссертационных работах, по степени встречаемости занимает 51 место из 99 методов (удельный вес 0,0365), указываемых криминалистами в своих диссертациях³.

По словам К.В. Бугаева, среди наименований теорий в методологии диссертационных работ чаще всего называются следующие теории – 1) теория познания; 2) теория доказательств; 3) теория отражения; 4) теория вероятностей; 5) теория информации; 6) теория принятия решений; 7) теория деятельности; 8) теория права; 9) теория систем⁴.

Если учесть, что часть упоминаемых криминалистами методов зачастую используется ими в качестве синонимов теории отражения (например, диалектика – 10 место; теория познания – 36 место, теория информации – 60 место, гносеологический метод – 81 место)⁵, то можно сделать вывод о том, что теория отражения все же относится к числу методов, довольно часто упоминаемых в отечественных криминалистических диссертациях. Подчеркнем, именно упоминаемых, но не всегда фактически применяемых (используемых) методов.

Хотя философская категория «отражение» и признается гносеологическим фундаментом криминалистики, тем не менее, теория отражения не относится к числу 11 «доминирующих»

¹ Аверьянова Т.В. Рафаил Самуилович Белкин (к 85-летию со дня рождения). С. 7.

² Вытовтова Н.И. История развития методологии криминалистики. С. 132; Григорьев А.Н. Информация как объект криминалистического познания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). С. 14 и др.

³ Бугаев К.В. Методология диссертаций по криминалистике: общая ситуация // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 73.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 73.

методов, наиболее часто применяемых в криминалистических диссертациях¹. Наиболее упоминаемыми (по терминологии К.В. Бугаева – абсолютно доминирующими методами) признаются следующие три метода: «опрос», «логический» и «анализ»².

Поскольку реальность является исторической и наследуется новым поколением скорее как традиция, нежели как индивидуальная память³, постольку и отношение нынешних отечественных криминалистов к теории отражения носит скорее ритуальный (традиционный) характер, основанный на привычке и вере, нежели индивидуально-осознанный характер.

В нашей стране выросло не одно поколение отечественных криминалистов, изучавших криминалистику по учебникам, в которых теория познания как отражения рассматривается в качестве единственно возможного, единственно верного, единственно истинного учения. Доминирование единственной модели изучаемых объектов отвергает все другие.

Поскольку других учебников по криминалистике в нашей стране не было, поэтому обучающиеся фактически были лишены выбора: принимать или отказаться от модели Р.С. Белкина. Соответственно, за прошедшие десятилетия у отечественных криминалистов, обучаемых преимущественно по учебникам Р.С. Белкина и его учеников, глубоко укоренилось в сознании отношение к философской метафоре «отражение» как фундаменту криминалистики. Воспринимаемое скорее по привычке, оно не позволяет критически оценивать познавательные возможности указанной модели, степень ее адекватности реальным объектам изучения в криминалистике, а также учитывать условия, при которых эта модель теряет свою применимость.

Например, Н.П. Яблоков констатирует: «Событие преступления как одно из материальных явлений действительности, исходя из основополагающих положений теории познания, обладает свойством отражения своих характерных черт

¹ Бугаев К.В. Методология диссертаций по криминалистике: общая ситуация // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 73-75.

² Там же. С. 74.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 103.

в окружающей его среде в виде различного рода следов-последствий. Поскольку окружающая преступление среда структурно весьма разнообразна из-за наличия в ней различных объектов неживой и живой природы (людей), то данное криминальное событие оставляет изменения (отражается) в ней в виде материальных или нематериальных, или идеальных (в памяти и сознании людей), следов-последствий. В результате чего возникает информация о всех обстоятельствах и особенностях данного деяния»¹.

В одном из учебников по криминалистике отмечается: «Всякое преступление обязательно отражается в окружающей обстановке. Элементы его способа, механизма взаимосвязаны и, отражаясь в материальной обстановке, оставляют разнообразные следы (материальные, идеальные, виртуальные), содержащие информацию о содеянном и его участниках»².

В другом учебнике по криминалистике также указывается: «Событие преступления как одно из материальных явлений действительности, исходя из основополагающих положений теории познания, обладает свойством отражения его характерных черт в окружающей среде в виде различного рода следов-последствий»³.

Общеизвестно, что «любые учебники по самому своему определению и назначению консервативны, ибо должны фиксировать уже устоявшееся в данной науке, и потому в какой-то степени всегда отстают от дня сегодняшнего»⁴.

Н.А. Мишанкина обращает внимание: «Парадигма, представленная в учебниках, предназначенных для распространения модели, носит редуцированный характер, дается без доказательств, и поэтому обучающиеся принимают парадигму вследствие авторитета учителя или учебника»⁵.

¹ Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 53.

² Ищенко Е.П. Криминалистика: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая фирма «Контракт»: ВолтерсКлувер, 2011. С. 3.

³ Криминалистика: учебник. Том I / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Издательство «Экзамен», 2014. С. 65.

⁴ Крапивенский С.Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 135.

⁵ Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? С. 96.

Именно посредством учебников идет целенаправленное формирование у будущих криминалистов определенных стереотипных образцов мышления о необычайно важной роли теории отражения в отечественной криминалистике. Так, по данным К.В. Бугаева, общее количество ссылок на учебную литературу составляет 65,5%, тогда как научные труды оказались менее цитируемы (в 1,9 раза)¹.

Получается, что отечественные учебники по криминалистике продолжают тиражировать консервативные (и философские по сути) взгляды на природу и содержание криминалистического познания, не учитывая последние достижения мировой философии науки, а также результаты когнитивных и иных наук, включая и полученные самой криминалистикой.

Приведем имеющиеся в современной литературе мнения о значении и роли теории отражения в постсоветской криминалистике.

А.В. Дулов (1998) выделяет «принцип обязательного использования при проведении криминалистических исследований теории отражения», называет **общую теорию отражения** методологической основой криминалистики², полагает, что установленные теорией отражения законы «берутся за основу при проведении научных исследований в криминалистике»³.

С.А. Ялышев (2002) считает, что «основополагающую роль в формировании учения о криминалистической регистрации играет теория отражения»⁴.

Н.П. Яблоков (2005) говорит об «**информационном отражении преступлений**»⁵.

¹ Бугаев К.В. Анализ работ авторов современной криминалистики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 3 (23). С. 75.

² Дулов А.В. Методологические принципы криминалистики // Криминалистика: учебное пособие / А.В. Дулов, Г.И. Грамович, А.В. Лапин и др.; под ред. А.В. Дулова. Мн.: ИП «Экоперспектива», 1998. С. 38, 39.

³ Дулов А.В. Методологические принципы криминалистики. С. 38; Дулов А.В. Методологические теории криминалистики // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2008. № 1 (15). С. 131-136.

⁴ Ялышев С.А. Общие положения теории криминалистической регистрации // Вестник криминалистики. 2002. Выпуск 1(3). С. 39.

⁵ Яблоков Н.П. § 1. Характер информационного отображения преступлений. Глава 3. Информационное отражение преступлений, их криминалистическая характеристика, ситуационные особенности преступной деятельности // Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 53.

Ю.П. Боруленков (2006) пишет о вскрытых теорией познания (гносеологией) **законах отражения**¹.

В.Н. Карагодин (2008) ссылается на диалектическую теорию отражения².

Как справедливо отмечает Т.Д. Телегина (2010), слово «отражение» активно включается в определение криминалистики³.

Я.В. Комиссарова (2011) считает: «В результате многолетних плодотворных исследований Р.С. Белкин не только сам пришел к твердому убеждению, что теория отражения составляет теоретический и практический фундамент криминалистики, но также, проанализировав философский, криминалистический и уголовно-процессуальный смысл категории отражения, снабдил многие поколения ученых-криминалистов предельно четко сформулированной, внутренне непротиворечивой, адекватно сочетающейся с положениями теории доказательств концепцией, раскрывающей объектно-предметную сущность криминалистики»⁴.

Г.Н. Мухин и Д.В. Исютин-Федотков (2012 г.) относят к «бесспорным методологическим выводам» положения о том, что «отражение присуще всей материи», что «форма проявления такого свойства материи, как отражение, тем выше и сложнее, чем выше и сложнее форма движения материи»⁵.

Е.С. Лапин (2013, 2016, 2018 г.) признает основополагающее значение для криминалистики **марксистско-ленинской теории отражения**⁶, считает ее «тем философско-тео-

¹ Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. Владимир: ВГПУ, 2006. С. 11.

² Корноухов В.Е. Методы науки криминалистики. Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В.Е. Корноухов. М.: Юристъ, 2000. С. 131.

³ Телегина Т.Д. Развитие представлений о предмете криминалистики как науки и учебной дисциплины // Вестник криминалистики. Выпуск 4 (36). М.: Спарк, 2010. С. 55.

⁴ Комиссарова Я.В. Криминалистическая полиграфология: миф или реальность? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 98.

⁵ Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистика: современные проблемы, история и методология: научно-методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 37.

⁶ Лапин Е.С. Философия криминалистики как форма познания проблем этой науки и утверждения ее смысла, ценности и значения в жизни человека, общества и государства. С. 25.

ретическим фундаментом, на котором базируется наука криминалистика и практика применения ее рекомендаций»¹.

С.С. Чегодаева (2013) считает, что «в криминалистике понятие отражения является ключевым, фундаментальным, ибо благодаря свойству отражения, присущему всем объектам материального мира, можно обнаружить, выявить и познать ту информацию, которая образуется как результат взаимодействия преступления с объектами объективной действительности и может послужить доказательством для раскрытия и расследования преступлений»².

О.А. Крестовников (2013), который, по словам В.Я. Колдина, представил «новую методологическую и системную концепцию криминалистики, отвечающую парадигме современной научной методологии и требованиям практики»³, полагает, что «проникновение в криминалистику идей теории отражения ... открывает широкие возможности для ее разработки»⁴.

И.И. Лузгин (2014) в статье «Теория отражения как методологическая основа технико-криминалистического обеспечения» отмечает, что в работах А.В. Дулова и его учеников теория отражения стала методологической основой научных исследований и важным направлением решения практических задач⁵. И.И. Лузгин видит методологическую

¹ Лапин Е.С. Место философской материалистической теории отражения в науке криминалистике // Вестник криминалистики. 2014. № 3 (51). С. 35; Лапин Е.С. Философия криминалистики: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 5.

² Чегодаева С.С. Виды отражения в криминалистике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 394. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-otrazheniya-v-kriminalistike> (дата обращения: 03.05.2019).

³ Колдин В.Я. Предисловие редактора // Крестовников О.А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики: монография / под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 8.

⁴ Крестовников О.А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики: монография / под общ. ред. В.Я. Колдина. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 31.

⁵ Лузгин И.И. Теория отражения как методологическая основа технико-криминалистического обеспечения // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сборник научных трудов, посвященных 90-летию докт. юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А.В. Дулова / редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) и др. Минск: Бизнесофсет, 2014. С. 45.

значимость теории отражения в ее информационной природе, обуславливающей системный характер результатов отражения¹.

Н.П. Майлис (2014) упоминает «теорию отражения доказательственной информации, используемую при раскрытии и расследовании преступлений»².

Т.А. Алексеева, Р.Л. Ахмедшин и О.А. Попова (2014 г.) говорят о «законе отражения явлений», который «позволяет наблюдать и впоследствии анализировать проявления каждого в окружающем мире»³. При этом указанные авторы не дают определения понятию отражения, не раскрывают его содержание, впрочем, как и содержание «закона отражения».

В учебно-методическом комплексе «Криминалистика» Юридического института Томского государственного университета (2014 г.) в систему научно-криминалистического знания наряду с теорией идентификации и теорией доказательств включается и теория отражения⁴.

А.В. Дулов и А.С. Рубис (2014) отмечают, что криминалистика изучает процессы отражения преступления⁵.

О.А. Негодина (2014) упоминает «закон отражения явлений»⁶.

¹ Лузгин И.И. Теория отражения как методологическая основа технико-криминалистического обеспечения // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сборник научных трудов, посвященных 90-летию докт. юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А.В. Дулова / редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) и др. Минск: Бизнесофсет, 2014. С. 47.

² Майлис Н.П. Рецензия на статью Чегодаевой С.С. «Теория отражения и анализ НТС, используемых при раскрытии и расследовании преступлений» // Бизнес в законе. 2014. № 2. С. 282.

³ Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Попова О.А. Формализация криминалистически значимых данных: механизм отражения личностных особенностей в результатах деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 155.

⁴ Криминалистика: учебно-методический комплекс / под ред. Н.Т. Ведерникова. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 15.

⁵ Дулов А.В., Рубис А.С. Разработка криминалистической теории доказывания – актуальная задача юридической науки // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сборник научных трудов, посвященных 90-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А.В. Дулова / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) и др. Минск: Бизнесофсет, 2014. С. 33.

⁶ Негодина О.А. Механизм отражения личностных особенностей в движениях как основа формализации информации о личности в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 179.

А.А. Эксархопуло (2015) настаивает на важности **принципа отражения и теории отражения** в современных условиях развития науки¹. Профессор сетует на то, что «принцип отражения, еще совсем недавно всеми учеными признаваемый за безупречную методологическую основу анализа любых, сколько-нибудь значимых криминалистических проблем, сегодня незаслуженно забыт»². По мнению А.А. Эксархопуло (2016), «принцип отражения ... важно вернуть в науку. Исследование этого феномена в криминалистике еще далеко не исчерпано и может оказаться с познавательной точки зрения весьма плодотворным»³.

П.П. Ищенко и Е.П. Ищенко (2016) считают, что «в основу гносеологической характеристики понятия доказательств положено философское учение об отражении как всеобщем свойстве материи. В результате отражения при совершении любого преступного посягательства происходит появление следов на предметах материального мира и в сознании людей»⁴.

В.В. Храмцова (2017) отмечает, что концепция общей теории криминалистики Р.С. Белкина полностью базируется на философском понятии отражения⁵.

Н.И. Малыгина (2017) полагает, что «вопросы теории отражения достаточно обстоятельно изложены в иных работах»⁶.

Среди сторонников философской теории отражения в криминалистике особое место занимают поклонники так называемой **«частной криминалистической теории отражения»**, являющейся ярким примером фантомной теории в отечественной криминалистике. Указанная теория, несмотря на свой иллюзорный характер, имеет большое число последователей, что видно из последующего обзора.

¹ Эксархопуло А. Криминалистическая теория: сущность, структура, компонентный состав // Криминалист. 2015. № 11. С. 19.

² Там же.

³ Там же. С. 20.

⁴ Ищенко П. П., Ищенко Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // LEX RUSSICA. 2016. № 9 (118). С. 231.

⁵ Мастер. К 95-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина / Мир криминалистики. 2017. № 3. С. 14.

⁶ Малыгина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Саратов, 2017. С. 107.

Хотя Р.С. Белкин никогда не употреблял термин «криминалистическая теория отражения»¹, это не помешало его многочисленным последователям пойти дальше своего учителя в схоластическом теоретизировании и объявить о наличии в отечественной науке помимо философской теории отражения также и существования особой «криминалистической теории отражения», причисляя Р.С. Белкина к числу ее создателей и называя его отцом-основателем криминалистической теории отражения². Например, С.С. Чегодаева отмечает «неоценимый вклад» работ Р.С. Белкина в «становление и развитие криминалистической теории отражения»³. Хотя, по словам С.С. Чегодаевой, «сам автор не считал этот материал законченной криминалистической теорией отражения. Мы не находим указания на такую теорию ни в перечне созданных частных теорий, ни в перечне создаваемых теорий»⁴.

В последние десятилетия в отечественной криминалистической литературе помимо утверждения о самостоятельном существовании «криминалистической теории отражения» также утверждается о наличии «теории криминалистического отражения», «частной теории отражения в криминалистике» и т.п. Получается, что среди приверженцев идеи существования криминалистической теории отражения до сих пор нет даже единства в определении ее названия.

Укажем некоторых криминалистов, признающих существование фантомной криминалистической теории отражения.

Так, Н.И. Вытовтова (2004) считает, что главной методологической идеей общей теории криминалистики стала криминалистическая теория отражения⁵.

¹ Толстолицкий В.Ю. Методология криминалистики в информационную эпоху // Вестник ВГАВТ. 2008. № 24. С. 111; Толстолицкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 204.

² Бочаров Д. Отцы и дети «теории отражения» в советской и постсоветской юридической науке // URL: <https://www.iuaj.net/node/2107> (дата обращения: 15.03.2019).

³ Чегодаева С.С. Становление и развитие криминалистического учения об отражении (исторический обзор). С. 174.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Вытовтова Н.И. История развития методологии криминалистики. С. 131-132.

С.Н. Егоров (2004) в своей кандидатской диссертации по теме «Теоретические основы криминалистического исследования закономерностей отражения субъективной стороны преступления» (Ижевск, 2004) ссылается на криминалистическую теорию отражения¹.

В.И. Ковдерко (2010) говорит о формировании **теории криминалистического отражения** как методологической основы науки криминалистики².

Е.А. Холина (2011) упоминает криминалистическую теорию отражения³. По ее мнению, именно Р.С. Белкин создал такую теорию: «Поэтому в созданной им криминалистической теории отражения Р.С. Белкин определил всю совокупность действий этих физических тел и материальных процессов, как отражаемую систему. Тогда отображение субъектов, предметов и их действий во внешней среде в исполненном праве считают отражающей системой («отпечаток события») по Р.С. Белкину»⁴. Е.А. Холина отмечает следующий философский постулат о том, что «подобно тому, как все в живой природе обладает свойством ощущения, неживая природа обладает свойством отражения»; именно этот закон, а не закономерность, и служит основой всей криминалистической теории отражения⁵.

В отзыве на статью Е.А. Холиной «К проблеме создания криминалистической теории причинности» Ю.Г. Корухов (2011) указывает, что криминалистическая теория отражения является «основой основ как самой криминалистики, так и всей деятельности по расследованию преступлений»⁶.

¹ Егоров С.Н. Теоретические основы криминалистического исследования закономерностей отражения субъективной стороны преступления: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: Ижевск, 2004. С. 4, 6 и др.

² Ковдерко В.И. Формирование теории криминалистического отражения как методологической основы науки криминалистики. Право.бу. 2010. № 1. С. 93–97.

³ Холина Е.А. К проблеме создания криминалистической теории причинности // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 199, 200.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Корухов Ю.Г. Отзыв. Холина Е.А. К проблеме создания криминалистической теории причинности // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 199, 202.

Я.В. Комиссарова (2011) предлагает использовать криминалистическую теорию отражения в качестве основы для проведения психофизиологических исследований¹.

М.А. Кравцова (2012) также считает, что существует криминалистическая теория отражения², а «значимость и актуальность теории отражения как для философии, так и для криминалистической науки определяется прежде всего универсальностью самого этого принципа»³.

С.С. Чегодаева (2013) говорит о «криминалистической теории отражения», «криминалистическом учении об отражении»⁴, а также «частной теории отражения в криминалистике»⁵. С.С. Чегодаева (2014) констатирует «потребность в частной криминалистической теории отражения со всеми ее атрибутами: определение предмета теории, ее задач, признаков, функций, структуры деятельности лиц, пользующихся положениями теории отражения»⁶.

А.О. Валенков (2014) рассуждает о криминалистической теории отражения⁷.

И.В. Пашута (2014) считает, что «развитие **теории криминалистического отражения** обусловлено необходимостью исследования не только отражения материальных объектов (в рамках «теории слеодообразования»), но и формировании понятий интеллектуального и социального отражения, изучения закономерностей данных видов отражения, корреляционных зависимостей, возможностей их использования

¹ Комиссарова Я.В. Криминалистическая полиграфология: миф или реальность? // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 98.

² Кравцова М.А. Теория отражения и установление морального вреда, причиненного общественно опасным деянием // Теория и практика противодействия преступности: современные тенденции: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25 апр. 2012 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; под ред. В.Б. Шабанова, Т.А. Кокориновой. Минск: Акад. МВД, 2012. С. 123.

³ Там же. С. 121.

⁴ Чегодаева С.С. Понятие отражения в криминалистике // Закон и жизнь. 2013. № 12. С. 12-15; Чегодаева С.С. Становление и развитие криминалистического учения об отражении (исторический обзор). С. 174-177.

⁵ Чегодаева С.С. Становление и развитие криминалистического учения об отражении. С. 174.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Валенков А.О. Выдвижение следственных версий с использованием программы «Форвер следователь» // Приволжский научный вестник. 2014. № 3 (31). Часть 2. С. 56.

в практической деятельности по борьбе с преступностью, то есть всей совокупности отражательных процессов, имеющих значение для выявления, раскрытия и расследования преступлений»¹. И.В. Пашута пишет, ссылаясь на В.И. Ковдерко, следующее: «**Теория криминалистического отражения**, являясь более общей по отношению к криминалистическому учению о механизме слеодообразования, включает в себя не только исследование отражения элементов механизма преступления в неживой природе (материальное отражение), но и интеллектуальное отражение, представляющее собой отражение криминального события в психике субъекта преступной деятельности, а также субъектов уголовно-процессуальных отношений»². И.В. Пашута также отмечает, что одним из центральных понятий теории криминалистического отражения «является категория «отражение»³.

В рабочих программах дисциплины «Криминалистика» также говорится о криминалистической теории отражения⁴.

Е.А. Лушин (2016) заявляет о наличии криминалистической теории отражения, которая «раскрывает механизм формирования материальных и идеальных следов»⁵.

В.А. Шефер (2013, 2016) утверждает о существовании криминалистической теории отражения⁶.

В.Н. Большакова (2015) признает существование криминалистической теории отражения, которая, по ее мнению, требует пересмотра и дополнения⁷.

¹ Пашута И.В. Отражение в окружающей среде преступлений, связанных со взрывами // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2014. № 6. С. 161.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Например, Рабочая программа дисциплины (модуля) «М2.В.ДВ.2.1 Прикладные аспекты использования криминалистических знаний адвокатом в судопроизводстве» кафедры судебного права ФГБОУ ВПО «ИГУ», Иркутск, 2015 С. 5, 17, 19 и др.

⁵ Лушин Е.А. Криминалистика: учебное пособие. Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород: ННГАСУ, 2016. С. 12.

⁶ Шефер В.А. Роль криминалистических версий при установлении причинности в процессе доказывания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (31). С. 81; Шефер В.А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Калининград. 2016. С. 3.

⁷ Большакова В.Н. Криминалистическая теория отражения как основа обеспечения уголовно-процессуальной теории доказательств // Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук. Сб. мат. межвузовской

А.Н. Григорьев (2016) говорит о криминалистической теории отражения, положенной в основу общей части криминалистики¹.

Т.В. Аверьянова (2017) выделяет «общую теорию отражения», «криминалистическую теорию отражения»² и «частную теорию отражения в криминалистике»³, хотя и не раскрывает их соотношение.

В.А. Абаканова (2017) придает важное значение теории отражения, двойного отражения и опережающего отражения для криминалистического познания⁴.

Б.Я. Гаврилов (2018) также считает, что «содержание монографии Р.С. Белкина «Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики» (1970 г.) способствовало формулированию идеи **частной теории отражения в криминалистике**»⁵.

Важно отметить, что значительное число современных исследователей-криминалистов не замечает или не хочет замечать, что «криминалистическая теория отражения» (включая и другие разновидности ее названия) является некой копией философской теории отражения либо, по терминологии Р.С. Белкина, «фантомом криминалистики», «иллюзорной криминалистической теорией» и т.п. Для сторонников «криминалистической теории отражения» главное состоит не в тщательном исследовании предмета и содержания этой

научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов. Волжский государственный университет водного транспорта (Нижний Новгород), 2015. С. 108-112.

¹ Григорьев А.Н. Информация как объект криминалистического познания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). С. 14.

² Аверьянова Т.В. Значение криминалистической теории отражения для судебно-экспертной практики // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 9-10.

³ Там же. С. 10.

⁴ Абаканова В.А. Современные тенденции научного познания в криминалистике // Экономические, юридические и социологические науки. 2017. № 2. С. 43-48.

⁵ Гаврилов Б.Я. О вкладе профессора Р. С. Белкина в формирование в российской уголовно-процессуальном законодательстве следственных действий // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). Москва: РГ-Пресс. 2018. С. 181.

«теории», а в бесконечно повторяемой, коллективной, ритуальной демонстрации приверженности ей.

Можно сказать, что «криминалистическая теория отражения» - это криминалистический миф, декорированный философской и криминалистической терминологией, придающей этой теории чрезвычайно важное для криминалистики значение, которое связано с познанием неких «криминалистических закономерностей отражения»¹. Эта «теория» маскируется под научную теорию, для чего ее сторонниками активно используется весь арсенал средств, присущих научному знанию.

Вместе с тем, появление этого мифа в отечественной криминалистике можно расценивать как ответную реакцию на кризис использования напрямую в криминалистике философской теории отражения, как неудачную попытку преодолеть абстрактный (далекий от практической криминалистической реальности) характер философской категории отражения, стремление учитывать специфику изучаемых криминалистикой объектов познания. Так, А.В. Дулов и А.С. Рубис справедливо утверждают, что «четко не определены критерии, методика и принципы построения криминалистической модели отражения преступления как системного образования и, соответственно, установления факта его совершения»².

Сторонники частной теории отражения, как правило, не утруждают себя необходимостью выяснения соотношения между философской (общей) теорией отражения и частной «криминалистической теорией отражения».

По Р.С. Белкину, в основе частной криминалистической теории должна лежать гипотеза, отличающаяся от нее лишь степенью подтвержденности фактами³. В этой связи не

¹ Чиненов Е.В., Скоморохов О.Н., Чурсин А.В. Особенности изъятия материальных объектов в ходе проведения следственных действий // Вестник БелОИ МВД России. 2015. №2. С. 22.

² Дулов А.В., Рубис А.С. Разработка криминалистической теории доказывания – актуальная задача юридической науки // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сб. научных трудов, посвященных 90-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А.В. Дулова / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) и др. Минск: Бизнесофсет, 2014. С. 34-35.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. С. 7.

ясно, какая именно гипотеза лежит в основе частной (криминалистической) теории отражения, отличная от философской теории отражения.

Если философская категория отражения хотя бы удовлетворяет потребность в формировании (представлении) целостности образа (картины) мира и его познания, то криминалистическая категория отражения не имеет собственного содержания, отличного от философского, и создает не новый смысл, а лишь «эффект смысла».

Говоря о «криминалистическом отражении» авторы, как правило, не дают определение этому понятию, не раскрывают его криминалистическое содержание, и, в лучшем случае, приводят лишь различные определения философской категории отражения.

Поскольку «криминалистическое отражение» – это всего лишь облеченная в криминалистическую фразеологию копия философской категории «отражение», тогда сама идея существования такого «криминалистического понятия» является избыточной (излишней, пустой). В таком случае и сам термин «криминалистическое отражение» – это криминалистический псевдотермин, обозначающий либо несуществующие криминалистические реалии, либо все что угодно, и таким образом подменяющий собой научные понятия.

Если и дальше исходить из предложенной Р.С. Белкиным структуры частной криминалистической теории, включающей такие основные элементы, как предмет частной теории, объект (объекты) частной теории и метод частной теории, то названные элементы «криминалистической теории отражения» также не имеют собственного содержания, отличающегося от философской теории отражения.

Таким образом, «криминалистическая теория отражения» не может представлять собой самостоятельную криминалистическую теорию, а является симулякром (некой копией философской теории отражения) или, по терминологии Р.С. Белкина, «своеобразным криминалистическим фантомом». С таким же успехом можно было бы говорить об уголовно-правовой теории отражения, уголовно-процессуальной теории отражения, криминологической теории отражения, гражданско-правовой теории отражения и т. п.

9. КРИТИКА «БЕЛКИНСКОЙ» ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМИ КРИМИНАЛИСТАМИ

Теория отражения подвергается обоснованной критике, нередко в резкой и уничижительной форме, в философии, психологии и других науках, однако большинство отечественных криминалистов продолжает не замечать этого. Сложилась парадоксальная ситуация: мощный поток критических замечаний в адрес философской теории отражения никоим образом не колеблет ее господствующего положения в отечественной криминалистической науке.

Приведем отдельные критические высказывания в адрес теории отражения, высказываемые современными представителями уголовно-процессуальной и криминалистической наук.

Так, Л.А. Воскобитова отмечает, что «сама проблема отражения сознанием человека объективного мира до сих пор не была предметом достаточных, специальных философско-правовых исследований»; что «юристы используют как догму утверждение о познаваемости мира именно благодаря отражению как всеобщему свойству материи»; что в уголовно-процессуальной науке не проводится особого различия между отражением события преступления в материальном, вещном мире и отражением его в сознании человека¹. «Представления об объекте уголовно-процессуального познания, имеющем двойственную природу, и не столько познаваемом, сколько формируемом самим субъектом познания, требует разработки принципиально иной, новой методологии уголовно-процессуального познания. Термин «истина» в его советском понимании уже не может корректно применяться к результатам познания, которые лишь частично строятся на отражении объекта, существующего вне сознания познающего и независимо от него. Другая часть знания об объекте (преступном деянии) формируется самими познающими субъектами»².

¹ Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. 2013. № 12. С. 27-28.

² Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 61.

По словам Л.А. Воскобитовой, субъект познания «не бесстрастно и механически отражает (фотографирует, копирует в своем сознании) объект, как это понимала советская теория доказательств. Он активно формирует этот объект, включая в него и знания о фактах (объективное начало), и свое понимание их юридической сущности (субъективное начало)»¹.

«Представление о познании как отражении, «копировании», «фотографировании» действительности сознанием воспринимающего ее субъекта выступает явным упрощением и предельным огрублением тех сложных познавательных процессов, в результате которых возникает или складывается знание, а тем более описание этого знания в словах и терминах»².

«В реальной практике процесс познания протекает значительно сложнее. Как верно указывает профессор С.А. Шейфер, доказательств, которыми можно было бы удостоверить утверждение об обвинении, в готовом виде не существует. В реальной процессуальной практике они не «собираются», а **формируются** следователем в процессе доказывания, и роль и значение субъективного фактора в формировании обоснования соответствия утверждения действительности неизмеримо возрастают. Доказательства, формируемые самим следователем, безусловно, содержат объективную информацию о фактах, но они неизбежно включают и элементы субъективного преобразования этой информации в сознании следователя. Различить их крайне сложно, и они находят отражение в тексте соответствующего протокола следственного действия в слитом, не разделенном, едином словесном описании. В этом смысле они не могут быть зеркальным отражением факта, не могут объективно, т.е. независимо от сознания следователя, свидетельствовать о соответствии его утверждения об обвинении тому, что произошло в действительности»³.

¹ Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине. С. 60-61; Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве. С. 26.

² Воскобитова Л.А., Пржиленский В.И. Эволюция понятия факта: проблемы юридического познания и правоприменительной практики // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 782.

³ Там же. С. 783.

С.Б. Россинский отмечает «серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности»¹.

А.С. Александров утверждает, что «представление о познании, как отражении (тем более, зеркальном), в сознании субъекта объективной реальности, неполно, поскольку не учитывает языковой характер познания»².

А.С. Александров и В.В. Терехин констатируют: «Мы не принимаем распространенную метафору «отражения», служащую методологическим базисом для теории объективной истины. Познание – это приобретение и осваивание (переработка) человеком по определенным схемам (когнитивным контурам) из внешней среды с целью адаптации к этой среде. Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством **конструирования** полезных моделей реальности»³.

Украинский процессуалист Д. Бочаров говорит о «методологической ущербности теории отражения в качестве научного базиса теории доказательств»⁴.

Другой украинский ученый-процессуалист В. Гмырко достаточно подробно формулирует «ряд проблемных моментов» теории отражения⁵:

А.Ю. Шапошников заявляет о необходимости «поставить под сомнение философскую основу доказывания – теорию отражения»⁶. Он также отмечает: «Психологи давно и

¹ Россинский С.Б. О перспективах развития информационной теории уголовно-процессуальных доказательств (в связи с возможностью отхода от постулатов марксистско-ленинской философии) // Вестник СамГУ, 2014. № 11/2. (122). С. 74.

² Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. С. 7.

³ Александров А.С., Терехин В.В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 1. С. 12.

⁴ Бочаров Д. Отцы и дети «теории отражения» в советской и постсоветской юридической науке // URL: <http://www.iaaj.net/node/2107> (дата обращения 15.03.2017).

⁵ Гмырко В.П. Концепт «відбиття» і методологічні проблеми теорії доказування // Університетські наукові записки. 2011. № 3. С. 274-281.

⁶ Шапошников А.Ю. Осмотр места происшествия – некоторые пробелы уголовно-процессуального законодательства или «ошибки» следователей // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 255.

надежно установили, процесс восприятия человеком окружающей среды ни в коем случае не тождественен процессу отражения»¹.

Ю.П. Боруленков приходит к следующему выводу: «Переосмысление философской парадигмы «теория познания как теория отражения», осознание несводимости познавательной деятельности к отражательным процедурам, отсутствие системных изысканий в области познания в правовой сфере, преобладание идеологии над гносеологией и логикой, отсутствие комплексных исследований содержания и структуры юридического познания как сложной, многоуровневой и полиэлементной системы, функционирующей в особой среде, обуславливает необходимость формулирования парадигмы юридического познания на общетеоретическом уровне»².

Одним из немногих криминалистов, подвергавших критике теорию отражения в «белкинско-винбергской трактовке» был А.М. Ларин, отмечавший, что «кое-кто пытался убедить себя и других, будто и в самом деле без диамата следователь ничего не поймет на месте происшествия»³. «В том же роде рекомендовалось следователю непосредственно применять марксистско-ленинскую теорию познания для раскрытия преступления подобно тому, как, например, столяр пользуется коловоротом для просверливания досок»⁴.

Среди отечественных криминалистов, подвергавших обоснованной критике теорию отражения в криминалистике, особое место занимал М.К. Каминский. Хотя М.К. Каминский относился к числу учеников Р.С. Белкина⁵, он был одним из тех немногих отечественных криминалистов, которые излагали свои взгляды, во многом не совпадающие с позицией Р.С. Белкина. При этом М.К. Каминский (2010) нередко давал двойственную (противоречивую) оценку введению Р.С. Белкиным категории «отражение» в качестве «объясни-

¹ Шапошников А.Ю. Осмотр места происшествия – некоторые пробелы уголовно-процессуального законодательства или «ошибки» следователей // Вестник СамГУ. 2014. № 11/2 (122). С. 255.

² Боруленков Ю.П. Информационно-интерпретационная парадигма юридического познания // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 62.

³ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. С. 97.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Каминский Марат Константинович защищался под руководством Р.С. Белкина, номер 38.

тельного принципа криминалистики» и «исходной методологической предпосылки»¹.

Признавая, что категория «отражение» образует фундамент общей теории криминалистики², М.К. Каминский (2002) называл ее «первой исходной базовой методологической идеей для криминалистики»³. По словам М.К. Каминского (2010), «неоспоримая заслуга этого великого криминалиста» состоит в введении Р.С. Белкиным «категории «отражение» как объяснительного принципа, как исходной методологической предпосылки», что позволило преодолеть таким образом «натуралистическую методологическую парадигму прежней криминалистики», «реализовывало (хотя больше по видимости) основной принцип диалектики, принцип восхождения от абстрактного к конкретному»⁴.

С другой стороны, М.К. Каминский постоянно усиливал свою критику теории отражения, в частности, он отмечал, что «сам принцип операционального развития не получал, более того – стал удобным щитом, за которым сегодня прячутся псевдонаучные исследования, которым нет числа. Достаточно сказать, что Вы исповедуете отражение и индульгенция в кармане: действовать, мыслить, толковать, понимать – совершенно не обязательно. Да, еще надо сказать, что Вы ищите так называемые «объективные» закономерности»⁵.

М.К. Каминский (2010) констатировал: «Как видим, идея отражения, столь важная сама по себе, не в состоянии прояснить содержание и сущность криминалистики, которую по-прежнему удерживают на позиции натурализма, вульгарного материализма. Главный принцип «что вижу, то и пою» остается в силе»⁶.

¹ Каминский М.К. Что есть, что должно быть и чего быть не должно в криминалистике XXI века // Криміналістика XXI століття: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 25-26 листоп. 2010 р. Х.: Право, 2010. С. 15.

² Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2002, Выпуск 1 (3). С. 8.

³ Там же. С. 10-11.

⁴ Каминский М.К. Что есть, что должно быть и чего быть не должно в криминалистике XXI века. С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 16.

Также М.К. Каминский справедливо отмечал: «Подчеркну еще раз, Рафаил Самуилович был и остается человеком своего времени. Справедливость этого утверждения подтверждается хотя бы тем, что в его многочисленных сносках фигурируют лишь философы советско-партийного времени. Работы таких мыслителей, как Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, Г.Г. Грушин, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, в сносках не значатся»¹. Соответственно, вне поля зрения Р.С. Белкина остались работы тех советских философов (В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, И.С. Алексеев, М.А. Розов, В.С. Швырев, Г.П. Щедровицкий и др.), которые открыто не критиковали «ленинскую теорию отражения», но используя ее терминологию, создавали свои оригинальные концепции познания, направленные на преодоление «узких мест» классической теории отражения.

Несмотря на обоснованность многих своих критических замечаний в адрес «белкинской» теории отражения, М.К. Каминский так и не решился на кардинальный критический анализ устоявшихся в отечественной криминалистике положений т.н. «криминалистической теории отражения», стараясь ее дополнить, уточнить, развить. В результате этого его позиция в этом вопросе носила весьма противоречивый характер.

Так, по мнению М.К. Каминского (2002), категория «отражение» не исчерпывает собой методологической парадигмы криминалистики, в содержание которой входят следующие методологические идеи:

- 1) категория отражения;
- 2) категория деятельность;
- 3) идея системности;
- 4) идея симметрии;
- 5) категория след (как неделимая единица анализа в криминалистике)².

В 2007 году М.К. Каминский писал, что «никакой ленинской теории отражения никогда не существовало, что

¹ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 162.

² Каминский М.К. Процедурная революция и криминалистика // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 76-77; Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика». С. 8-14.

В.И. Ленин высказывал лишь гипотезу («логично предположить») о присущем всей материи свойстве (заметьте – материи»). Вы без тени сомнения переносите содержание теоретической категории «след» в термин языка практики, полагая, что «след» – это данность; но данность возникает не сама собою, а через мыследействования. Она возникает как результат мыследеятельности, а не как результат элементарного восприятия объекта»¹.

Это замечание М.К. Каминского очень важно, поскольку подчеркивает необходимость различения следа как «отражения» (первичного отражения) и следа как «отражения отраженного» (или «отражения отражения»), т.е. «отражения» следа в сознании познающего субъекта (криминалиста). «Иными словами: след – это отражение отраженного, это связь между ПД и ДВРП»². «Первоначально отображаются: средства, движения, действия, цели, характеристики лица субъекта ПД, его мотивы, т.е. противоречия между его потребностями и предметами потребности. Это одна сторона следового информирования; вторая – образуется вторичным отражением, но уже со стороны субъекта ДВРП»³.

По словам М.К. Каминского, процесс отражения отраженного – это собирание, исследование, оценка и использование доказательств⁴.

Важное замечание М.К. Каминского связано с тем, «что отражение, рассматриваемое вне человеческой деятельности, должно быть осознано, как начальная фаза процесса воссоздания минувшего деятельностного события»⁵. Другими словами, процесс воссоздания «минувшего деятельностного события» не ограничивается только отражением, которое является лишь начальной стадией этого процесса.

¹ Каминский М.К. Письмо к редактору // Вестник криминалистики. Выпуск 3 (23). М.: Спарк, 2007. С. 80.

² Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика». С. 11.

³ Там же. С. 11-12.

⁴ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 160.

⁵ Каминский М.К. Учитель, наставник, друг // Белкин Рафаил Самуилович: (к 95-летию со дня рождения) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина, Е.Р. Россинской. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 141.

В 2012 году М.К. Каминский отмечал: «Профессор Р.С. Белкин во всех выступлениях и публикациях неустанно подчеркивал значение категории отражения для понимания не только содержания, но и сущности криминалистики»¹. «Данная позиция признанного лидера не могла не влиять на научные исследования. Уже беглый взгляд на содержание не только кандидатских, но и докторских диссертаций с очевидностью выявляет позицию диссертантов, полностью ориентированную на идею отражения. Достаточно было декларативного заявления о том, что диссертант строит исследование в ориентации на отражение, и научная обоснованность работы не подвергалась сомнению»².

М.К. Каминский (2012) констатировал: «Следует признать, что важная сама по себе идея, сформулированная в предельно общем виде, открыла путь для спекуляций – человек перестал действовать и мыслить, стал отражать»³. «И не удивительно, что сложившаяся ситуация закономерно вела к перекосам, к публикации многочисленных работ, авторы которых на все лады эксплуатировали возможность «теоретизировать», формулируя все новые разделы теории криминалистики»⁴.

В своем стремлении переосмыслить сущность методологических предпосылок, на которых должна строиться современная криминалистика, М.К. Каминский наряду с принципом отражения на передний план выдвигал категории мышления и деятельности (мыследеятельности)⁵. С позиций системы мыследеятельности М.К. Каминский стремился показать недостаточность (неполноту, абстрактность, натурализм) использования «белкинской» теории отражения в отечественной криминалистике.

Системо-мыследеятельностная методология (СМД-методология), используемая М.К. Каминским, как инновационное направление отечественной методологии, начала разрабатываться с 1952 года советскими исследователями,

¹ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 160.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Каминский М.К. Что есть, что должно быть и чего быть не должно в криминалистике XXI века. С. 13-17.

образовавшими т. н. Московский логический кружок (А.А. Зиновьев, П.Г. Щедровицкий. Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили и др.).

СМД-методология стремилась «соединить знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах этой деятельности и мышления, поэтому объект, с которым имеет дело методология, напоминает матрешку – особого рода связку двух объектов, где внутри исходного для методологии объекта – деятельности и мышления – вставлен другой объект: объект деятельности или продукт мышления»¹.

Так, в подтверждение своей позиции М.К. Каминский приводил убедительный пример перехода «в плоскость мышления»: «Представим себе, что в ходе осмотра места происшествия следователь и специалист (эксперт) воспринимают разрез металла двери сейфа. Отражение характеристик позволяет описать форму, размеры, положение разреза, фактуру строения металла на его границах и т.д. Описано, сфотографировано, занесено в протокол. Но наряду с этим, следователь со специалистом поняли, что разрез производился плазменным резаком, что сам рез выполнен высоко профессиональными движениями, что на выполнение этого разреза потребовалось не более 5-7 минут, что в электросети именно в эти 5-7 минут был скачок потребления тока и пр.»².

Важным в этом примере является то, что «очевидно, что все эти характеристики непосредственно не отражались следователем и специалистом (экспертом), они возникли как результат мышления, то есть на основе процесса замещения отраженных характеристиками системой знаков»³.

В 2012 году М.К. Каминский сформулировал свою позицию следующим образом: «Стоит ли удивляться, что мыслительность не фигурирует в определении криминалистики, данном Р.С. Белкиным? По моему мнению, нет, ибо именно на этой основе, если отшелушить указанные терминологические погрешности, содержание криминалистики читается в адекватной уровню развития современной науки

¹ Кузьменко Г.Н., Отыцкий Г.П. Философия и методология науки: учебник для магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 249.

² Каминский М.К. Специальные знания – сила? // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2011. Выпуск 2. С. 102.

³ Там же.

форме: криминалистика выявляет, фиксирует, объясняет особенности мыслительности процесса взаимодействия ПД и ДВРП по воссозданию в идеальной модели содержания минувшего события и на этой основе формулирует принципы, правила, нормы мыслительности в криминалистическом пространстве. Такое прочтение не только вскрывает сущность белкинского определения, но, как мне представляется, задает главный вектор развития криминалистики в современных условиях»¹.

По мнению М.К. Каминского (2012), «криминалистически образованный человек должен выйти из отражательной деятельности, начать мыслить, замещая продукты отражения знаками, а затем результат знакового замещения опять направить на объект отражения и действовать уже не с ним, натурным, а с его образами»². «Проще говоря, только в результате действий с объектом внешний объект становится объектом самого человека, как принято говорить, отражается человеком»³.

М.К. Каминский справедливо ставит следующий вопрос: «является ли следом то, что мы воспринимаем с помощью наших органов чувств, то есть является ли отраженное следом, или следом является наше понимание содержания отражения, порожденное нашей мыслью?»

Отмечая натуралистический подход (натурализм) в методологической позиции Р.С. Белкина, М.К. Каминский замечает, что для Р.С. Белкина «и СЛЕД, и ОБРАЗ – это состояние объектов, порождаемых пресловутым отражением»⁴.

Для М.К. Каминского ответ очевиден: «СЛЕД в криминалистическом смысле – это результат мыслительствования, это наше понимание того, о чем говорит отраженное состояние объекта»⁵.

¹ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 162.

² Каминский М.К. Лекция 1. Введение в криминалистику и криминалистическую подготовку юриста // Криминалистика: курс лекций для бакалавров / под ред. М.К. Каминского, А.М. Каминского. Ижевск: Jusest, 2012. С. 8.

³ Там же. С. 27.

⁴ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 162.

⁵ Каминский М.К. Лекция 1. Введение в криминалистику и криминалистическую подготовку юриста. С. 29.

В 2016 году М.К. Каминский вновь обращается к указанному выше вопросу: «Иными словами, является ли СЛЕД объектом, существующим вне нас и независимо от нас? Или он является сложной системой (этаким кентавром), в которой существуют в противоречивом единстве идеальное и материальное?»¹

По мнению М.К. Каминского, первая позиция – это натурализм, который «не различает естественное и искусственное, то есть мир природы (реальность) и мир человеческой деятельности (действительность) – мир людей. При таком подходе нет СЛЕДА, есть след-объект, существующий сам по себе, и этот след-объект отражается сознанием субъекта познания. Именно с этих позиций, на мой взгляд, строится подавляющее число исследований, да и сама криминалистика начала XXI в.»²

М.К. Каминский приводит интересный пример: «Стоит цветок на подоконнике и пусть стоит. И если спросить у лиц, участвовавших в ОМП: является ли следом стоящий на подоконнике горшок с цветком, то ответ будет отрицательный (случай из личной практики). В действительности – это СЛЕД, говорящий лицу на улице: «опасности нет, заходи». Как видим, объектный подход, подход-созерцание, исключение из построения живой человеческой деятельности, субъективности препятствовали построению СЛЕДА. В противовес натурализму системно-мыследеятельностный подход, играющий роль методологических предпосылок исследования и деятельности, – это диалектико-материалистический подход»³.

В очередной раз М.К. Каминский (2016) подчеркивает, что «след – это особая «кентавр-система». В нем есть натуральное основание и идеальное (мысленное) понимание содержания тех процессов, которые это натуральное основание породили. Именно поэтому так важно понимать, что след всегда начинается с отражательных действий над объектом: фиксация его наличия, формы, размеров, положе-

¹ Каминский М.К. Вульгарный материализм и его пагубность для криминалистики и криминалистического образования // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2016. Т. 26. Выпуск 4. С. 127.

² Там же.

³ Там же. С. 128.

ния, взаиморасположения, выделение частей объекта и т. д. Одним словом, след всегда начинается для криминалиста с восприятия. Но если этим все и заканчивается, то следа нет. Для того чтобы возник действительный след, необходимо выйти из плоскости отражательных действий, войти в плоскость мышления (которая, кстати, ортогональна плоскости действия) и решить важнейшую задачу следообразования – задачу знаковзамещения»¹. «Криминалистика обнаруживает, фиксирует, объясняет особенности мыследеятельности при взаимодействии ПД и ДВРП в процессе воссоздания в идеальной модели содержания минувшего деятельностного события и на этой основе формулирует нормы и правила этого вида мыследеятельности»².

Несложно заметить, что одной из причин того, что многие обоснованные идеи М.К. Каминского не получили широкого распространения среди отечественных криминалистов, является излишняя сложность их формулировок автором.

Так, те же соображения, но значительно проще и понятней излагал, например, О.Я. Баев, отмечавший, например, «что в результате совершения преступления как взаимодействия объектов происходит – и это убедительно обосновано материалистической гносеологией – процесс отражения одного объекта взаимодействия на другом объекте (и наоборот), соответствующие изменения этих объектов и на этих объектах. Эти изменения, обусловленные преступлением, находящиеся с ним в неких причинно-следственных связях существуют объективно, вне зависимости от сознания воспринимающих их субъектов (следователя, дознавателя, очевидцев преступления и других свидетелей). Однако это еще не следы. Как, на первый взгляд, ни парадоксально это звучит, следы сами по себе не обозначены, не обособлены от окружающей среды, в нее они вплетены, они в этом качестве – в качестве следов – лишь осознаются соответствующим субъектом познания интересующего его объекта»³.

¹ Каминский М.К. Вульгарный материализм и его пагубность для криминалистики и криминалистического образования // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2016. Т. 26. Выпуск 4. С. 128.

² Там же. С. 129.

³ Баев О.Я. Криминалистика: позавчера, вчера, сегодня, завтра (Вместо предисловия) // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2016. № 1(18). С. 6.

И.В. Пашута также справедливо отмечает, что «изменения в среде (следы преступного события) становятся доказательствами только тогда, когда восприняты субъектом доказывания с соблюдением надлежащей процедуры, отображены в его сознании, преобразованы (перекодированы) им, и в таком преобразованном виде закреплены в материалах дела»¹.

Тем самым показывается, что характер восприятия внешних объектов определяется не только свойствами этих объектов, но и особенностями наших органов чувств и нервной системы, сформировавшихся в ходе биологической и социальной эволюции², в том числе и индивидуальными особенностями «мыследеятельности» познающего субъекта.

Острые критики М.К. Каминского «белкинской» теории отражения в криминалистике было направлено против ее натурализма (распространение естественно-научного подхода на социально-гуманитарное познание), наивного реализма; абстрактного познания и представлений о познании как пассивном отражении человеческим мозгом окружающей его материи. Стремясь внести ясность в понимание процесса криминалистического познания, М.К. Каминский придавал важное значение субъекту познания, его мышлению, активной деятельности в познании, сложному взаимодействию человека и окружающего его мира и т.д.

К сожалению, активно развиваемая М.К. Каминским концепция мыследеятельности в криминалистике так и не была по достоинству оценена большинством отечественных криминалистов и подвергалась необоснованной критике (А.Г. Филиппов, Е.С. Лапин и др.), несмотря на ее важное гносеологическое значение и эвристический потенциал.

Другим исследователем, посвятившим свои работы критике «белкинской» теории отражения в отечественной криминалистике является В.Ю. Толстоуцкий.

Прежде всего, следует отметить, что В.Ю. Толстоуцкий является сторонником существования «криминалистической теории отражения», признает ее в качестве методоло-

¹ Пашута И.В. Отражение в окружающей среде преступлений, связанных со взрывами. С. 161.

² Степин В.С. История и философия науки: учебник. М., 2011. С. 33.

гической основы криминалистики и называет Р.С. Белкина «создателем криминалистической теории отражения»¹.

В.Ю. Толстоуцкий (2008) отмечает, что Р.С. Белкин никогда не употреблял термин «криминалистическая теория отражения», однако считает, что «методологическая основа криминалистики должна включать особенности исследуемого криминалистикой познания и называться криминалистической теорией отражения»². По мнению В.Ю. Толстоуцкого, возникновение криминалистической теории отражения относится ко второй половине XX века³.

По словам В.Ю. Толстоуцкого, «в криминалистике за точку отсчета в исследованиях, посвященных закономерностям отражения, принято считать работы Р.С. Белкина ... Задумавшись над действительным значением этой философской категории для криминалистики, Р.С. Белкин связывает приоритет разработки этой проблемы с выходом в свет в 1969 году монографии, написанной им в соавторстве с А.И. Винбергом, «Криминалистика и доказывание», а следующим шагом определяет собственную работу «Ленинская теория отражения и методологические проблемы криминалистики» (1970)»⁴.

В 2014 году В.Ю. Толстоуцкий отмечает: «В центре внимания традиционной криминалистики оказывается отражение преступления в материальных и идеальных следах, а в качестве научной методологии традиционной криминалистики выступает созданная Р.С. Белкиным криминалистическая теория отражения»⁵.

¹ Толстоуцкий В.Ю., Скорин Я.И. Применение полиграфа требует совершенствования криминалистической теории отражения // Черные дыры в Российском законодательстве. 2012. Выпуск № 2. С. 97-102.

² Толстоуцкий В.Ю. Методология криминалистики в информационную эпоху // Вестник ВГАВТ. 2008. № 24. С. 111; Толстоуцкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 204.

³ Толстоуцкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу. С. 208.

⁴ Там же. С. 203-209.

⁵ Толстоуцкий В.Ю. Исследование субъективного этапа отражения означает смену научной парадигмы в криминалистике // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 года). М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 101-104.

Тем не менее, к числу несомненных научных заслуг В.Ю. Толстолицкого следует отнести его обоснованную критику «белкинской» версии использования философской теории отражения в отечественной криминалистике, проводимую на основе разработки сложных вопросов сознания в криминалистике; исследования важных отличий между пассивным отражением в неживой природе и активным отражением познающего субъекта; а также изучения «закономерностей психического отражения» (субъективного этапа отражения)¹.

Основываясь на достижениях психологической науки, В.Ю. Толстолицкий верно обращает внимание на то, что содержание «белкинской» теории отражения ограничивается преимущественно лишь отражением в неживой природе².

В.Ю. Толстолицкий констатирует: «Р.С. Белкин не исследовал психическое отражение ... Научных публикаций, которые раскрывают закономерности психического отражения в криминалистике до настоящего времени нет»³.

По словам В.Ю. Толстолицкого, поскольку «криминалистическая теория отражения» основное внимание уделяет только этапу объективного отражения, требуется ее дополнение этапом субъективного отражения⁴. Тем самым он обоснованно подчеркивает важность изучения практических механизмов работы сознания субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений⁵.

В 2014 году В.Ю. Толстолицкий вновь сформулировал следующий вопрос: «что упускает из своего поля зрения теория отражения Р.С. Белкина такого, в результате чего теряются закономерности, составляющие основу информационных технологий?»⁶

По справедливому мнению В.Ю. Толстолицкого (2014), «в теории отражения Р.С. Белкина отсутствует субъект уголовно-процессуального познания», «в уголовном судопроиз-

¹ Толстолицкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу. С. 203-209.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 204.

⁴ Там же. С. 205-206.

⁵ Там же. С. 206.

⁶ Толстолицкий В.Ю. Исследование субъективного этапа отражения означает смену научной парадигмы в криминалистике. С. 101.

водстве познание отражения преступления не заканчивается образованием следов. Материальные и идеальные следы, как результат отражения преступления, надо обнаружить, процессуально зафиксировать, использовать их в уголовно-процессуальном доказывании. Ограничение криминалистической парадигмы только теорией слеодообразования приводит к появлению так называемого естественнонаучного уклона¹.

В.Ю. Толстолицкий прямо отмечает: «Недостаток «белкинской» криминалистической теории отражения, содержащей только закономерности отражения в неживой природе, породил попытки ее компенсации. Одной из наиболее известных среди них является появление «поисково-познавательной деятельности». Закономерно, что основным недостатком содержания этой позиции, зеркально отражающим недостаток сформулированной Р.С. Белкиным естественнонаучной криминалистической теории отражения, является отрыв субъекта уголовно-процессуального познания от теории слеодообразования, что приводит к теоретически надуманному противоречию между материальной и процессуальной истиной. Существование двух одинаково неполных концепций наблюдается в ряде учебников криминалистики, выпущенных на рубеже XX-XXI веков»².

Кроме того, «традиционная криминалистика не позволяет обеспечить теоретическую базу для исследования субъективного этапа отражения и внедрения на этой основе компьютерных технологий в криминалистическую деятельность»³.

В обоснование своей позиции В.Ю. Толстолицкий ссылается на используемое А.А. Давлетовым понимание «двойного отражения», а также выделения в нем двух этапов – объективного и субъективного⁴.

А.А. Давлетов, в частности, отмечал следующее: «Специфика ретроспективного познания заключается в том, что оно осуществляется на основе двойного отражения. Первое

¹ Толстолицкий В.Ю. Исследование субъективного этапа отражения означает смену научной парадигмы в криминалистике. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 103.

⁴ Толстолицкий В.Ю. Закономерности криминалистической теории отражения, присущие субъективному этапу. С. 203-209.

отражение – объективное. Оно возникло в момент совершения преступления между событием убийства и окружающими его явлениями, вещами. В результате последние приобрели и сохранили (отразили) следы прошлого деяния. Короче, это отражение между объектом-1 и объектом-2 уголовно-процессуального познания. Оно объективно потому, что происходит независимо от субъектов познания (органов судопроизводства), которые никоим образом не могут повлиять на взаимодействие данных объектов. Второе отражение – субъективное. Оно состоит в том, что субъекты уголовно-процессуального познания – следователь, прокурор, суд исследуют имеющиеся следы преступления и при их помощи мысленно восстанавливают, реконструируют в своем сознании, т. е. отражают, прошлое преступное событие. Иными словами, это сам процесс ретроспективного познания, который представляет собой отражение в сознании субъекта изучаемого объекта на основе сохранившихся его следов. Данное отражение субъективно, поскольку его содержание и результаты полностью связаны с деятельностью самих лиц, осуществляющих уголовно-процессуальное познание, и зависит от этой деятельности»¹.

Соглашаясь в принципе с указанной трактовкой «двойного содержания», следует все же отметить условность (некорректность) используемых названий «объективное отражение» и «субъективное отражение». Это связано с тем, что «субъективное отражение» тоже имеет объективный характер, хотя и является индивидуальным по форме (т.е. субъективно по форме, но объективно по содержанию). Возможно, точнее говорить о предметном (материальном) и психическом отражении.

«Белкинская» трактовка теории отражения в криминалистике фактически игнорирует концепт «двойного отражения», который более адекватен особенностям практической познавательной деятельности. Криминалистическое познание должно быть предметом специального криминалистического изучения, а не только философских размышлений.

В.Ю. Толстолицкий обоснованно считает, «что совершенствование методологии криминалистики должно осуще-

¹ Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Изд. Гуманитарного ун-та, 1997. С. 26.

ствляться путем дополнения традиционной криминалистической теории отражения закономерностями, присущими отражению в деятельности и сознании следователя»¹.

В.Ю. Толстолицкий также верно обращает внимание на «необходимость использования достижений психологии при разработке криминалистической теории отражения»².

В.Н. Большакова, основываясь на сформулированных выше замечаниях В.Ю. Толстолицкого, приходит к следующему выводу: «Таким образом, краткое рассмотрение криминалистической теории отражения в том виде, в котором она была сформулирована в двадцатом веке, позволяет сделать вывод о том, что теория отражения не может выполнить свою обеспечительную функцию для уголовно-процессуальной теории доказательств, так как упущено отражение со стороны субъекта уголовно-процессуальной деятельности, результатом которого являются именно доказательства по уголовному делу»³.

¹ Толстолицкий В.Ю. Исследование субъективного этапа отражения означает смену научной парадигмы в криминалистике. С. 102.

² Там же.

³ Большакова В.Н. Криминалистическая теория отражения как основа обеспечения уголовно-процессуальной теории доказательств. Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов, студентов. Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта. 2015. С. 111.

10. СЛОВО «ОТРАЖЕНИЕ», ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ

Слово «отражение» активно используется в научных текстах криминалистики, а обозначаемое им понятие относится большинством современных криминалистов к числу фундаментальных понятий в криминалистике и мыслится ими как вполне простое, ясное, очевидное, как бы существующее само по себе, не нуждающееся в четком и однозначном определении.

Чаще всего при раскрытии содержания понятия отражения криминалисты брали «готовое» философское определение отражения и пытались «окриминалистить» его, используя для этого разнообразную криминалистическую фразеологию.

На самом же деле все не так просто. Криминалисты очень редко задумывались над тем, что при использовании ими в своих текстах слова «отражение» часто проявляется многозначность и противоречивость его различных значений и смыслов.

До настоящего времени в отечественной криминалистике не проводилось всестороннего изучения особенностей функционирования слова «отражение» в обыденном применении, а также в качестве понятия, термина, категории и/или метафоры, а также не осознавалась важность исследования особых взаимоотношений между словами, понятиями и криминалистическими действиями.

Ю.А. Чельцова справедливо отмечает: «Главное требование к языку криминалистики – это ясность, однозначность толкования и единообразие употребления, которые не должны зависеть от субъективных суждений различных ученых. Указанные критерии достигаются благодаря тому, что каждый термин должен иметь четкое определение и полное соответствие тем объектам, явлениям и процессам, которые он обозначает»¹.

Однако, как уже неоднократно отмечалось, отечественная криминалистика оставила практически без своего

¹ Чельцова Ю.А. Требования, предъявляемые к научному стилю речи // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2009. Выпуск. 1. С. 344.

внимания фундаментальные изменения в науке, вызванные т.н. «лингвистическим поворотом», произошедшим во второй половине XX века и поставившим вопрос об особой роли языка в центр философского и научного анализа.

Как справедливо отмечает А.П. Огурцов, «ведущей тенденцией в философии науки на рубеже XX – XXI вв. стал поворот к лингвистике, к лингвистическим методам»¹, одна из причин которого объясняется тем, что «в бытии науки, в коммуникациях между учеными, в реализации научных инноваций громадную роль играет язык – язык профессионального общения между учеными, язык, в котором «отлагаются» результаты научных исканий»².

В современном научном дискурсе происходит преодоление прежней установки на язык, как на абсолютно прозрачный, нейтральный инструмент описания объекта исследования³.

Выяснилось, что язык выполняет особую роль при переводе внелингвистической реальности в лингвистическую. При этом «язык и реальность не изоморфны, так как язык создает новую реальность, опираясь на словарь, формируемый в процессе языковой деятельности»⁴. Информационная картина мира меняется под воздействием языковых фактов⁵.

Признание языка в качестве самостоятельной реальности способствовало пониманию, что проблема языка является не только лингвистической, но и важнейшей гносеологической, когнитивной и культурной проблемой, что привело к изучению взаимодействия языка с политическими, социальными и культурными контекстами.

Как указывают специалисты, «исследование языка науки в настоящее время – одна из наиболее актуальных теоретических и практических проблем»⁶; «противоречия между

¹ Огурцов А.П. Наука и философия науки в современном обществе // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 159.

² Там же. С. 159.

³ Береснева Н.И., Абраменко В.И. Метафора в познавательном процессе и ее роль в философии: изменение подходов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Выпуск 2. С. 153.

⁴ Суровцев В.А., Сыров В.Н. Языковая игра и роль метафоры в научном познании // Философия науки. 1999. № 1 (5) // URL: <http://dopln.ru/other/204641/index.html> (дата обращения: 05.05.2019).

⁵ Агаджанян С.А. Термин как носитель гносеологической функции языка // История и педагогика естествознания. 2014. № 3. С. 27.

⁶ Чепкасова Е.В. Язык науки как предмет философского анализа: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. СПб., 2006. С. 3.

языком и содержанием научной мысли являются одним из источников эволюции языка науки»¹; язык является не только средством выражения мысли, но и активным инструментом познания, постоянного осмысления человеком явлений и процессов окружающей действительности, способом превращения опыта в знание²; «язык опосредует отношение «мир – человек» и дает средство для осознания и описания этого отношения»³.

Важно отметить, что именно самому слову «отражение», а не выражаемым им понятиям, чаще всего и уделялось основное внимание в криминалистических текстах советской эпохи, впрочем, как и в настоящее время. Кроме того, слово «отражение» использовалось в криминалистике не только в качестве философского или научного понятия, но и в качестве аргумента (средства апелляции) здравого смысла и идеологического штампа (клише). В результате этого применение слова «отражение» фиксируется в криминалистических текстах в разных значениях и смыслах, затрудняющих его четкое и однозначное понимание.

А.А. Эксархопуло (2019) отмечает: «Между тем мысль о всеобщем свойстве материи – свойстве отражения, названном В.И. Лениным «родственным ощущению», – высказанная им в форме догадки, была озвучена выдающимся английским философом и юристом Фрэнсисом Бэконом еще в конце XVI века. Правда, он считал это универсальное свойство материи «родственным» не ощущению, а «восприятию», что вряд ли следует оценивать как существенно различающиеся понятия. Тем более, что в современном русском языке эти термины часто употребляются как синонимы»⁴.

¹ Чепкасова Е.В. Язык науки как предмет философского анализа: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. СПб., 2006. С. 13.

² Агаджанян С.А. Термин как носитель гносеологической функции языка. С. 27.

³ Калашникова Л.В. Метафора и миф. Метафорическое мышление // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 96.

⁴ Эксархопуло А.А. Глава 2. Исторические предпосылки современного развития криминалистики // А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин. Криминалистика: история и перспективы развития: монография. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 48.

Следует не согласиться с А.А. Эксархопуло и признать принципиальную разницу между пониманием отражения и восприятия. С научной точки зрения, прежде всего психологии, «отражение» и «восприятие» не могут отождествляться. В частности, когнитивные психологи констатируют, что «восприятие не является простым отражением действительности»¹.

Кроме того, А.А. Эксархопуло не учитывает в полной мере того, что на разных этапах своей истории слова «отражение» и «восприятия» также имели различные значения и смыслы, не совпадающие с их современными трактовками.

По мнению А.А. Эксархопуло, рассуждая о способности к восприятию органов чувств, Ф. Бэкон употреблял и термин «отражение»². Представляется, что в данном контексте точнее было бы вести речь не о термине (как о языковом выражении специального понятия) «отражение», а о слове «отражение», подчеркивая тем самым имеющуюся разницу между словами и понятиями.

К тому же А.А. Эксархопуло активно применяет слово «отображение» в качестве синонима «отражения», не раскрывая при этом содержание первого.

Г.Д. Левин с лингвистической точки зрения отмечает, что в теории отражения «спутываются отражение и отображение. *Отразить* предмет – значит отбить, отбросить его (говорят «отразить нападение»), а *отобразить* – значит создать его *образ*. На европейские языки «отражение» и «отображение» переводятся разными терминами: «отображение» по-английски – representation, а «отражение» – reflection, по-немецки «отображение» – Abbildung, а «отражение» – Reflexion. Познание – это процесс не *отражения*, а *отображения* действительности. Впрочем, в обиходе «отображение» нередко *сокращают* до «отражения»: говорят, например, об *отражении* предмета в воде или в зеркале. Чтобы не нарушать традицию, я там, где это не приведет к путанице, буду называть теорию *отображения* теорией отражения»³.

¹ Черникова И.В. Гуманистическая функция когнитивной науки в современном обществе. С. 200.

² Эксархопуло А.А. Глава 2. Исторические предпосылки современного развития криминалистики. С. 49.

³ Левин Г.Д. Принципы сохранения и монизма как методологическая основа эпистемологии // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 91-101.

Таким образом, несложно заметить, что А.А. Эксархопуло фиксирует свое основное внимание преимущественно на слове «отражение», а не обозначаемом им понятии; не проводит четких различий (в том числе и исторического характера) между понятиями «отражение», «ощущение», «восприятие»; не замечает особенностей разного понимания значения одних и тех же слов различными авторами в их текстах; не видит принципиальных различий между словами, понятиями, метафорами и терминами, в том числе в быденной, научной и философской сферах.

А.А. Эксархопуло также не учитывает, что значения того или иного словоупотребления, включая и отражение, различаются в зависимости от того, в каком именно словаре находится та или иная словарная статья – в толковом, двуязычном или специальном терминологическом словаре. Дело в том, что в толковых словарях дается значение словоупотреблений в том порядке, который отражает их общепринятость, и первым значением часто выступает то, которое составители словаря считают наиболее употребительным¹. В свою очередь, терминологические словари могут признавать за теми же словами совершенно иное значение.

Важно также отметить, что значительно ранее, чем упоминаемый А.А. Эксархопуло Ф. Бэкон, античные материалисты Демокрит и Эпикур были одними из первых философов, которые ввели саму идею отражения². Также имеется мнение, что впервые применил слово «отражение» к учению о познании Алькмеон из Кротона, а дальнейшее существенное, в том числе и кардинально менявшееся, развитие это понятие получило в учениях Эмпедокла, Демокрита, Аристотеля и др.³

Необходимо обращать внимание не просто на то, что те или иные философы или ученые используют слово «отра-

¹ Фетисов А.Ю. Метафора в научном тексте: понимание текста и субъективность лингвистического анализа // Вестник НВГУ. 2014 № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-nauchnom-tekste-ponimanie-teksta-i-subektivnost-lingvisticheskogo-analiza> (дата обращения: 05.05.2019).

² Грецов В.В. Развитие гносеологических концепций отражения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Киров, 2012. С. 3.

³ Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ. Избранные психологические труды. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. С. 262.

жение», а на особенности понимания его содержания, т.е. на те вполне определенные значения и смыслы, которые они вкладывали в используемое ими слово «отражение».

Е.Г. Афонина верно отмечает, что «использование одних и тех же слов не означает вкладывания в них одинакового смысла»¹. Возможны ситуации, когда: «1) исследователь и респондент, используя в речи одни и те же слова, вкладывают в эти слова разный смысл; 2) лексикон респондента значительно отличается от лексикона исследователя. Слова, представляющиеся привычными и знакомыми для одного, являются неизвестными и чужими для другого»².

Отрыв слова от обозначаемых им понятий зачастую приводит к сбою в понимании, к бессодержательной или бессмысленной фразеологии, схоластике, порождает аморфность, туманность расплывчатость и неопределенность использования слова «отражение», преодолеть которые невозможно без тщательной интерпретации используемых понятий и их контекстов. Интерпретация предстает как процедура выявления смыслов и значений, содержащихся в текстах³.

Как справедливо отмечал Р. Козеллек, «стоит только начать рассматривать контексты, в которых можно было бы анализировать значение отдельных понятий, как им уже не будет конца»⁴.

Изложенное позволяет признавать «отражение» неким словом-призраком или даже фантомным понятием.

В. Сендеров достаточно четко раскрывает смысл фантомных понятий: «При идеологической обработке умов огромное значение имеет терминология: фантомные понятия рождаются и набирают силу именно в языке. Это всегда

¹ Афонина Е.Г. Использование метафор в социологическом исследовании // Методы социологических исследований: сб. ст., напис. на базе выпускных квалификац. работ студ. факультета социологии ГУ ВШЭ 2004-2006 гг. (спец. - Прикладные методы социолог.исследований) / отв. ред. Ю.Н. Толстова, Г.К. Балашова. М.: ТЕИС, 2006. С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Шестаков А.А. Современная теория познания: наследие прошлого и точки роста // Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и философия XX века. К 100-летию со дня издания. Материалы научной конференции. Симбирск-Ульяновск, 12-14 апреля, 2009. Издательство «Вектор-С», 2009. С. 54.

⁴ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бёдекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21-22.

так, но особенно при выработке тоталитарных идеологий: в этом случае удачный выбор терминов, слов – во многом залог победы. Однако такой выбор вовсе не прост: слова-«удачники» должны обладать набором далеко не тривиальных качеств, в частности, они должны быть практически неуязвимы для критики. Для этого фантомные понятия должны, во-первых, «почти адекватно» описывать реальность. Так, чтобы не было возможности назвать их просто вздором, а критика требовала бы содержательных и небыстрых объяснений – и оказывалась, тем самым, абсолютно неэффективной в борьбе за умы. Далее, всепобеждающие слова должно выбирать так, чтобы их критика казалась предосудительной морально, и таким образом до ревизии, даже малоэффективной, дело бы просто не доходило»¹. Понятие, не изжившее в себе метафору, не поддается верификации².

Отметим, что слово является одной из основных единиц языка (речевой деятельности) и неразрывно связано с понятием, как формой мышления. Понятие относится к одной из форм абстрактного мышления, отличной от ощущений, восприятий и представлений. В связи с этим есть опасность того, что понятия могут не столько отображать сущности обобщаемых в понятии предметов, сколько сводиться только к их имени (номинализм). Давая тому или иному объекту (явлению) имя, мы тем самым неявно утверждаем, что объект существует. Язык способен создавать новую реальность. Неслучайно А. Эйнштейн отмечал: «Физические понятия суть свободные творения человеческого разума, а не определены однозначно внешним миром, как это иногда может показаться»³.

Поскольку «понятия находят выражение в словах, поэтому изучение понятий – это, прежде всего, анализ слов»⁴.

¹ Сендеров В. Фантомы языка и политика // Вестник Европы. 2002. № VII-VIII // URL: <http://www.zh-zal.ru/vestnik/2002/7/sen.html> (дата обращения: 05.05.2019).

² Теория метафоры: сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 12.

³ Эйнштейн А. Эволюция физики. Сборник. Изд. 2-е, исп. М.: Тайдекс Ко, 2003. С. 66.

⁴ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 7.

Хотя понятия выражаются и закрепляются в словах и словосочетаниях, это не означает их полного совпадения¹. Слово и понятие нередко не совпадают: одно и то же понятие может выражаться разными словами². Одним и тем же словом можно выразить различные понятия. Важно учитывать, что слова связаны как с феноменами, так и понятиями: «первое делает слово именем различных феноменов, второе – выражением некоего понятия»³. Однако на практике указанное соотношение между словами и понятиями не всегда улавливается и учитывается в речевой/языковой деятельности.

На необходимость различения слова и понятия особое внимание обращал Х.Э. Бёдекер, отмечавший, что «слово и понятие, бесспорно, употребляются в истории понятий как две различные сущности, которые связаны между собой, но имеют различные качества»⁴. В отличие от «простых слов» Х.Э. Бёдекер рассматривал понятия, как «особые слова»: «Понятия – это такие слова, которые «полны [...] смысловых связей, в рамках которых [...] употребляется слово». В результате слова полны «смысловых возможностей», понятия, наоборот, уже несут в себе «смысловую полноту» и «в отличие от слов – всегда многозначны»⁵. При этом «смысловая наполненность не расщепляется на различные смысловые возможности», а «понятия, в отличие от простых слов, есть «квинтэссенция многих смысловых содержаний, которые по-разному «оседают» в словах, описывающих историческую действительность»⁶.

Д.С. Тимофеева замечает, что принципиальное отличие понятия от слова выражается в его теоретической, концептуальной «нагруженности»⁷.

¹ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп.. М.: Юристъ, 2001. С. 33.

² Там же.

³ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. С. 19.

⁴ Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бёдекера. Перевод с немецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 41.

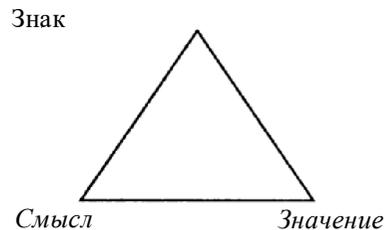
⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же.

⁷ Тимофеев Д.С. «История понятий» как теоретико-методологическая основа исследований по истории российской модернизации первой четверти XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 124.

Как справедливо отмечал М.В. Ильин, «значения и смыслы самостоятельно не существуют. Мы всегда имеем дело со значением и смыслом того или иного слова»¹. Значение слова – это объект/объекты, представляемые (обозначаемые) словом, а смысл – это выражаемые словом характеристики объекта (выражаемая словом мысль). Тесная связь слова и мысли не является абсолютной, ее не следует понимать прямолинейно².

В.С. Степин констатирует: «Различение смысла и значения предложил известный логик Г. Фреге. Он изображал его в виде схемы так называемого семантического треугольника:

Знак может иметь смысл (концепт), который обнаруживается в его связях с другими знаками в языковых контекстах, но не обязательно иметь значение (денотат), т. е. обозначать предмет или класс предметов³.

Как справедливо отмечает В.И. Столяров, любое научное исследование невозможно без использования понятий: «С гносеологической точки зрения понятие является отображением определенного объекта (предмета, свойства, отношения) и его специфических (присущих только данному объекту) признаков (фиксирует наличие или отсутствие у объекта данных признаков – свойств, отношений)»⁴. «Особенность оперирования понятиями в науке состоит и в том,

¹ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. С. 18.

² Гриценко В.П. Логика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Краснодар: ЮИМ, 2006. С. 20.

³ Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Академический Проект; Трикста, 2011. С. 43.

⁴ Столяров В.И. Методология введения, оценки и унификации понятий // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 1. 2007. С. 9.

что при различении и отождествлении понятий здесь учитывается не только их объем (те объекты, о которых идет речь в понятиях), но и содержание (те свойства и отношения данных объектов, которые зафиксированы в понятиях)»¹.

Значение и смысл слова подобны объему и содержанию понятий². М.В. Ильин отмечает: «Информационно-деятельностный подход позволяет уточнить характер соотношения между значением и смыслом. Как объем и содержание, они находятся в отношении взаимной дополнительности: чем точнее значение, тем неопределеннее смысл, и наоборот. Конкретность значений противостоит абстрактности смыслов, но в то же время они дополняют друг друга в живой речи, когда каждое словоупотребление дает свой баланс обобщенности и наглядности. Чем точнее вы объясните продавцу, какую же из лежащих на прилавке рыб вы хотите купить, тем более расплывается при этом смысл слова»³.

Приведем несколько примеров описания слова «отражение» в толковых словарях русского языка.

«Отражение, -я, ср. 1. см. отразить, -ся. 2. Изображение предмета, получающееся на гладкой поверхности. *Увидеть свое о. в зеркале*. 3. *чего*. То, в чем отражено, воспроизведено что-н. *Литература – о. жизни*»⁴.

«Отражение, -я, ср. 1. *тк. ед.* Действие по глаг. отразить – отражать. *О. нападения. О. обвинений*. 2. *тк. ед.* Действие по глаг. отразиться – отражаться. *О. влияний*. 3. Изображение предмета, являющееся на гладкой полированной поверхности. *О. в зеркале. Подошла к зеркальцу – поправить венец, и рассеянно скользнула по своему отражению*. А.Н. Толстой. 4. То, в чем обнаруживаются следы влияния, воздействия чего-н. 5. Способность сознания воспроизводить в образах, отражать независимо от существующий объективный мир, реальную действительность (филос.). *Теория отражения*»⁵.

¹ Столяров В.И. Методология введения, оценки и унификации понятий // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 1. 2007. С. 9.

² Ильин М.В. Слова и смыслы. С. 18.

³ Там же.

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под. ред. Л.И. Скворцова. 27-изд., испр. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. С. 718.

⁵ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2017. С. 425.

«**Отражение** ср.: 1) Процесс действия по знач. глаг.: отразить, отражать, отразиться, отражаться. 2) Состояние по знач. глаг.: отразить, отражать, отразиться, отражаться. 3) Способность отражать, воспроизводить в образах, понятиях существующий независимо от нас внешний мир, объективную действительность. 4) а) Образ предмета на полированной гладкой поверхности. б) Отпечаток в нашем сознании явлений объективной действительности. 5) а) След, отзвук, отпечаток(каких-л. чувств, воздействий, влияний и т.п.). б) Воспроизведение, отображение чего-л.»¹

«Словарь-тезаурус синонимов русской речи» содержит следующее указание на синонимические ряды, входящие в смысловую группу, соотносящуюся с понятием «отражение»:

- «**отражение**, парирование. Отражать/отразить, отбиваться/отбиться, *несов.* и *сов.* Парировать/отпарировать».

- «**отражение**, воспроизведение, воссоздание, отображение. Отражать/отразить, воспроизводить/воспроизвести, воссоздавать/воссоздать, отображать/отобразить»².

«Советский энциклопедический словарь» (1990) закреплял, что «**отражение** (филос.), всеобщее свойство материи, заключающееся в воспроизведении особенностей отражаемого объекта или процесса; одно из основных понятий материалистической теории познания»³. Наряду с философским аспектом отражения в указанном словаре также выделялись такие понятия, как «отражение звука», «отражение радиоволн», «отражение света» и т.д.

Д.В. Пивоваров считает, что «отражение – в общем смысле: а) реакция, противодействие; б) рефлексия, обращение назад; в) отображение, придание образа; в философском смысле (ближе к терминам отображение, образ) – способность взаимодействующих вещей воспроизводить (в себе, на себе) характерные особенности друг друга»⁴.

¹ Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка // URL: <http://чтоозначает.рф/отражение> (дата обращения: 14.04.2019).

² Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. С. 138.

³ Советский энциклопедический словарь. Издание четвертое, испр. и доп. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 961.

⁴ Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: учебное пособие. С. 217.

Несложно заметить, что слово «отражение» имеет не одно, а значительно больше разных значений и может употребляться в различных смыслах. Это слово по-разному используется в обыденном языке (в пределах здравого смысла), а также в статусе философского или научного понятия. Важно отметить, что феномен отражения рассматривается философией, различными науками, а также в повседневной (обыденной) жизни, в результате чего отмечается различное толкование содержания обозначаемого этим словом понятия. Так, отражение в физике – это физический процесс взаимодействия волн или частиц с поверхностью; отражение в геометрии – это движение евклидова пространства, множество неподвижных точек которого является гиперплоскостью; отражение в программировании – это концепция языков программирования и т. д.

При этом общепринятым или наиболее употребительным значением слова «отражение» является именно зеркальное отражение¹.

Обращаясь к проблеме отражения в правоведении, Д.А. Керимов отмечал, что категория отражения, «во-первых, имеет исторический характер, поскольку в процессе прогресса наук постоянно развивается и обогащается; во-вторых, систематически совершенствуется в процессе познания и, в-третьих, обладает универсальным качеством, поскольку обнаруживает себя на различных уровнях познания как органического, так и неорганического мира»².

Исследуя понятие отражения в криминалистике, С.С. Чегодаева заявляет, что «отражение – понятие многозначное. Оно может употребляться в широком смысле значения (например, отражение – всеобщее свойство материи, ключевое понятие теории познания) и в узком смысле этого термина, применительно к частным видам отражения (например, отражение света)»³. Как отмечает С.С. Чегодаева, «в своем классическом исследовании «Диалектика природы»

¹ Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Выпуск 2 (22). С. 27.

² Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 102.

³ Чегодаева С.С. Понятие отражения в криминалистике // Закон и жизнь. 2013. № 12. С. 12.

Ф. Энгельс приводит 6 типов отражения: отражение сознанием бытия; отражение науки как форм движения материи; отражение субъективной диалектики как объективной; отражение математическими абстракциями реальной действительности; извращенное фантастическое отражение действительности в идеологии и религии»¹.

Определяя понятие отражения как всеобщего свойства материи, В.И. Ленин писал, что «логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»². В «Философских тетрадах» В.И. Ленин отмечал: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов... Человек не может охватить = отразить = отобразить природы всей, полностью, ее «непосредственной цельности» он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т.д. и т.п.»³ «Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо»⁴.

В этой связи В.И. Табаков отмечает, что при использовании понятия «отражение» В.И. Ленин отождествлял чувственное отражение предметов («вещей-самих-посебе») с мысленным выражением этих предметов⁵.

Анализ текста монографии Р.С. Белкина «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики» (2001) позволяет установить, что он использует слово «отражение» для обозначения:

- свойства материи;
- категории;

¹ Чегодаева С.С. Понятие отражения в криминалистике // Закон и жизнь. 2013. № 12. С. 12.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат, 1980. С. 91.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. С. 226.

⁴ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 343.

⁵ Табаков В.И. Что остается неизбежным, а что нет в книге В.И. Ленина против «эмпириокритицизма»? // Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и философия XX века. К 100-летию со дня издания. Материалы научной конференции. Симбирск-Ульяновск, 12-14 апреля, 2009. Издательство «Вектор-С», 2009. С. 43.

- философской категории;
- концептуальной категории философии;
- понятия;
- термина;
- «момента, частицы универсальных связей действительности»;
- «взаимодействия материальных тел или как результат этого взаимодействия»;
- «самого фундамента криминалистики, сущности этой науки»;
- научной абстракции;
- изменений в окружающей среде, которые в ней вызывает преступление¹, и т.д.

Кроме того, слово «отражение» также использовалось Р.С. Белкиным в следующих значениях:

- отражение – это процесс взаимодействия объектов действительности;
- отражение – это момент, частица универсальных связей объективной действительности;
- отражение – это результат взаимодействия объектов, участвующих в акте отражения;
- отражение – это начальный этап процесса познания;
- отражение – это результат процесса познания;
- отражение – это такая взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго;
- отражение – это изменения в окружающей среде, которые в ней вызывает преступление;
- след – это конечная фаза отражения одного объекта на другом;
- след – это отражение преступления;
- след – это результат отражения и т.д.

Очевидна избыточность возможных значений и смыслов слова «отражение», которые зачастую не всегда ясны и четко соотносимы между собой. Эта туманность усиливается и заявлениями Р.С. Белкина о том, что отражение бывает

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 31-66.

адекватное¹, полное, ложное², неполное, неадекватное, искаженное и т.п.³

К.В. Бугаев отмечает, что дескриптор «отражение» в Курсе криминалистике Р.С. Белкина (1997 г.) занимает 63-е место в частотном списке наиболее значимых слов и имеет достаточно высокую частоту – 10⁴. При этом дескриптор «информация» опережает дескриптор «отражение» и занимает 51-е место (частота – 11). Тогда как такие дескрипторы как «след» и «образ» вообще отсутствуют среди наиболее значимых слов названного Курса⁴. Изложенное подтверждает произведенную Р.С. Белкиным механическую замену слов «след» и «образ» на «отражение».

«Дескриптор – это единица языка, соответствующая определенному ключевому или базовому понятию, включенному в тезаурус. Это термин со строго фиксированным значением, без синонимов. Можно сказать, что дескриптор – это базовый элемент смысла, а также одна из основ тематического анализа науки»⁶.

Понятия в процессе научного исследования вводятся, как правило, с помощью определения (дефиниции), т.е. логической операции, в ходе которой интересующий объект отличается от других объектов, уточняется объем или содержание соответствующего понятия, а также значение уже введенного в науку термина или выясняется значение нового термина, что позволят добиться точности, строгости и однозначности в их оперировании⁷.

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 168.

² Там же. С. 59.

³ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд., доп.; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 56 и др.

⁴ Бугаев К.В. Курс криминалистики Р.С. Белкина: установление границ предметной области методом анализа авторского тезауруса // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 4 (20). С. 75.

⁵ Там же.

⁶ Бугаев К.В. Труды современной криминалистики (2012-2016 гг.): динамика дискурса // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 2. С. 63-64. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudy-sovremennoy-kriminalistiki-2012-2016-gg-dinamika-diskursa> (дата обращения: 13.05.2019).

⁷ Столяров В.И. Методология введения, оценки и унификации понятий // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 1. 2007. С. 9.

При этом определения философских категорий, как предельно общих понятий, не относятся к числу родовидовых определений, когда соответствующее предложение раскрывает то, что содержится в определяемом понятии через ближайший род и специфические признаки¹. Не случайно в литературе отмечается, что философское понятие не равно научному, поскольку для первого главной задачей является понимание феномена, тогда как для второго в задачу входит лишь описание феномена. Философское понятие в плане содержания не ограничивается системой общих признаков воспринятых предметов. Оно складывается через некий акт разума, который трансформирует представления о предметах реального мира в умозрительные феномены².

При анализе научных криминалистических текстов, содержащих слово «отражение», налицо проблема четкого определения обозначаемого им значения и смысла. Тем более, что для описания различных криминалистических феноменов и отношений (онтология криминалистики) могут использоваться: 1) слова повседневного естественного языка; 2) философские категории и понятия; 3) общенаучная лексика; 4) специальная научная (криминалистическая) терминология.

А.В. Нечаев верно подмечает, что «используя какое-либо понятие, мы в любом случае вкладываем в него определенный смысл, но, зачастую, это наш субъективный смысл: тот, который рождается у нас из каких-то прецедентов, из какого-то контекста, из нашей обыденной действительности»³.

Чтобы избежать ошибок в рассуждениях при использовании слова «отражение», необходимо точно устанавливать значение этого слова в каждом конкретном случае и употреблять его в строго определенном смысле. Иначе многозначность этого слова способна приводит к смешению обозначаемых им понятий и созданию ситуации, которая ха-

¹ Оглезнев В.В., Суровцев В.А. В каком смысле определения могут быть истинными или ложными: о работе А. Папа «Теория определений» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 284.

² Желтоножка А.О. Метафора и понятие как неотъемлемые элементы философского текста // Alter Idem. Выпуск 2: Феноменология реальности: конструктор и концепт. М.: Спутник, 2009. С. 45.

³ Нечаев А.В. Желания и ожидания: социально-философский взгляд // Социальные явления. 2015. № 3. С. 10.

рактически как концептуальная путаница (conceptual mess). «Если мы утрачиваем смысл слова, тогда мы утрачиваем рациональность, а рациональность – это важнейший признак и науки, и любого социального устройства»¹.

Изложенное объясняет, почему часто возникают ситуации, при которых криминалисты активно используют слово «отражение», но не всегда четко фиксируют его значение и смысл (или объем и содержание обозначаемых им понятий). В результате чего используемое ими слово «отражение» не имеет устойчивых семантических характеристик в криминалистических научных текстах. Зачастую в одном и том же тексте они могут быть разными. Многократность интерпретации слова «отражение» влечет такое следствие, как неопределенность его значения.

Получается, что во многом благодаря стараниям Р.С. Белкина и его последователей, слово «отражение» прочно вошло в язык отечественной криминалистики, «внедрилось» в ее тело, но на данном этапе развития криминалистической науки слово «отражение» так и не приобрело в ней статус криминалистического термина, поскольку не имеет в этой науке четкого и однозначного научного определения и не занимает своей особой «ячейки» в понятийно-категориальном аппарате криминалистики. Для того чтобы «отражение» стало функционировать как устойчивая терминологическая единица языка криминалистики, это слово и обозначаемое им научное понятие должно в полной мере соответствовать требованиям, предъявляемым к научным криминалистическим терминам (понятиям).

Слово «отражение» активно используется в криминалистике, но чаще всего в качестве философской категории, обозначающей соответствие изменений, происходящих с одним объектом под действием другого в результате их взаимодействия. Так, Н.П. Майлис пишет: «Отражение – философская категория, сущностью которой является способность одних материальных объектов воспроизводить особенности других в процессе взаимодействия данных объектов друг с другом»².

¹ Нечаев А.В. Желания и ожидания: социально-философский взгляд // Социальные явления. 2015. № 3. С. 10.

² Майлис Н. П. Роль теории отражения при производстве экспертного эксперимента // Современное развитие криминалистики и судебной экспер-

В «Кратком философском словаре» зафиксировано, что «отражение – свойство материальных систем в процессе взаимодействия воспроизводить посредством своих особенностей особенности других систем. Основой и признаком отражения является взаимодействие материальных систем и возникающие в ходе его адекватные внешним воздействиям изменения (отпечаток, след). Отражение связано с передачей вещества и энергии. Но главное состоит в воспроизведении одним явлением структурных особенностей другого (отображаемого) объекта. Свойства отражения, характер его проявления зависят от уровня организации материи»¹.

В «Новейшем психологическом словаре» также отмечается, что «отражение – всеобщее свойство материи, состоящее в способности объектов воспроизводить (с различной степенью адекватности) признаки, структурные характеристики и отношения других объектов»².

На философской категории «отражение» и строится марксистско-ленинское (диалектико-материалистическое) учение о познании как отражении.

Когда мы говорим о философской категории, то не должны забывать, что «что категории и понятия, несмотря на их близость и неразрывное единство – это разные вещи, и необходимо четко видеть их различие»³. «В связи с этим необходимо отметить одну принципиальную особенность этой взаимосвязи – каждая категория является одновременно и понятием, но не каждое понятие может быть категорией, выступать ею в силу того, что понятия производны от категорий, являющихся всеобщими, универсальными, фундаментальными формами связи, типами связи субъекта и объекта в суждении»⁴.

тизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). М.: РГ-Пресс. 2018. С. 481.

¹ Краткий философский словарь / Под ред. Алексеева А.П. М.: Проспект, 1997. С. 224.

² Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д: Феникс, 2005. С. 354.

³ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии. С. 5; Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе. М.: Логос, 2007. С. 13; Лекции по философии / Составитель Л. В. Зошук. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, 2015. С. 11.

⁴ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии. С. 9.

Философские категории, к которым относится и отражение, – это предельно широкие (или универсальные) понятия, претендующие на универсальное применение, в которых мыслятся всеобщие, существенные стороны, свойства, связи и отношения бытия¹. Философские категории априорны, декларативны, многозначны и выражают сущность в самом общем (предельно обобщенном) виде. Тем самым подчеркивается их неисчерпаемый объём, претензия на описание всех сторон мыслимого человеком мироздания и построение самой картины мира.

Следует также признать, что понятие «отражение» может быть отнесено к «сущностно оспариваемым понятиям»: «Сущностно оспариваемые понятия не допускают не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной, непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколь-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значений слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов»². В силу предельной общности таких понятий их практическое применение в конкретных науках сопряжено со значительными трудностями. Приведем примеры.

Так, Д.А. Керимов говорит о «правовом отражении»³ и «законодательном опережающем отражении»⁴. По его мнению, «даже заблуждения в науке представляют собой определенную форму отражения познаваемого объекта и тем самым обладают соответствующим объективно-предметным содержанием»⁵. Более того, по его мнению, «фикция права и законодательства есть не что иное, как отражение в их принципах, оценках и велениях объективно невозможного, того, что фактически не может быть реализовано в данных условиях места и времени»⁶.

¹ Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. С. 85.

² Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. С. 22.

³ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 328.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. 133.

⁶ Там же. С. 297.

В свою очередь, Ю.П. Боруленков признает заблуждение «искаженным отражением действительности»¹, а истину «правильным, адекватным отражением предметов и явлений действительности познающим субъектом»². Кроме того, Ю.П. Боруленков считает, что «мышление современных следователей должно обладать свойствами прогностического характера или таким свойством, как его иногда называют «опережающее отражение», позволяющим предвидеть все возможные действия, которые необходимо провести для закрепления выявленных и установленных доказательственных фактов»³.

В этом-то и заключается принципиальная проблема: что понимать под отражением, а также как устанавливать в каждом случае, где это отражение является ложным и искаженным, а где оно правильное и адекватное.

Д.А. Вечерский наряду «с материальными отпечатками» выделяет «пассивное отражение событий в сознании человека»⁴.

В.А. Абаканова анализирует значение теории отражения, двойного отражения и опережающего отражения для криминалистического познания⁵.

Ф.Г. Аминев упоминает «о ложном отражении события преступления»⁶.

¹ Боруленков Ю.П. Теоретические основы процессуального познания. Владимир: ВГПУ, 2006. С. 76.

² Там же. С. 77.

³ Боруленков Ю.П. Юридическое познание как искусство // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 229.

⁴ Вечерский Д.А. Теория отражения как методологическая основа осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2010. № 2 (28). С. 119.

⁵ Абаканова В.А. Современные тенденции научного познания в криминалистике // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2017. № 2. С. 43-48.

⁶ Аминев Ф.Г. Место и роль криминалистического мышления в судебной-экспертной деятельности // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М.А. Лушечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 203.

Е.В. Писарев говорит о «тождественном отражении информации (знаний)»¹ и о «тройном отражении криминалистической информации»².

И.В. Пашута выделяет материальное, интеллектуальное и социальное отражение³, соотношение между которым непонятно.

А.М. Каминский, исследуя основные варианты соотношений между реальными ситуациями и их субъективными моделями, отмечает, что реальная ситуация может быть отражена адекватно и неадекватно⁴.

А.Р. Белкин называет первичные, вторичные, третичные отражения и т. д.; искаженные, полные и неполные отражения; типичные отражения; прямые и опосредствованные отражения⁵, а также «ложное отражение»⁶.

В.А. Шефер выделяет такие «экзотические» формы отражений, как «однозначное эквивалентное отражение», «альтернативное эквивалентное отражение», «многозначное эквивалентное отражение», «определенное отражение»⁷ и даже «зигзагообразное отражение»⁸. Особый интерес представляет следующее определение «зигзагообразного отражения»: «Зигзагообразное отражение описывается с помощью логической связки «если ..., то...», где причина необходимо обуславливает отражение, но отражение существует

¹ Писарев Е.В. Информационное взаимодействие субъекта доказывания со специалистом при расследовании уголовных дел // Вектор науки ТГУ. 2011. № 1 (15). С. 144.

² Писарев Е.В. Информационное взаимодействие следователя с экспертом // Вектор науки ТГУ. 2014. № 3 (29). С. 212.

³ Пашута И.В. Отражение в окружающей среде преступлений, связанных со взрывами. С. 161.

⁴ Каминский А.М. Лекция 12. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика: курс лекций для бакалавров / под ред. М.К. Каминского, А.М. Каминского. Ижевск: Jusest, 2012.

⁵ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. С. 70-81.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Шефер В.А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Калининград, 2016. С. 10.

⁸ Шефер В.А. Роль криминалистических версий при установлении причинности в процессе доказывания // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (31). С. 81-85; Шефер В.А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода. С. 10.

независимо от причины»¹. А чего стоят следующие утверждения автора: «субъект преступления отражается только зигзагообразно», «зигзагообразной форме отражения подчиняются орудия и средства преступления, так как, согласно закону о неполноте отражения, количество отразившихся свойств объекта всегда меньше изначального количества его свойств»².

Перечисление указанных форм и видов отражения (в том числе и весьма изощренных и парадоксальных) в очередной раз убеждает в том, что их возможные толкования способны лишь вводить в заблуждение, поскольку при попытке их осмыслить нередко проявляется «сочетание несочетаемого» или «совмещение несовместимого» (например, «опережающее отражение»), либо при их использовании проявляется манипулятивность, при которой вообще может не быть никакого определенного смысла. Так, «опережающее отражение» – это не отражение объективной действительности, а фантомный образ ожидаемого или желаемого возможного будущего.

Слово «отражение» первоначально было перенесено из быденного языка в философию («теория отражения»), т.е. по сути это был метафорический перенос из сферы конкретного в сферу абстрактного.

Общезвестны возможные ошибки, возникающие вследствие понимания метафоры, а так же зависимость понимания метафоры от объема знаний и опыта интерпретатора (реципиента).

Категории, присутствующие в научных текстах криминалистики, с точки зрения их структуры представляют собой следующее:

- 1) всеобщие (философские) категории (универсалии);
- 2) категории общественных (социальных) наук (общество, цивилизация, культура и т.д.);
- 3) категории криминалистики.

Такое многообразие категорий создает дополнительные сложности для определения того, о каких именно категориях идет речь в текстах³.

¹ Шефер В.А. Роль криминалистических версий при установлении причинности в процессе доказывания. С. 82.

² Там же. С. 82- 83

³ История и методология юридической науки: коллективная монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 29..

Не проводя четкого отличия философских категорий от иных категорий (например, обще- и частнонаучных), Р.С. Белкин в разных текстах использовал «отражение» то в качестве философской категории, то причислял ее к общенаучным понятиям, имеющим категориальное значение для криминалистики, трактовка которой в криминалистике, по его мнению, «не отличается существенной спецификой»¹. Подобные утверждения Р.С. Белкина не способствуют четкому определению места категории отражения в структуре криминалистического знания.

Р.С. Белкин считал, что «криминалистические категории – это наиболее общие, наиболее значимые для науки и практики понятия криминалистики»². С таким же мнением согласны Н.П. Яблоков и А.Ю. Головин, считающие, что «наиболее широкие и значимые для науки и практики понятия криминалистики называются криминалистическими категориями»³.

Однако, подобных указаний типа «наиболее общие» и «наиболее значимые» явно недостаточно для того, чтобы разграничивать криминалистические категории от иных категорий и других понятий криминалистики.

Гораздо более успешную попытку разграничения указанных категорий предпринял В.А. Образцов, рассматривающий категории конкретных наук в качестве результата творческого развития, интерпретации универсальных категорий философии применительно к предметам конкретных наук⁴. В роли категорий конкретной науки, включая криминалистику, В.А. Образцов признает «не обобщаемые далее в рамках данной конкретной системы научного знания понятия»⁵.

В.А. Образцов отмечает: «Если общие понятия во всех случаях выступают в качестве категорий, поскольку они яв-

ляются пределом обобщения в данной конкретной науке, то менее общие понятия имеют основания претендовать на категориальный статус лишь тогда, когда они рассматриваются не в качестве элементов более широких по объему понятий, а исследуются в качестве относительно самостоятельной, целостной системы, родового порядка, не обобщаемого в ходе проводимого исследования понятия, служащего в данном случае пределом обобщения других входящих в него понятий видового уровня»¹. Например, к числу категорий криминалистики относится понятие следа².

Описывая изучаемый криминалистикой «фрагмент действительности», «идеальные объекты» криминалистики необходимо отличать от предельно общих «идеальных объектов» философии. В ходе научно-познавательной деятельности требуется четкая демаркация криминалистического и философского уровней анализа. В противном случае чрезмерная идеализация (упрощение, «очищение» от реального многообразия криминалистических объектов, их признаков и связей) способна «очистить» частнонаучное знание от всего криминалистически значимого.

Категории (впрочем, как и другие понятия криминалистики) не остаются неизменными, носят исторический характер. В.Л. Храмова показывает, что в каждую эпоху существуют определенные группы категорий, обладающих общекультурным смыслом и выражающих эпохальные стереотипы восприятия, осознания и практического освоения реальности (а значит, неизбежно обуславливающих научное познание). Эти категории в чём-то родственны шпенглеровским символам и «восходят к архетипам коллективного бессознательного»³. К числу таких категорий относится и категория «отражение».

П.В. Ополев прав, отмечая, что научные термины не только отражают особенности культуры мышления эпохи (и во многом поддерживают его), но и сковывают научный поиск, поскольку ставят перед необходимостью описать новые явления с помощью старой терминологической системы⁴.

¹ Белкин Р.С. Глава III. Система криминалистики. Криминалистические категории // Криминалистика: учебник. Том I. История, общая и частные теории / Под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. М.: Академия МВД РФ, 1995. С. 43.

² Там же. С. 42.

³ Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2009. С. 157.

⁴ Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 9.

⁵ Там же.

¹ Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 9-10.

² Там же. С. 11.

³ Храмова В.Л. Целостность духовной культуры. Киев: Феникс, 1995. С. 9.

⁴ Ополев П.В. Логика научной аргументации: термины и «языковые ловушки» // Исторические, философские, политические и юридические науки,

Изложенное объясняет актуальность проблемы кардинального пересмотра категорий в криминалистике, выступающих в качестве универсальных характеристик криминалистического бытия и определяющих сущностную основу и содержание криминалистической науки. К сожалению, такая работа в отечественной криминалистике практически не ведется. Более того, в российской криминалистике, за редким исключением, до сих пор не проводится четкое различие между философским понятием (категорией) и частнонаучной (криминалистической) категорией.

П.В. Копнин признавал, что каждая наука может претендовать на свое понимание и свою трактовку предельно широких (всеобщих) категорий (универсалий)¹. Однако терминологическая система любой науки, включая и криминалистику, используя в качестве априорной основы всеобщие (философские) категории, не может быть тождественна таким универсалиям. В противном случае будет иметь место подмена научной терминосистемы частной науки философскими понятиями.

Однако именно это и произошло в отечественной криминалистике, когда Р.С. Белкин заявил о том, что такая концептуальная категория философии, как отражение, одновременно составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики². В частности, Р.С. Белкин констатировал: «Я пришел к твердому убеждению, что концептуальная философская категория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней»³.

По мнению Р.С. Белкина, философская категория отражения помимо философского смысла обладает ярко выраженным криминалистическим и уголовно-процессуальными аспектами⁴. Тем самым Р.С. Белкин искажает смысл философской категории «отражение», когда напрямую пытается использовать ее в предметном поле криминалистики.

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 139.

¹ Копнин П.В. Логические основы науки. Киев: Наукова думка, 1968.

² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 31.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 58.

Вследствие своей универсальности, предельно широкой обобщенности (абстрактности) философская категория «отражение» не может быть криминалистическим понятием, для чего требуется ее существенная трансформация и операционализация применительно к предмету частной науки (криминалистическим реалиям), способная обеспечить фиксацию существенных признаков реально существующих криминалистических объектов.

В «Новейшем психологическом словаре» отмечается, что «отражение – всеобщее свойство материи», «характер отражения зависит от уровня организации материи, отчего оно качественно различно в неорганической и органической природе, в мире животных и в мире социальном, в простых и высокоорганизованных системах»¹.

«Советский энциклопедический словарь» (1990) также обращал внимание на то, что «в качественно различных формах отражение присуще телам неорганической природы (например, след, произведенный воздействием одного предмета на другой), растениям и простейшим организмам (например, раздражимость), животным и человеку (психическое отражение как свойство высокоорганизованной материи). Высшая, специфическая человеческая форма отражения – сознание»².

Исследователи констатируют, что четкого понятия отражения как свойства материи не выработано до настоящего момента³. Например, В.П. Песков отмечает, что «исследование, проведенные А.И. Миракьяном, В.И. Пановым, Ю.Г. Панюковой и др. показали, что существуют разные подходы к пониманию отражения, например, в исследовании Ю.Г. Панюковой было выделено, что в одном случае под отражением понимается реагирование, в другом – наличие внутренних изменений, в третьем – воспроизведение отдельных сторон отражения»⁴.

¹ Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д: Феникс, 2005. С. 354.

² Советский энциклопедический словарь. Издание четвертое, испр. и доп. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 961.

³ Пахомова В.А. Понятие термина «информация» и его историческое развитие // Проблемы и вопросы уголовного права, процесса и криминалистики. 2013. Т. 13. № 4. С. 61.

⁴ Песков В.П. От представления к представлению, проблема стабильности и изменчивости при экспликации представления // Перспективы науки и образования. 2014. № 2 (8). С. 151.

Кроме того, существуют противоречивые суждения о соотношении категорий «отражение» и «информация», порой как отождествляющих, так и взаимоисключающих друг друга. Например, Т.Д. Павлов считал, что «информация, взятая как объективный процесс, как бы она ни оказалась близкой к отражению, взятому как свойство всей материи, не является тождественной с ним и еще менее – с человеческим логически и творчески мыслящим сознанием, являющимся наиболее высшей формой отражения вообще»¹. Т.Д. Павлов, исследовав вопрос о сходстве и различии, существующих между информацией и отражением, пришел к следующему выводу: «Из всего сказанного следует логический вывод, что понятие об отражении как свойстве всей материи есть поистине более общее, чем понятие об информации ... А в некоторых монографиях, учебниках и лекционных курсах по физиологии, психологии, языкознанию, политической экономии и пр. не редко получается, что понятие об информации оказывается чуть ли не более общим понятием, чем отражение»².

Д.А. Керимов, отмечая тесную связь теории отражения с теорией информации, считает, что теория информации «дополняет теорию отражения и теорию опережающего отражения в особенности»³.

В.Ф. Петренко обращает внимание на то, что «знания и информация о мире не тождественны»⁴.

По мнению М.К. Каминского, «в криминалистике нет и сегодня научного понятия «информация»»⁵.

Анализируя различные мнения по этому вопросу, В.А. Пахомова констатирует: «Представители первой позиции, например, Б.В. Ахлибининский, склонны утверждать,

¹ Павлов Т.Д. Информация, отражение, творчество // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 152.

² Там же. С. 167.

³ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 108.

⁴ Петренко В. Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Развитие личности. 2012. № 2. С. 92.

⁵ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2012. Выпуск 3. С. 161.

что информация не связана с отражением. Другие полагают, что отражение это и есть информация. Этого мнения придерживается Л. Е. Анисимова. Наиболее правильной кажется третья позиция, которая существенно связывает с понятием отражения информацию как нечто такое, что содержится в одном объекте относительно другого. «Информация представляет собой качественную и количественную характеристики организованности, упорядоченности отражения», – утверждал И.Б. Новик. Ф.П. Тарасенко полагал, что отражение и информация «являются абстракциями одного и того же свойства материи»¹. Ю.В. Шелегов рассматривает информацию и отражение как синонимы².

Еще раз подчеркнем, что специфика философской категории «отражение» как раз и обуславливается тем, что она представляет собой предельно общее представление об окружающей действительности и ее познании.

Предельно общий (абстрактный) характер философской категории может быть применен для описания различных явлений не только в криминалистике, но и в любой другой науке (и не только в науке). Поэтому, с одинаковым успехом концептуальная философская категория отражения может составлять «философский, теоретический и практический фундамент» не только криминалистики, но и любой другой науки, например, уголовного права, криминологии, судебной медицины, психологии, физики, химии, зоологии, паразитологии, гинекологии и т.п.

Попытка Р.С. Белкина провести различие философского, криминалистического и уголовно-процессуального смысла категории отражения носит умозрительный (спекулятивный, риторический) характер. Фактически происходит произвольный перенос готового философского понятия (категории) из философии в криминалистическую науку, т.е. из философской сферы абстрактного в сферу конкретного (частнонаучного) знания. Тем самым налицо стремление Р.С. Белкина переложить на используемую им философскую категорию отра-

¹ Пахомова В.А. Понятие термина «информация» и его историческое развитие. С. 61.

² Шелегов Ю.В. Использование косвенных доказательств в уголовном процессе: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Иркутск, 2016. С. 72.

жения выполнение функции криминалистического (частнонаучного) термина/понятия.

Во многом именно благодаря стараниям Р.С. Белкина философская категория «отражение», имеющая к тому же и метафорический смысл, была «встроена» в отечественную криминалистику. При этом Р.С. Белкину так и не удалось вскрыть и описать криминалистические (частнонаучные) особенности (механизмы) проявления различных форм отражения в сфере познания объектов криминалистики, а также сделать их пригодными для последующего практического использования.

Активно эксплуатируемая Р.С. Белкиным философская категория (метафора) отражения так и не трансформировалась в криминалистическое понятие (термин), который бы соответствовал (терминологическим) требованиям четкости, обоснованности, достоверности, полноты, однозначности, адекватности, конкретности и т.д.

Философская категория «отражение» так и осталась в криминалистике по своей сути предельно общим (универсальным) философским понятием, активно использованным Р.С. Белкиным в его криминалистических текстах.

Важно также отметить следующую особенность текстов Р.С. Белкина и А.И. Винберга, способную ввести читателя в заблуждение при интерпретации их смысла. Эта особенность заключается в том, что Р.С. Белкин и А.И. Винберг правильно отмечают, что не следует переносить философские категории в криминалистику, «что не нужно ни философам, ни криминалистам», а требуется «раскрытие «механизма» их действия в криминалистике, решение собственно криминалистических общетеоретических проблем на базе марксистско-ленинской философии»¹. По их словам, «исследование общетеоретических проблем криминалистики не подменяет и не заменяет собственно философской проблематики. Поэтому предпринимаемый нами анализ этих проблем, разумеется, не является философским анализом. Это лишь рассмотрение точек соприкосновения криминалистики с философией в тех пунктах, где развитие нашей науки со всей очевидностью предполагает обращение к марксистско-ленинской философии»².

¹ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. С. 20.

² Там же. С. 20-21.

Однако на самом деле произошло как раз обратное, т.е. то, чего сами авторы опасались и от чего они предостерегали, то и случилось: под предлогом развития методологических основ криминалистики и разработки ее общей теории ими был осуществлен перенос готового философского знания из марксистско-ленинской философии напрямую в криминалистическую науку, без его трансформации с учетом специфики предмета и объектов этой частной науки.

Более того, все усилия Р.С. Белкина в этой области были ограничены преимущественно гносеологической (философской) стороной проблемы, хотя «абстракция отражения венчает односторонний взгляд на сложный процесс взаимоотношения контрагентов А, В, С и т. д., когда не принимается во внимание многообразие взаимных отпечатываний друг в друге всех участников взаимодействия, а учитывается только запечатлевание некоторых черт, например А в свойствах В. Поэтому более точно о специфическом эффекте взаимодействия А и В следует говорить как о взаимном отражении этих А и В. Собственно же об отражении говорят как о таком одностороннем воздействии А (отражаемого) на В (отражающее), когда в В возникает след от А»¹.

Р.С. Белкин не стал вскрывать и обосновывать конкретные механизмы и конкретные средства отражательного процесса в криминалистической деятельности; не исследовал особенности, степень и другие условия достоверности отражения объективного мира в практической деятельности криминалистов. Другими словами, конкретная криминалистическая исследовательская работа была подменена философской аргументацией и теоретизированием.

При таком подходе было допущено смешение философских идей, частнонаучных криминалистических положений и аргументов здравого смысла. Кроме того, прямой перенос философских идей в криминалистический контекст привел к формированию банальных смыслов в криминалистике, к технической замене слов «изменение», «след», «доказательство» и т.п. на «отражение», а также к натурализму и наивному восприятию криминалистами философской теории познания как отражения.

¹ Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: учебное пособие. С. 217-218.

Криминалистика должна поддерживать тесную связь с практикой, чутко реагируя на ее изменения, а не ориентироваться на получение предельно абстрактных знаний о мире.

Хотя еще в 1966 году В.Я. Дорохов отмечал недопустимость механического перенесения философских категорий в область уголовно-процессуальной деятельности¹.

В.А. Образцов в 2007 г. также заявлял о том, что «категории философии как метанауки при всей их методологической значимости не должны чисто механически переноситься в сферу конкретных наук. Более того, в зеркальном отражении одного в другом просто нет необходимости, если, конечно, исследователь рассчитывает получить не декларативный, не умозрительный, а всесторонне обоснованный, объективный результат»².

Применительно к уголовно-процессуальной науке К.В. Скоблик обращает внимание на необходимость «очерчивать границы философского заимствования» и исключать «механическое внедрение взаимопротиворечивых философских положений» в понятийное поле уголовно-процессуальной науки³.

Анализ криминалистических текстов Р.С. Белкина, посвященных использованию философской категории «отражения», позволяет обнаружить, что за кажущейся объективностью, научной строгостью и логичностью повествования Р.С. Белкина часто обнаруживается метафоричность его суждений, подмена эмпирической обоснованности и конкретики философской риторикой, убеждением, внушением, наглядностью или апелляцией к здравому смыслу.

В результате безусловного доверия авторитету Р.С. Белкина произошло навязывание абстрактных философских схем эмпирической криминалистической науке, превратившее отражение в модное «криминалистическое» слово.

Следует согласиться с мнением Ю.А. Чельцовой, что «неоднозначность и неопределенность криминалистических

понятий и многозначность терминов являются не столько порождением сложности самой криминалистической науки, сколько неразработанностью ее научно-методологической базы для решения понятийно-терминологических проблем и, как следствие, методологической небрежности»¹.

К.В. Бугаев среди проблем в терминологии помимо нечеткого (неверного) определения самих терминов; множественного определения одного и того же понятия; отсутствия четкой демаркации в вопросе относимости термина к некоторой предметной области; излишнего терминологического творчества, особо отмечает такую актуальную проблему, как демаркация (разделения) дефиниций из разных наук².

Учитывая, что криминалистическая реальность постоянно изменяется, требуется пересмотр содержания прежних универсальных криминалистических категорий на предмет их способности адекватно описывать новые криминалистические явления (феномены).

Таким образом, слово «отражение» может иметь различные предметно-логические значения, восприниматься буквально (на бытовом уровне), а также функционировать как метафора, понятие, термин, философская категория и т.п., что влияет на особенности его понимания в различных философских, общенаучных и специально-научных текстах, в том числе и криминалистических.

Нередко слово «отражение» используется в криминалистических текстах как «пустое» слово (слово-призрак, слово-фантом), за которым вообще нет никакого определенного ни предметного, ни смыслового содержания. Например, В.А. Шефер рассуждает: «В рамках прямого опосредованного познания субъект познания из возникшего в окружающей среде отражения напрямую устанавливает факт, вызвавший отражение»³. Или другой вывод В.А. Шефера: «Причинно-связанные факты, устанавливаемые в рамках прямого опосредованного познания в ходе диагностических исследований,

¹ Дорохов В.Я. Установление истины – цель доказывания в советском уголовном процессе // Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М.: Юрид. лит., 1966. С. 112.

² Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. С. 9.

³ Скоблик К.В. Гносеология российского уголовного процесса и критерии ее выбора // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 249.

¹ Чельцова Ю.А. Соотношение термина и понятия в криминалистической науке // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. № 1-2. С. 369.

² Бугаев К.В. Проблемы юридической терминологии (на примере криминалистики и судебной экспертизы) // Современное право. 2011. № 10. С. 25.

³ Шефер В.А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода. С. 10.

подчиняются нескольким формам отражения: однозначному эквивалентному отражению (причина с необходимостью обуславливает определенное отражение, которое является достоверным признаком искомой причины) и альтернативно-эквивалентному отражению (причина с необходимостью обуславливает возникновение одного из нескольких отражений, каждое из которых является достоверным признаком искомой причины)»¹.

¹ Шефер В.А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода. С. 10.

11. МЕТАФОРА ОТРАЖЕНИЯ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Несмотря на свою значимость, проблема использования метафор в криминалистических текстах остается мало изученным явлением в современной криминалистике. В результате этого криминалистами не учитывается то, что активно используемая ими в своих текстах философская категория «отражение» представляет собой метафору, не обладающую четкими границами, допускающую множество трактовок и обширное смысловое богатство при ее интерпретации.

Любая метафора обладает многослойным характером, поскольку имеет различные метафорическое и буквальное значения. Интерпретация метафорического высказывания может повлечь разнообразные (неоднозначные) ее толкования, порождающие многочисленные ассоциативные ряды. Кроме сложности интерпретации метафорических значений, существует ситуация, когда саму метафору не так просто отличить от слова с обычным значением¹. Таким образом, существует, как минимум, две основные проблемы: 1) проблема распознавания метафоры в тексте; 2) проблема ее понимания, т.е. восприятия ее содержания.

К.И. Алексеев отмечает: «Различие между пониманием и распознаванием можно сформулировать так: если мы поняли метафору, то мы нашли ее смысл (или значение), если мы распознали метафору, то мы установили, что данное выражение есть метафора, а не обычное буквальное высказывание»².

В отечественной криминалистике никогда не исследовалось влияние философских теорий познания, с лежащими в их основе базисными метафорами, на формирование и структуру криминалистического научного знания и, прежде всего, общей теории криминалистики. Тогда как традиционное для отечественной науки утверждение «познание – это отражение действительности» представляет собой метафору.

¹ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры // Вестник Пермского университета. 2013. Выпуск 3. С. 81.

² Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 79.

В.Ф. Петренко справедливо обращает внимание на то, что «теория отражения» (часто с дополнением «ленинская»), выступавшая официальной методологией советской науки, базировалась на метафоре «зеркала», отражающего объективную реальность¹.

Соответственно и общая теория российской криминалистики также базируется на метафоре «отражение», опосредуемой идеей зеркала (отражения в зеркале).

Отечественным криминалистам следует адекватно оценивать познавательный потенциал «зеркальной метафоры», а также действительные возможности инструментальной и объяснительной функции метафоры отражения. В противном случае указанная метафора так и останется в большинстве отечественных криминалистических текстов своеобразным клише, пассивно усвоенным криминалистами, но неадекватно ими используемым.

В истории науки отмечается многовековая полемика между сторонниками и противниками метафоры. По словам Н.И. Бересневой, в этой дискуссии «метафора может толковаться в широком диапазоне, начиная от девиантного эпистемологического образования (в идеале классической науки), заканчивая единственно возможным способом представления знаний (в идеале постмодерна), от жесткой установки на полное удаление метафоры из научного языка с помощью различных редуцирующих процедур логического плана до ее абсолютной легитимизации и, наконец, до представления ее как основного, базового элемента познавательной деятельности»².

Многие из представителей естественных наук традиционно стремились ограничивать роль метафоры в философии и науке, поскольку «относились к метафоре пренебрежительно, как лежащему за пределами грамматики средству, характеризующему неряшливое мышление, а не как к законному теоретическому инструменту»³.

¹ Петренко В.Ф. Базовые метафоры психологических теорий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 7.

² Береснева Н.И. Изменение представления о роли метафоры в познавательном процессе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 24.

³ Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 372.

Однако со второй половины XX в. представление о метафоре как о форме мышления стало доминировать¹. По словам Н.А. Мишанкиной, «метафора осмысливается не как поверхностный риторический способ украшения речи, а, напротив, как фундаментальный когнитивный механизм, который организует наши мысли, оформляет суждения и структурирует язык»².

В.В. Налимова отмечает, что «метафоры в науке присутствуют на каждом шагу, и мы даже не замечаем их»³. «Обращение к изучению «реального» языка науки сделало бесспорным факт наличия в нем значительного массива метафорических по своему содержанию и происхождению терминов и высказываний»⁴.

В настоящее время большинство современных исследователей признает важное гносеологическое, когнитивное значение метафор, проявляющееся в их способности формировать новое значение (новые понятия).

Поскольку метафора тесно связана со словом, мышлением и культурой, постольку она изучается различными науками. «Метафора как определённый вид тропов изучается в поэтике (стилистике, риторике, эстетике), как источник новых значений слов – в лексикологии, как особый вид речевого употребления – в прагматике, как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи – в психолингвистике и психологии, как способ мышления и познания действительности – в логике, философии (гносеологии) и когнитивной психологии»⁵.

Чаще всего под метафорой понимают:

- троп, состоящий в употреблении слова, которое обозначает некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или индивида⁶;

¹ Мигуренко Р.А. Метафора в неклассических интерпретациях // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6. С. 95.

² Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? С. 44.

³ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. С. 96.

⁴ Полозова И. Научная реальность – метафора? // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 71.

⁵ Арутюнова Н.Д., К.Ч. Метафора // Большая российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2208483> (дата обращения: 07.04.2019).

⁶ Там же.

- один из основных приёмов познания и наименования объектов действительности, создания художественных образов и порождения новых значений¹;

- языковое действие, заключающееся в том, что вместо слова, употребленного в прямом смысле, используется сходное с ним по смыслу слово, употребленное в переносном смысле²;

- троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении³;

- сознательный перенос названия одного представления в другую сферу – на другое представление, подобное какой-либо чертой первому или предполагающее какие-либо косвенные с ним «анalogии»⁴;

- базовую когнитивную модель, основанную на аналогии и позволяющую осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объектах (явлениях, сущностях)⁵; и т.д.

По словам В.Ф. Петренко, «процесс метафоризации заключается в мышлении по аналогии, когда характеристика одного более или менее известного объекта (события, процесса, состояния) переносится на другой объект, сходный с первым по перцептивному образу, функциональному значению или эмоциональному тону (коннотации), и первый выступает моделью второго, позволяя извлекать из этой аналогии дополнительную информацию. С помощью метафоры человечество осваивает новые, неисследованные области по-

¹ Арутюнова Н.Д., К.Ч. Метафора // Большая российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2208483> (дата обращения: 07.04.2019).

² Акишина Е.О., Мартишина Н.И. Метафоры в философских текстах // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 110.

³ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 296.

⁴ Калашникова Л.В. Метафора и миф. Метафорическое мышление // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 96-97.

⁵ Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 34.

знания, бросая на зыбкую почву незнаемого представления и понятия освоенного мира»¹.

«Однако, так или иначе, метафору можно рассматривать как механизм переноса с объекта на объект некоторых свойств, так и механизм перенесения известного на неизвестное с целью что-то установить, упорядочить. Метафора в этом случае, так же как и миф, позволяет создать конкретный образ для уравнивания объектов с целью объяснения².

В основе метафоры может лежать а) сходство формы, функций, действий, осуществляемых предметами; б) сходство звучаний; в) сходство впечатлений, сложных ассоциаций, порожденных воздействием предметов и т. д.³

Понимание того, что в процессе познания могут возникать случаи, когда мир мыслей оказывается богаче имеющихся языковых резервов, оказывающихся неадекватными для выражения наших мыслей, объясняет потребность в соответствующей метафоре, выступающей единственным средством выразить то, что мы думаем⁴. «Чем сложнее предмет исследования, тем метафоричнее язык его описания»⁵.

«Гносеологическая сущность метафоры состоит в установлении непосредственной связи между внешне отдаленными понятиями в целях обогащения (расширения, уточнения, ассоциативного оформления) смыслового поля ключевого понятия через подключение к нему системы смыслов другого понятия»⁶. Тем самым в системе познания гносеологическое значение метафоры проявляется в ее способности задавать и определять способ понимания какой-либо

¹ Петренко В.Ф. Базовые метафоры психологических теорий. С. 6.

² Верещагина Н.В., Комаров С.В. Мир и тело: инверсия метафоро-мифологической схемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Выпуск 2. С. 206–215.

³ Головин Б.Н. Введение в языкознание. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1977.

⁴ Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизмы функционирования // Философские основы научной теории. Новосибирск: НГУ, 1985. С. 196–220; Мигуренко Р.А. О роли метафоры в философском языке описания сознания // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6. С. 99.

⁵ Мигуренко Р.А. О роли метафоры в философском языке описания сознания. С. 99.

⁶ Акишина Е.О., Мартишина Н.И. Метафоры в философских текстах. С. 110.

предметной области, позволяющий производить описание и обозначение вновь полученного знания.

«Современная когнитивная теория метафоры доказательно развивает тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафорическое моделирование является одним из основных познавательных процессов в ментальной деятельности человека. Мы познаем что-то новое по аналогии с уже известным, осмысливаем нечто абстрактное по образу и подобию чувственных и зримых феноменов»¹.

Согласно когнитивистскому подходу, метафора, «выступает важнейшим инструментом категоризации мира в целом и отдельных предметных областей, структурирования восприятия и чувственного опыта. Благодаря метафоре мы можем свести (и, следовательно, понять) абстрактные понятия к физическому, чувственному опыту в его связи с внешним миром, то есть понятийная система метафорична по своей сути. Метафорическое понятие является посредником между репрезентацией мира в понятиях и нашим сенсорным опытом»².

В когнитивном исследовании метафоры выделяют следующие четыре крупных направления: теория концептуальной метафоры; дескрипторная теория метафоры; теория метафорического моделирования; теория интеракции»³.

Среди исследователей метафоры широкое распространение получила теория концептуальной метафоры, разработанная американскими учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном во второй половине XX века. Указанные ученые изучали метафору как языковое явление, отражающее мыслительные процессы, так и явление, пронизывающее всю жизнь человека, понятийная система которого по сути своей метафорична. По их мнению, метафора представляет собой ментальную проекцию (метафорический перенос) из концеп-

¹ Юрина Е.А. Пищевая метафора: объем и границы понятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1. № 3 (63). С. 207.

² Барышников П.Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб.: Алетейя, 2010. С. 162.

³ Кузютова Ольга Сергеевна Основные направления в когнитивных исследованиях метафоры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-v-kognitivnyh-issledovaniyah-metaforu> (дата обращения: 13.05.2019).

туальной области источника (посредством которой происходит осмысление нового) в концептуальную область цели, требующей осмысления. Другими словами, суть метафоры заключается в «понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида»¹. Лакофф и Джонсон подчеркивали человеческую склонность концептуализировать с помощью метафор то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко².

Х. Ортега-и-Гассет также утверждал: «Метафора имеет в науке два разных употребления. Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то есть когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятным, ученый выбирает, такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора»³.

С другой стороны, Ортега-и-Гассет подчеркивал, что метафоры необходимы для того, чтобы сделать нашу мысль доступной для собственного мышления и для других людей, особенно в случаях, когда объекты очень сложно воспринимаются мыслью. В таких случаях трудноуловимые мыслью предметы посредством обращения к метафоре осмысливаются на примере объектов, которые понятны и легко доступны восприятию.

На примере обозначения явлений психологического порядка Х. Ортега-и-Гассет отмечает: «Но все дело в том, что интересующий нас психический объект не только трудно назвать, о нем даже трудно помыслить. Он ускользает от нас; мысль не может его уловить. Тут мы начинаем замечать, что метафора служит не только наименованию, но и мышлению. В этом заключена вторая – более глубокая и существенная – функция метафоры в познании. Метафора

¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 27.

² Степанцов П.М., Ермакова В.Б. Метафорические и метонимические стратегии социологического теоретизирования М.: РАНХиГС, 2016. С. 17.

³ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 69.

нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления»¹.

«Итак, метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет «руку» интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке»². Тем самым абстрактные (в том числе и невидимые человеческому глазу явления) трактуются в хорошо знакомых и конкретных понятиях (терминах). «Превращение в знакомое поистине является сущностью метафоры»³. При этом метафора выступает чуть ли не единственным способом уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции.

Таким образом, Х. Ортега-и-Гассет обозначил два основных способа использования метафоры в научном дискурсе: 1) для соответствующего словесного обозначения (наименования) научного открытия, обеспечивающего образное восприятие его сути; 2) для того, чтобы абстрактные объекты, не поддающиеся буквальному выражению в языке, стали доступными для мышления.

Общеизвестна конституирующая роль метафоры по отношению к философским и научным теориям. Важно учитывать взаимосвязь теорий с лежащими в их основе базисными (базовыми) метафорами. От выбора метафоры напрямую зависит последующее построение той или иной теории, поскольку метафора обладает способностью задавать определенный способ видения объекта. «Формируя представление об объекте, метафора предопределяет способ и стиль

¹ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 71.

² Там же. С. 72.

³ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев. М.: «Канон+» ЗИЦИ «Реабилитация», 2009. С. 38.

мышления о нем»¹. Это связано с тем, что на основе механизма метафоризации моделируется как сам объект познания, так и некоторая система понятий, необходимая для обозначения (представления) этой модели. Тем самым метафора способна к конструированию реальности. Подобные метафорические модели закрепляются в текстах. М. Блэк сравнивал метафору с закопченным стеклом, сквозь которое мы смотрим на мир².

К числу таких базисных (ключевых) метафор относится и метафора отражения, которая лежит в основе общей теории отечественной криминалистики. Именно эта метафора определяет смысловую доминанту способа видения познаваемых криминалистикой объектов, влияет на формирование их когнитивной модели и терминосистемы.

Концептуальная (базисная) метафора «отражение» играет роль гипотетического допущения, положенного в основу теории познания как отражения на основе визуальной аналогии. Тем самым достигается некое целостное представление о мире и его познании, без «разглядывания» их отдельных деталей.

Тема познавательного отражения проходит через всю историю философии и науки: от первых идей античных материалистов (Демокрит и Эпикур), английских и французских материалистов Нового времени (Фр. Бэкон, К. Гельвеций, Д. Дидро, Дж. Локк и др.) до распространивших принцип отражения на всю материю основоположников марксистско-ленинской философии и их последователей³.

Справедливости ради следует отметить, что «древнейшие представления о душе, духе, разуме или мышлении чаще всего были связаны отнюдь не с метафорой отражения, а как раз с метафорой потока»⁴.

¹ Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Якутск, 2000. С. 17.

² Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 160-171.

³ Грецков В.В. Развитие гносеологических концепций отражения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Киров, 2012. С. 3-4.

⁴ Фомина К.Н. Альтернатива эйдоса и энергии в теориях психики, сознания и жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258). Философия. Социология. Культурология. Выпуск 23. С. 29.

В XVII-XIX вв. метафора познания как отражения приобрела парадигмальный характер в европейской мысли, став базисной для рационализма¹.

Однако наряду с различными философскими учениями, признающими роль отражения в процессе познания, активно развивались и концепции, отрицающие данную идею (античные софисты, Э. Мах, Д. Юм и др.)².

Выступая в качестве одного из возможных инструментов познания действительности, метафора «отражение» эксплуатирует свой особый когнитивный метафорический потенциал для получения нового значения (нового знания), обеспечивая реализацию своей гносеологической функции. Не случайно отражение, наряду с другими зрительными метафорами (зеркало, образ) приобретает значения универсалий культуры³. А. Вежбицкая, анализируя взаимосвязь культуры и семантики языка, приходит к выводу, что «то, как люди мыслят, определяется категориями, имеющимися в их родном языке»⁴.

Применение метафоры отражения в философии было оправдано тем, что в буквальном языке нет другого слова, которое было бы способно прояснить философские смыслы предельной общности понятия сознания.

«Философские истины априорны и постигаются умозрительно. На противоречие между априорным характером философских суждений и их эмпирическим языковым выражением указывали З. Вендлер, Дж. Лакофф и М. Джонсон. Противоречие заключается в том, что не зависящие от опыта философские концепты находят языковое воплощение через вполне приземлённые понятия, и совершается это путём образного отождествления. Опираясь концептами высокой степени абстракции, философия обращается к метафоре, позволяющей выразить абстрактное через конкретное, мета-

физическое через физическое. Именно образное отождествление позволяет философии преодолеть барьер чистой умозрительности и виртуальности и быть поднятой до уровня постижения объективной действительности. Особый метафизический фон, на котором разыгрывается философское «действие», создаётся метафорой»¹.

Р.А. Мигуренко также отмечает, что «приоритет в философском языке описания сознания принадлежит метафоре, так как другого, более мощного способа уловить и содержательно определить объект такой высокой степени сложности не существует»².

Таким образом, метафора выполняет важную функцию языкового закрепления предельных абстракций мышления. «Каждый акт мышления нуждается в вербальной репрезентации, и здесь очень часто помогает метафора, позволяющая сделать представимым то, что непредставимо непосредственно – общее, всеобщее»³. «Это связано с тем, что любой мыслительный процесс сопровождается образным представлением, где мысль обретает связь с действительностью. Даже самые абстрактные рассуждения требуют соответствующего им образа. Именно в этом метафора становится связующим звеном, опосредующим переход от абстрактного к конкретному и наоборот»⁴.

Реальный физический процесс отражения, который может быть дан непосредственно (эмпирически), метафорически переносится для определения (представления) объектов высокой степени абстрактности, которые непосредственно непредставимы. Другими словами, при использовании метафоры «отражение» взаимодействуют две понятийные сферы: представление о свойстве конкретного (известного) объекта, обладающего чувственным бытием (визуально воспринимаемое зеркальное отражение) и другая понятийная сфера абстрактного характера (атрибутивное свойство материи,

¹ Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус. С. 17-18

² Грецов В.В. Развитие гносеологических концепций отражения. С. 4.

³ Соколов А.В. Информация как метафора // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2013. №. 200. С. 420.

⁴ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 156.

¹ Ковязина Е.Н. Концептуальная метафора как способ репрезентации специального знания в философском дискурсе (на материале произведения Б. Рассела «History of Western Philosophy» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2013. № 2 (2). С. 14.

² Мигуренко Р.А. О роли метафоры в философском языке описания сознания. С. 99.

³ Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе. С. 29.

⁴ Там же.

познание/сознание). Благодаря названию объекта одного класса (зеркальное отражение) для описания и объяснения объекта другого класса (познание, сознание) происходит преобразование (расширение) контекста его употребления. В результате чего метафору «отражение» можно представить в виде следующей когнитивной модели: «некая абстрактная сущность – это отражение» или «нечто – это отражение». Тем самым, посредством использования метафоры отражения осуществляется номинация и концептуализация познаваемой абстрактной сущности в терминах известной (предметной) отражательной сущности.

В.И. Абраменко отмечает, что «категория отражения была выработана с целью осуществления критики теории познания, расщепляющей мир на феноменальный и ноуменальный. При таком расщеплении возникают гносеологические трудности: объективный мир недоступен познающему субъекту»¹.

«Разрабатывая диалектико-материалистическую концепцию познания, Ленин предлагает категорию отражения в качестве основополагающей, чтобы отчетливо показать непосредственный доступ объективной действительности субъекту. Поэтому ключевыми принципами выступают признание существования объективного мира и признание познаваемости мира для человека»².

В.И. Абраменко подчеркивает, что метафора отражения «является наиболее эффективным инструментом при попытках уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции. В данном случае эти объекты были связаны со сферой идеального. Такие объекты намного сложнее выразить в вербальной форме ..., поскольку эта сторона действительности намного сложнее и ее нельзя свести ни к математической формуле, ни к эмпирическим проявлениям»³.

Таким образом, «метафора играет ведущую роль при объяснении базовых философских понятий, прояснении сущности философских концепций»⁴, а также «помогает

¹ Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе. С. 27.

² Там же.

³ Там же. С. 29.

⁴ Акишина Е. О. Роль метафоры в философии Платона // Вестник Новосибирский государственный университет. Серия: Философия. 2009. Том 7. Выпуск 1. С. 146.

оформиться философскому понятию и является этапом в его становлении»¹.

«Оперируя концептами высокой степени абстракции, философия обращается к метафоре, позволяющей выразить абстрактное через конкретное, метафизическое через физическое»². Х. Ортега-и-Гассет отмечает: «Когда тот или иной автор упрекает философию в использовании метафор, он попросту признается, что не понимает и философию, и метафору»³.

Хотя метафора «отражение» является категорией философии, однако ее использование не имеет устойчивых семантических характеристик. В истории философии она выражала разные значения: от представлений античных материалистов (Демокрит, Эпикур) до ленинской теории отражения и лакановской «стадии зеркала» в развитии личности»⁴.

А.А. Юрганов особо подчеркивает: «Метафора «зеркала» (и «отражения») является, безусловно, многозначной. Поэтому важно отграничить значение, в котором мы её употребляем от других ближайших вариантов её прочтения»⁵.

«Приписывая метафорам строгие значения, мы не только получаем неполное представление о сути философского высказывания, но и в конечном счете – неправильное представление. За пределами нашего внимания остается самое главное – то, как сам автор оценивает его достоверность, и мы оказываемся вынужденными приписывать свою оценку, так как всякое понимание – прежде всего акт оценки»⁶.

¹ Желтоножко А.О. Метафора и понятие как неотъемлемые элементы философского текста // Alter Idem. Выпуск 2: Феноменология реальности: конструктор и концепт. М.: Спутник, 2009. С. 45-46.

² Ковязина Е. Н. Концептуальная метафора как способ репрезентации специального знания в философском дискурсе (на материале произведения Б. Рассела «History of Western Philosophy»). С. 14.

³ Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. М.: Радуга, 1991. С. 203.

⁴ Фомина К.Н. Альтернатива эйдоса и энергии в теориях психики, сознания и жизни. С. 28.

⁵ Юрганов А.А. «Учитель должен быть лишь зеркалом для своего ученика»: набросок педагогической утопии. Ассистент кафедры «Философии, психологии и педагогики» КубГМУ // URL: [http://ksma.ru/cms/files/юрганов%20а.а.%20учитель%20должен%20быть%20лишь%20зеркалом%20для%20ученика%20\(тезисы\).pdf](http://ksma.ru/cms/files/юрганов%20а.а.%20учитель%20должен%20быть%20лишь%20зеркалом%20для%20ученика%20(тезисы).pdf) (дата обращения: 15.05.2019).

⁶ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры // Вестник Пермского университета. 2013. Выпуск 3. С. 84-85.

«Туманность» философской метафоры отражения только расширяет границы ее интерпретаций в стремлении прояснить новые смыслы предельных абстракций, которые объясняются философской концепцией.

Исследователи подчеркивают важность релевантного употребления философских метафор и адекватного понимания их значений¹. Г.А. Ермоленко и С.Б. Кожевников верно отмечают, что «не подлежит сомнению тот факт, что интерпретация метафоры в правилах естественного языка и формальной логики приводит нас к непониманию содержания философского текста»².

По словам М.К. Мамардашвили, в философской метафоре ясность парадоксально сосуществует с трудностями ее понимания: «Язык метафоры – это всегда мускулистый язык, на котором хорошо сказано о сути дела. Только для понимающего, конечно»³.

Синтетический характер философского языка придает описаниям сознания логически противоречивый характер⁴; «метафора не может быть проинтерпретирована исходя из формально-логического подхода, так как он не может фиксировать скрытый смысл высказывания»⁵; «при буквальном прочтении метафорическое выражение ложно»⁶.

Нужно обязательно учитывать, что визуальная метафора «отражение» порождает и вопрос о соотношении видимости и реальности. Наполненность метафоры отражения визуальными ассоциациями допускает отождествление видимости и реальности на основе некой «самоочевидности».

¹ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры. С. 81; Желтоножка А.О. Метафора и понятие как неотъемлемые элементы философского текста. С. 46.

² Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры. С. 81.

³ Мамардашвили М.К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 54.

⁴ Мигуренко Р.А. О роли метафоры в философском языке описания сознания. С. 101.

⁵ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры. С. 82.

⁶ Фетисов А.Ю. Метафора в научном тексте: понимание текста и субъективность лингвистического анализа // Вестник Нижневартского государственного университета. 2014. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-nauchnom-tekste-ponimanie-teksta-i-subektivnost-lingvisticheskogo-analiza> (дата обращения: 13.05.2019).

Широкое распространение обыденного понимания отражения оказывает негативное влияние на восприятие (представление) сути философского высказывания.

В.И. Абраменко обоснованно отмечает трудности адекватного восприятия метафоры отражения, «когда может возникнуть отождествление отражения вообще с его частным случаем – зеркальным отражением. Такое отождествление вполне закономерно, если исходить из того, что в обыденной жизни человека прагматическая необходимость в отражении удовлетворяется только при помощи зеркала»¹. В таком случае «за пределами нашего внимания остается самое главное – то, как сам автор оценивает его достоверность, и мы оказываемся вынужденными приписывать свою оценку, так как всякое понимание – прежде всего акт оценки»².

М. Блэк особо подчеркивал то обстоятельство, что метафора отбирает, выделяет одни характеристики объекта и устраняет другие. М. Блэк был одним из первых, кто четко обосновал следующее положение: «В ряде случаев было бы более правильно говорить, что метафора именно создает, а не выражает сходство»³. Другими словами, метафора не раскрывает сходство, а скорее создает (предписывает) сходство вещам⁴. Тем самым метафора задает определенный способ видения объекта.

Р.И. Зарипов отмечает, что с помощью метафоры, представляющей собой сложный и многогранный когнитивный механизм, комплексную образно-семантическую структуру и эпистемологическую категорию «происходит не только познание, объяснение, оценка и преобразование действительности, но и её намеренное искажение»⁵.

Ф. Анкерсмит считает, что, прибегая к метафоре, мы скорее уклоняемся от интеллектуальных вызовов, чем прини-

¹ Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе. С. 28.

² Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры. С. 84-85.

³ Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 160-171.

⁴ Барышников П.Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб.: Алетейя, 2010. С. 33.

⁵ Зарипов Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015. С. 4.

маем их, поскольку, превращая незнакомое в знакомое, метафора из посредника между нами и реальностью превращается в барьер, закрывающий доступ к реальности¹.

«Именно в этом смысле метафора – оптика, организующая взгляд наблюдателя»². «Несколько огрубляя, можно сказать, что человек видит только те альтернативы, которые совместимы с данной метафорой и которые она высвечивает в ситуации коммуникативного взаимодействия»³.

Вполне также можно допустить, что «свойство отражения» обнаруживается не столько в свойствах всего множества реальных объектов, которым оно приписывается, а, скорее, в самих ассоциациях, которые связываются с употреблением слова «отражение». В этом смысле можно говорить о том, что метафора отражения создает определенное сходство.

Дж. Серль также обращал внимание на проблему наличия у метафоры буквального и метафорического значения. Дж. Серль связывал проблему метафоры с отношениями между значением слова и предложения, а также со значением высказывания (значением говорящего) и значением, возникающим в процессе восприятия метафоры. Метафора позволяет говорить одно, но иметь в виду нечто другое. Поэтому Дж. Серль метафорическое значение связывал со значением высказывания говорящего. Поскольку получатель (слушатель, читатель) может вообще не воспринимать высказывание в качестве метафоры. Кроме того Дж. Серль отмечал: «Тем самым даже в буквальных высказываниях, где значение говорящего совпадает со значением предложения, вклад говорящего в высказывание больше, чем просто семантическое содержание предложения: это семантическое содержание задает набор условий истинности только относительно набора предложений говорящего, и чтобы коммуникация была успешной, эти предложения должны разделяться слушающим»⁴.

¹ Степанцов П.М., Ермакова В.Б. Метафорические и метонимические стратегии социологического теоретизирования М.: РАНХиГС, 2016. С. 16.

² Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М.: ЦСП и М, 2013. С. 27.

³ Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 16.

⁴ Серль Дж. Метафора // Теории метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 311.

В.А. Татаринов отмечает, что «новое метафорическое значение всегда обусловлено старым»¹.

Значительная часть исследователей метафоры, исключая возможность существования двух значений метафоры – буквального и метафорического – оставляют приоритет за ее буквальным значением². По словам Д. Дэвидсона, «метафоры означают только то (или не более того), что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении»³; «нам представляется, будто существует некоторое содержание, которое нужно «схватить», в то время как речь идет о том, к чему метафора привлекает наше внимание»⁴.

Е.Г. Афонина справедливо отмечает, что непонимание или незнание одной из сторон метафорического выражения в речи «может повлечь за собой либо поиск буквального смысла, либо игнорирование информации. И того, и другого необходимо избегать»⁵.

Одним из способов преодоления указанных сложностей является исследование контекстуальной реализации метафоры. Другими словами, метафора может быть адекватно рассмотрена при изучении контекста ее использования.

«Для понимания метафоры оказывается недостаточным знания словарных значений образующих ее буквальных выражений. Необходимо понять философскую мысль, прочесть весь текст»⁶.

¹ Татаринов В.А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: (функциональные и статусные характеристики). Сб. обзоров. Серия «Теория и история языкознания». Отд. языкознания. Отв. ред.: Опарина Е.О., Казак Е.А. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005. С. 153.

² Абрамов Р.Н. Дефиниционистские метафоры в теоретической социологии // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 24.

³ Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 173.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Афонина Е.Г. Использование метафор в социологическом исследовании // Методы социологических исследований: сб. ст., напис. на базе выпускных квалификац. работ студ. факультета социологии ГУ ВШЭ 2004-2006 гг. (спец. - Прикладные методы социолог. исследований) / отв. ред. Ю. Н. Толстова, Г. К. Балашова. М.: ТЕИС, 2006. С. 68.

⁶ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры. С. 86.

«Метафора не может быть проинтерпретирована внутри ограниченного контекста, так как она не имеет эмпирического научного смысла. Смысл метафоры определяется мыслью автора философского текста. В одном тексте метафорическое выражение, употребляясь сотни и даже тысячи раз, все равно останется метафорой, тогда как в другом оно может быть воспринято сразу же как буквальное»¹.

Е.Ю. Шакирова отмечает: «Тем не менее, несмотря на свою оригинальность и появление нового смыслового багажа, метафорические концепты постепенно теряют тот контур, который был заложен в них изначально. Связано это с тем, что любая метафора несет в себе отпечаток субъективной природы конкретного исследователя. Сам философ всегда будет находить в своем понятии только то, что он в него заложил, или то, что он намеревался в него заложить. В то время как его последователи, единомышленники или те, кто опирается на положения его теории, видят или могут увидеть в этом понятии иной смысл, постепенно поле метафоры расширяется, она наполняется новым содержанием, иногда не совпадающим с первоначальным»².

А.П. Чудинов констатирует: «Сила метафоры, ее «голубая кровь» (А.Н. Баранов) заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира. Метафора – как партком в коммунистической России – все решает и ни за что не отвечает»³.

Рассматривая метафору в функциональном ключе, следует учитывать, что она, по словам Н.Д. Арутюновой, обеспечивает настолько прочное слияние образа и смысла, что его разрыв не поддается логическим основаниям⁴.

¹ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры. С. 86.

² Шакирова Е.Ю. Метафора как средство философского познания // Амурский научный вестник. 2014. № 1. С. 212.

³ Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. С. 21.

⁴ Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 20.

Метафора – это, прежде всего, продукт деятельности воображения, создающего новые образы. Именно воображение автора метафоры (и ее интерпретатора) способно открывать неожиданные аспекты восприятия объекта. При этом возникающая интуитивная «вспышка понимания» предшествует получению знания в его логической форме.

Возможно, подобное («вспышка понимания») произошло и с Р.С. Белкиным. Достаточно вспомнить его следующие слова: «Страна тогда готовилась торжественно отметить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, и все мы считали своим долгом, каждый в своей области, показать роль Ленина. Перечитывая в который уже раз его философские работы, я вдруг как бы заново увидел знакомые слова о том, что в самом основании материи лежит родственное ощущение свойство – свойство отражения. Впору было кричать «эврика!» Это было именно то, что требовалось: ведь действительно, именно это свойство лежит в основе всей криминалистики: следы преступления и преступника – это отражение его действий, показания свидетелей – отражение воспринятых фактов и явлений, план расследования – отражение замысла следователя и т. п. и т. д.»¹

Несложно заметить, что к указанному выводу о роли отражения в криминалистике Р.С. Белкин пришел не в ходе последовательной цепи рассуждений, а случайно, в результате «озарения», возникшего в силу смысловой неопределенности (подмены понятий) и множества возможных трактовок метафоры «отражение». Ранее уже отмечалась способность метафоры делать абстрактное легче воспринимаемым² и оказывать влияния на сознание (подсознание) ее потребителя³. Основываясь на принципе фиктивности («как если бы»), метафора синтезирует новые концепты, нарушая границы несовместимого⁴.

¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. С. 225.

² Шальнева В.А. Метафорическое терминообразование в англоязычной компьютерной терминосистеме // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 46.

³ Ванова А., Палагина И. Метафора как способ оказать влияние: PR, реклама, журналистика // Рекламодатель: теория и практика. 2010. № 10. С. 28.

⁴ Жоль К.К. Мысль, слово, метафора. Киев: Наукова думка, 1984. 301 с.

В своей работе «Что означают метафоры» американский философ Д. Дэвидсон обращает внимание на галлюциногенные свойства метафоры для языка: «Метафора – это греза, сон языка (dreamwork of language) ... Метафора, делая некоторое буквальное утверждение, заставляет нас увидеть один объект как бы в свете другого, что и влечет за собой прозрение. Поскольку в большинстве случаев оно несводимо (или не в полной мере сводимо) к познанию некоторой истины или факта, то наши попытки буквально описать содержание метафоры просто обречены на провал»¹.

А.А. Ивин, говоря об интуитивном переживании, истолковании и понимании объектов, связанных с деятельностью человека, констатирует: ««Понимание» в этом смысле противостоит объяснению естественно-научного характера. Существо объяснения состоит в подведении некоторых частных явлений под общий закон, и, соответственно, задача естественных наук заключается в раскрытии таких законов и тем самым – единообразия природы. Понимание же является непостижением истины, а постижением ценности, которая носит субъективный характер и стандарты которой меняются от человека к человеку, от среды к среде и от общества к обществу. Если истина открывается на пути обобщения опыта и эксперимента, то ценность может быть открыта только посредством «интуитивного соприкосновения» с нею»².

В этой связи М.К. Каминский, отмечая определенную условность использования таких понятий, как преступление, механизм преступления, информация, доказательство и доказывание, также обращал внимание на то, что для многих криминалистов названные понятия были интуитивно понятны, но требовали разъяснения контекста³.

По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, «источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге»; научная метафора – это «орудие, а не продукт научного

поиска»¹. Метафора задает определенный способ видения объекта², «метафора – орудие мышления»³.

Рассматривая метафору не как вид знания, а как способ познания, М.А. Кузьмина приходит к выводу, что метафора «приближает нас к научной истине, но сама не может быть оценена в рамках истинности или ложности»⁴. «Как и теория, метафора, не описывая реальность во всех ее аспектах, тем не менее, особым образом приближает нас к постижению окружающего мира, в глубинах которого сокрыта истина»⁵.

О.С. Зубкова подчеркивает, что «философская метафора имеет дело не с самими явлениями, а с их смыслами, не с действительностью самой по себе, а с её данностью относительно сознания человека. При этом сферой деятельности философской метафоры становится не сама реальность, а ее теоретическая модель, включающая избранные абстрактные объекты»⁶.

Таким образом, значение метафоры вообще не описывает какой-либо факт, оно лишь способствует его адекватному восприятию, которое, в свою очередь, происходит благодаря взаимодействию вышеупомянутого буквального смысла слова с опытом реципиента⁷. Во многом от личного опыта коммуникантов, их фоновых знаний зависит индивидуальное «наполнение» метафорической модели⁸.

В указанном разделе работы далеко неслучайно уделено такое большое внимание анализу метафоры. Без осознания

¹ Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. С. 15.

² Абрамов Р.Н. Дефиниционистские метафоры в теоретической социологии. С. 32.

³ Лукоянова Т.В. Терминологическое поле «хирургический инструментарий»: когнитивный аспект (на материале немецкого языка): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Астрахань. 2017. С. 114

⁴ Кузьмина М.А. Метафора как элемент методологии современного научного познания // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 50.

⁵ Там же.

⁶ Зубкова О.С. Метафора в философской парадигме // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 1 (13) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-filosofskoy-paradigme> (дата обращения: 13.05.2019).

⁷ Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры. С. 84.

⁸ Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели. С. 33-34.

¹ Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / Общ.ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 173.

² Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. С. 19-20.

³ Каминский М.К. Интеллектуальный блеск и теоретические трудности зрелого Р.С. Белкина. С. 161.

метафоричности философской категории отражения трудно понимать ее предельно общий характер и многозначность.

Как уже отмечалось, метафора, проникая в сознание, способствует формированию конкретных установок по восприятию действительности. «Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира»¹.

Смена базисных метафор, положенных в основу философской или научной теории, приводит к их изменению (смене). «В некотором смысле метафора подобна глазу, с помощью которого мы воспринимаем окружающий мир, забывая о его незримом посредничестве»².

Поскольку метафора не только формирует представление об объекте, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем³, постольку разные метафоры задают разные модели действительности⁴. И, как результат, способны приводить к изменению прежних идей и теорий.

Например, М.И. Пантыкина отмечает, что стратегию познания права, как форму отражения действительности общественным сознанием, нельзя считать единственно верной⁵. По ее мнению, «в истории философии в рамках сложившихся парадигм сознания можно выделить три стратегии познания права: 1) познание права как отражение; 2) познание права как конструирование; 3) познание права как конституирование (смыслообразование)»⁶.

¹ Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. С. 4.

² Печерская Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Политические исследования. 2004. № 2. С. 96.

³ Шабанов Л.В. Метафора смысла и адиафора отражения // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». 2006. № 291. С. 127.

⁴ Алексеев К.И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса / под ред. Н.Д. Павлова. М.: ПЕРСЭ, 2002. С. 40–50. // URL: <http://old.virtualcoglab.ru/html/Alekseev.html> (дата обращения: 13.05.2019).

⁵ Пантыкина М.И. Методология философского исследования права // Философия права. 2014. № 2 (63). С. 23.

⁶ Там же.

Соответственно, смена базовой метафоры «познание – это отражение», на «познание – это конструирование» способна изменять прежние поля значений, смыслов и образов в процессе познания. «Первый подход состоит в понимании познания как отражения существующей вне познающего субъекта объективной реальности. Второй подход, утвердившийся в философии после Канта, рассматривает познание как конструирование объекта познания познающим субъектом, сквозь призму практических интересов последнего. Если в первом случае знание получается максимально объективным из-за исключения всякой субъективности из процесса познания и его результатов, то во втором знание, напротив, отягощено ценностными предпочтениями субъекта»¹.

Метафорическая модель «познание – это отражение (картина, отпечаток, оттиск и т.п.) сводит операциональную структуру познавательной деятельности к различного рода отражательным процедурам. Тогда как метафорическая модель «познание – это конструирование» может как противопоставляться первой, полностью замещая отражательные приемы познания процедурами репрезентации, интерпретации, конвенции и т.п., подчеркивающими коммуникативную и ценностно-личностную природу познания»², так и выступать в качестве дополнения первой (конструктивный реализм).

Изложенное в полной мере относится и к общей теории криминалистики: изменение (замена, дополнение) базисной (ключевой) метафоры, положенной в ее основу, способно повлечь существенную перестройку всей структуры общей теории криминалистики.

Можно сказать, что метафора отражения облегчает понимание, но не имеет большого значения для углубления теоретических представлений в самой криминалистике. В литературе справедливо отмечается, что в метафоре, лежащей в основе понятия отражения, «кроется неоднократно отмечавшаяся критиками этого понятия опасность примитивизации сложного отношения образов и понятий к действительности

¹ История и методология юридической науки: коллективная монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 62.

² Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Якутск, 2000. С. 19.

и истолкования его в буквальном смысле физического подобия, когда мы имеем в виду отражение одних объектов в других (зеркало, гладкая поверхность воды и пр.)»¹. Метафора «отражение» способна порождать побочные ассоциации, а также принимать некоторое внешнее сходство между предметами и явлениями за внутренние (глубокие, сущностные, устойчивые) структурные связи.

Как известно, «термин, обозначая слово/словосочетание, связывается с понятием посредством определения, но слово не может называться термином, пока не определено понятие»²; термин – это слово или словосочетание специального языка, выбираемое или создаваемое для точного выражения специального понятия³; «в задачи термина входит не только обозначение понятия, но и его максимально точное раскрытие»⁴.

Метафора отражения не стала в криминалистике терминологической единицей, необходимой для языковой фиксации новых, ранее не существовавших в криминалистике реалий, процессов и понятий, а также для переосмысления ранее принятых терминов. Зачастую слово «отражение» используется в криминалистике в качестве синонимов таких понятий как «след», «отпечаток», «образ», «восприятие», «доказательство» и т.д. Например, Т.В. Аверьянова использует «отражение» как синоним «восприятия» человека⁵.

Таким образом, для целей нашего исследования важно уяснить, что философская метафора отражения так и не трансформировалась в криминалистическое (научное) понятие со строгим, однозначным и устойчивым научным содержанием, а ее использование в криминалистике не привело к

¹ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 405.

² Киселева Н.И. Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 2 (58). С. 310.

³ Багана Ж., Таранова Е.Н. К вопросу об определении понятий «термин», «терминология» и «термосистема» в лингвистике // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 149.

⁴ Шмыгленко Р.В. К проблеме метафоризации как способа терминообразования в научном дискурсе // Молодой учёный. 2014. № 21 (80). С. 813.

⁵ Аверьянова Т.В. Значение криминалистической теории отражения для судебно-экспертной практики // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 11.

получению нового (криминалистического) знания о криминалистической реальности.

То, что «отражение» не стало специальным криминалистическим термином (понятием), подтверждается и тем обстоятельством, что ни в одном известном нам специализированном криминалистическом словаре нет толкования такого термина. Так, в «Краткой энциклопедии» Р.С. Белкина (1993) отсутствует термин «отражение», хотя Р.С. Белкин и заявлял о необходимости «унифицированного использования научной криминалистической терминологии в литературе и практике борьбы с преступностью»¹. Отсутствует определение отражения в «Криминалистической энциклопедии» (1997)², «Энциклопедии судебной экспертизы» (1999)³ и в «Криминалистической энциклопедии» (2000)⁴.

За научной школой Р.С. Белкина в криминалистике стоит базовая метафора, имеющая характер визуального образа, т.е. философская метафора отражения, которая не обладает четкими смысловыми границами, допускает множество трактовок при ее интерпретации. Множественность образов, лежащих в основе метафорических выражений со словом отражение, и их возможных толкований способны вводить в заблуждение, создавая все более изощренные версии толкования метафоры отражения.

Представляя собой некий абстрактно-понятийный (виртуальный, нередко фантомный) конструкт, метафора отражения не способна адекватно объяснять «живое» (практическое) познание, активную и творческую роль субъекта (криминалиста) и т.п. Поэтому перед криминалистами стоит трудный выбор: продолжать многочисленные попытки отразить (усовершенствовать, уточнить и т.п.) криминалистическое содержание философской категории «отражение», либо отбросить это слово, разработать (предложить, придумать) более адекватные (продуктивные), чем отражение, слова (базовые метафоры), предлагающие новые спосо-

¹ Криминалистика: Краткая энциклопедия / Авт.-сост. Р.С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 3.

² Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. 342 с.

³ Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской, М.: Юристъ, 1999. 552 с.

⁴ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд., доп. 334 с.

бы понимания криминалистического познания. Так, Р. Рорти предлагал отказаться от использования в текстах (речи) любых визуальных метафор, включая и метафору отражения.

Приведенный анализ свидетельствует о том, что использование в криминалистических текстах философской метафоры «отражение» сопряжено с множеством сложностей, которые нельзя игнорировать.

Также не стоит забывать, что широкое использование метафоры «отражение» в нашей стране во многом было обусловлено социокультурными (политико-идеологическими) особенностями советского общества. Метафора отражения была неотъемлемой частью культуры нашей страны и выступала в качестве обязательного (традиционного) способа выражения языковой картины мира в советский период времени. Окруженное почти «мистическим» ореолом, «отражение» стало использоваться в философских и научных текстах в качестве своеобразного «символа веры» и инструмента артикуляции политико-идеологических интересов. Оно настолько укоренилось в сознании отечественных ученых, что зачастую перестало осознаваться ими как метафора.

Будучи принадлежностью культуры мышления советской эпохи, «отражение» по-прежнему претендует в отечественной криминалистике на адекватное, всестороннее и исчерпывающее описание и объяснение всех, в том числе и новых криминалистических явлений, несмотря на всю тщетность таких попыток.

12. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФИЛОСОФИИ И КРИМИНАЛИСТИКИ

Вопрос о взаимоотношениях философии и криминалистики приобрел в настоящее время особую важность. С того времени, когда Р.С. Белкин использовал достижения отечественной философии 60-70-х годов прошлого столетия для создания концепции общей теории криминалистики, прошло более полувека.

За прошедшее время кардинально изменилось общество, государство, правоприменительная практика, философия, наука и т.д. Мировой философией и наукой были получены новые знания, разработаны новые методологические подходы. Например, в отечественной философии науки В.С. Степиным была разработана оригинальная концепция исторических типов рациональности (классическая, неклассическая и постнеклассическая). Получило обоснование идея о том, что при переходе от классической науки к неклассической и постнеклассической меняются научные картины мира, ее идеалы и нормы, а также философско-мировоззренческие основания. «Подход к научному исследованию как к исторически развивающемуся процессу означает, что сама структура научного знания и процедуры его формирования должны рассматриваться как исторически изменяющиеся»¹.

Однако философская основа отечественной криминалистики, не смотря на произошедшие изменения, по-прежнему остается неизменной и намертво связанной с диалектическим материализмом и его теорией отражения. Несмотря на то, что в современной философии происходят существенные изменения, влияющие на стратегии дальнейших исследований в науке, тем не менее, большинство отечественных криминалистов не восприимчивы к ним.

Получается, что принципы неклассической теории познания (В.А. Лекторский), а также неклассической и постнеклассической рациональности (В.С. Степин) практически не проникают в сферу криминалистического знания. Более того, отечественной криминалистикой игнорируется социокультурная детерминация (обусловленность) научного познания,

¹ Степин В.С. История и философия науки: учебник. М., 2011. С. 270.

не признается историчность и относительность существующих форм научного познания, не учитывается постоянно изменяющаяся социальная среда, в рамках которой и протекает процесс познания мира.

«Каждая культура смотрит на реальность своими глазами и создает собственную ее картину и собственное, только для этой культуры характерное социальное и гуманитарное знание. Знание существует в определенной социальной среде, влияние которой тем или иным образом сказывается на нем. Эпистемология должна принимать во внимание не только саму общую идею непрерывного развития знания, но и более конкретное положение о зависимости нового знания от той социальной среды (культуры), в рамках которой оно появляется и затем совершенствуется. Если историко-культурная зависимость знания не учитывается, эпистемологии оказывается абстрактной и малосодержательной»¹.

С учетом изложенного, важно учитывать, что каждая наука, включая и криминалистику, на разных этапах своего исторического развития имеет различные философские основания, влияющие на конструирование ею своей частнонаучной картины мира; на формирование соответствующего частнонаучного мировоззрения, ценностно-целевых ориентаций исследователей; на выбор методов научного исследования и т.п. Соответственно, с изменением оснований науки должна изменяться и вся система ее знаний. Изложенное в полной мере относится и к отечественной криминалистике.

Как справедливо отмечал Л.Р. Грэхэм, «наука и философия взаимодействовали везде и во все времена»². Поэтому сам факт взаимодействия философии и науки не вызывает ни малейших сомнений. Спорным следует признать вопрос о характере, содержании, степени и последствиях их взаимного влияния в различные исторические периоды времени.

А.А. Меньшикова верно замечает: «Между философией и наукой всегда были сложные взаимоотношения. Сложность представляло собой выявление пределов знания и пересечение

¹ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. С. 16.

² Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 69.

границ и интересов этих сфер, установление степени взаимовлияния двух областей знания»¹.

«Многолетний спор философии и науки о том, в чем больше нуждается общество – в философии или науке, какова их действительная взаимосвязь, породил множество точек зрения и интерпретаций этой проблемы»².

Как отмечает С.А. Лебедев, с логической точки зрения существует пять вариантов соотношения философии и науки:

- полное тождество философии и науки;
- наука – часть философии;
- философия – одна из наук;
- философия и наука не имеют ничего общего по содержанию;
- философия и наука имеют некоторое общее содержание»³.

Исторически только концепция полного тождества между философией и наукой осталась в далеком прошлом, тогда как «все же остальные концепции, несмотря на разную степень их поддержки в истории философии и науки, по-прежнему разделяются определенным числом как философов, так и ученых, конкурируют между собой, и в отношении ни одной из них нельзя сказать (прежде всего, с точки зрения многообразия реальных форм взаимодействия между философией и наукой) как о полностью исчерпавшей свои возможности и востребованность»⁴.

С.А. Лебедев подчеркивает необходимость взаимодействия философии и науки, интенсивного обмена их когнитивными ресурсами, что важно для развития как науки, так и современной философии⁵.

¹ Меньшикова А.А. Методологические отличия исследования мышления в философии и когнитивных науках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5 (79). С. 104.

² Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 36.

³ Лебедев С.А. Философия науки: учебное пособие для магистров. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 39.

Для нас особый интерес представляет вопрос об особенностях взаимодействия философии и криминалистики, который неодинаково решался в отечественной и зарубежной криминалистической литературе.

Для отечественной криминалистики советской и постсоветской эпохи традиционна сильная зависимость от марксистско-ленинской философии, причем в ее догматической версии.

Отечественные криминалисты особо не утруждают себя поиском ответов на следующие вопросы:

- неужели криминалистика представляет собой «особый вид бытия» и в качестве объекта философского анализа нуждается в исключительно философских размышлениях и последующем формировании выводов философского характера?

- способна ли философия на самом деле «пролить свет» на предметную область криминалистики?

- разве сами криминалисты не способны решать свои частнонаучные проблемы без помощи философов? и т.п.

Для западно-европейской криминалистики традиционным было в целом негативное отношение к философии как к излишнему (пустому) славословию, мудрствованию, спекулятивности, схоластике, чрезмерной абстрактности, непрактичности и т.п. Западно-европейская криминалистика с конца XIX столетия стремилась строить себя по образу и подобию естественных наук, позитивистским стандартам научности, с опорой на «здравый смысл» и «практический взгляд на вещи». Основная задача криминалистики виделась в изучении реальной действительности, в описании и объяснении внешних, эмпирически воспринимаемых явлений, фактов, «реалий уголовного права».

Основываясь на положениях основоположников позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Миль и др.) представители западной криминалистики стремились освободить конкретно-научное познание (и знание) от влияния традиционной философии как далекой от потребностей науки, и поставить криминалистику на службу реальным интересам и потребностям практики раскрытия преступлений. Независимость от философии компенсировалась мощным развитием технологического аппарата криминалистики, направленным на обслуживание потребностей практики.

С точки зрения позитивизма философия не должна носить мировоззренческого характера, поскольку ее задача должна заключаться в истолковании и «разъяснении» результатов, достигнутых наукой.

П.А. Ширинский-Шихматов в 1849 году произнес ставшую широко известной фразу: «Польза философии не доказана, а вред от неё возможен».

К. Поппер предостерегал об опасности преувеличения роли философии для науки: «Все развитие диалектики должно предостерегать нас против опасностей, неотделимых от философского системосозидания. Оно напоминает нам, что философия не должна быть основанием для каких бы то ни было научных систем и что философам следует быть гораздо скромнее в своих притязаниях. Было бы чрезвычайно полезно, если бы они обратились к исследованию критических методов науки»¹.

Целенаправленное, широкомасштабное, повсеместное «изгнание» философии («метафизики») из западно-европейской криминалистики, продолжающей прочно стоять на позициях позитивизма (в различных его вариациях), привело к тому, что в ее «теле» практически отсутствуют философские (метафизические) рассуждения, далекие от изучения и описания криминалистической реальности. Справедливости ради можно констатировать, что исключение западно-европейскими криминалистами философской компоненты из структуры научного криминалистического знания не привело их к неразрешимым трудностям в объяснении различных аспектов изучаемой ими криминалистической реальности.

Поскольку позитивизм и неопозитивизм были направлены против диалектического и исторического материализма (марксизма-ленинизма), они подвергались резкой критике в СССР, обвинялись в псевдонаучности, идеализме, агностицизме и т.п.²

¹ Поппер К. «Что такое диалектика?» // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138. // URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/dialekt2.htm> (дата обращения 15.04.2019).

² Никишов С.И. О роли современного позитивизма в идеологической борьбе нашего времени // Философия марксизма и неопозитивизма. Вопросы критики современного позитивизма. Сборник статей под редакцией Т.И. Ойзермана. М.: Изд-во МГУ, 1963. С. 29.

Советская криминалистика и ее преемница российская криминалистика имеют давнюю традицию (или привычку) преувеличения, если не сказать абсолютизации, значения философии диалектического материализма для криминалистической науки. Так, Е.С. Лапин по-прежнему считает, что криминалистика невозможна без философии¹. По его мнению, «без солидного философского обоснования криминалистика не выдержала бы в борьбе за то, чтобы считаться самостоятельной наукой»². А материалистическая диалектика продолжает пониматься большинством отечественных криминалистов в качестве единственной всеобщей и подлинно научной философии.

Более того, в нашей стране существует традиция считать саму философию наукой или особой разновидностью научного знания. Так, Т.Д. Павлов констатировал, что «марксистско-ленинские философы единодушны в том, что философское познание охватывает самое общее всех процессов и взаимодействий и что оно касается также мировой действительности, взятой в единстве своего бесконечного многообразия, что оно является мировоззрением и самым общим научным методом познания и изменения природы и общества»³. В.И. Абраменко считает философию наукой⁴. Большинство отечественных криминалистов также признает философию в качестве науки⁵.

¹ Лапин Е.С. Философия криминалистики: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 11.

² Там же. С. 9.

³ Павлов Т.Д. Информация, отражение, творчество // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 151.

⁴ Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Выпуск 2 (22). С. 29.

⁵ Например: Филиппов А.Г. Ответ М.К. Каминскому // Вестник криминалистики. Выпуск 3 (23). М.: Спарк, 2007. С. 82; Лапин Е.С. Философия криминалистики как форма познания проблем этой науки и утверждения ее смысла, ценности и значения в жизни человека, общества и государства. С. 26; Суденко В.Е. Значение идей Р.С. Белкина о методологическом потенциале категорий диалектики в криминалистике // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста» (г. Москва, 22-23 ноября 2017 г.). М.: РГ-Пресс. 2018. С. 717 и др.

Хотя указанное мнение не является бесспорным. В частности, Э. Гуссерль отмечал: «Между тем философия даже в особом, только теперь дифференцирующем смысле, лишена, как и прежде, характера строгой науки»¹. М.К. Мамардашвили выступал против отождествления философии с наукой². Л.А. Микешина подчеркивает, что философия не может безоговорочно именоваться наукой: «Философия представляет собой особый тип гуманитарного знания. Это проявляется, в частности, в особенностях такой формы знания, как философская проблема, а также в том, что в философии существуют «вечные темы», которые проблематизируются каждый раз по-новому в зависимости от позиции философа, философского направления, стиля мышления. Универсальными методами философии являются рефлексия и умозрение, необходимо также отметить особые в философии формы интерпретации, понимания истины, ее проверки и подтверждения...»³.

П.А. Рачков заявлял: «В философии может быть научный компонент, и притом довольно значительный. Но вся философия не сводится к науке. В ней, так или иначе, в большей или меньшей мере, но непременно присутствует наряду с истинностным и немалый ценностный пласт, идеологическая сторона, абстракции, не исходящие из науки, связь с непосредственным (обыденным) опытом, не только общественным, но и индивидуальным (что, как известно, особенно проявилось в философии жизни, феноменологии, экзистенциализме, персонализме и некоторых других течениях)»⁴.

Б. Рассел констатировал: «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное

¹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 129.

² Мамардашвили М.К. Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 229.

³ Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция; МПСИ: Флинта, 2005. С. 7-8.

⁴ Рачков П.А. Что есть что (о приключениях диалектического материализма) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1997. № 1. С. 27.

знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь, то авторитет традиции или откровения. Все определенное знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия»¹.

Как отмечал академик РАН Т.И. Ойзерман, «диалектический материализм (или, говоря другими словами, материалистическая диалектика) не может быть общенаучной теорией и методом исследования, так как в каждой науке исторически вырабатывается соответствующий предмету ее исследования метод и его теоретическое обоснование, которые воспринимают те или иные черты диалектического метода, но не превращаются в силу этого в диалектико-материалистическое исследование. Поэтому материалистическую диалектику следует понимать как философское осмысление истории познания природы и общества, теоретическое обобщение сущности многообразных, качественно различных закономерностей, короче говоря, как философскую, а не общенаучную теорию и метод, что отнюдь не умаляет ее эвристического значения для каждой специальной науки»².

«Предмет научного исследования, как и его методы, независим от диалектического материализма даже тогда, когда в этом исследовании применяются те или иные понятия материалистической диалектики»³.

Сторонники неклассических подходов склонны считать философию не наукой, а особым способом мышления, способом постижения мира.

«Однако марксистские идеологи настойчиво провозглашали философию марксизма, в отличие от всей предшествующей философии, подлинной наукой»⁴.

¹ Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2010. С. 10.

² Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 31.

³ Там же.

⁴ Овчинников Н.Ф. Глава III. Наука – предмет методологических исследований (1945-1987 гг.) // Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 173.

Наука и философия являются различающимися видами рационального познания, обусловленными существенным различием их предметов, функций и задач. Так, философия направлена на изучение предельных вопросов бытия, сознания и человеческого существования, на разработку проблем отношения человека к миру. «Предмет философии, особенно теоретической, – **чистое всеобщее**, всеобщее как таковое. Идеальное всеобщее – цель и душа философии. При этом философия исходит из возможности постигнуть это всеобщее рационально, внеэмпирическим путем. Предмет же любой частной науки – конкретный «кусочек» мира, эмпирически и теоретически полностью контролируемый, а потому и эффективно осваиваемый практически»¹. Каждая из наук всю свою когнитивную энергию «направляет на познание своего частного предмета, изучая его во всех деталях и структурных срезях»². Таким образом, в отличие от философии у криминалистики имеются вполне конкретные объекты изучения, имеющие предметную (вещественную) соотнесенность с внешним миром, а не некую абстрактную сущность.

«В силу качественного различия предметов, методов и содержания философии и конкретно-научного знания не только научное знание принципиально не может быть чисто логически выведено из «истинной» философии, ибо имеет собственные детерминанты своего развития. Верно и обратное утверждение: рациональная философия также не может быть выведена даже из совокупного научного знания о мире, поскольку опирается в своих построениях не только на науку, но и на весь многообразный опыт человеческой жизнедеятельности, на всю культуру, по отношению к которой наука является лишь одной из ее подсистем»³.

«По отношению к частным наукам философия выступает не только как более общий, но и как мировоззренческий вид знания, выполняя по отношению к науке мировоззренческо-интерпретативную, оценочную, общекультурную и адаптивную функции»⁴.

¹ Лебедев С.А. Философия науки: учебное пособие для магистров. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Лебедев С.А. Основные положения позитивно-диалектической парадигмы эпистемологии и философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 3. С. 12.

⁴ Там же.

Претензия философии на научность в области изучения природы и общества мешает развитию самой науки. По словам основоположников марксизма, «философия и изучение действительного мира относятся друг к другу как онализм и половая любовь»¹.

Благодаря стараниям Р.С. Белкина и других сторонников трансценденталистской эпистемологии, методология криминалистики фактически оказалась подчиненной философскому методу, а научное криминалистическое познание – слишком зависимым от философии.

По времени это пришлось на 60-70-е гг. прошлого столетия. Так, Р.С. Белкин считал, что «критерием зрелости каждой частной науки, как нам представляется, является «философская разработанность» ее теоретических основ, гносеологическое обоснование ее предмета, прочность ее мировоззренческих устоев и принципов»².

Именно поэтому Е.Р. Россинская утверждает, что «к концу 60-х годов XX века начала формироваться научная криминалистическая школа профессора Р.С. Белкина. В основе этого нового научного направления лежала философская концепция отражения как гносеологического фундамента криминалистической науки»³. По мнению Е.Р. Россинской, «оказалось, что эти философские положения наилучшим образом объясняют сам предмет криминалистики, ее задачи и роль ее практических приложений»⁴.

А.Ф. Волынский и Е.С. Лапин почему-то уверены в том, что «именно философская основа многих работ Р.С. Белкина предопределяла их теоретическую оригинальность и практическую значимость»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Том 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 225.

² Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 6.

³ Россинская Е.Р. К 95-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина // Белкин Рафаил Самуилович: (к 95-летию со дня рождения) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина, Е.Р. Россинской. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. С. 44.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Волынский А.Ф., Лапин Е.С. Философия криминалистики как экзамен кандидатского минимума // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 84.

А.Ф. Волынский и Е.С. Лапин продолжают российскую традицию преувеличивать значение философии для криминалистики. Они исходят из того, что «понимание криминалистики XXI в., ее проблем, путей их решения невозможно без философского осмысления ее системообразующих понятий, классификации категорий»¹. По их мнению, «вопросы криминалистики, имеющие философский аспект, должны трансформироваться в отдельные элементы формирующейся самостоятельной отрасли знания – философии криминалистики»². Не сложно заметить присутствие у названных авторов некой веры в то, что как вся философия, так и ее «частно-философская теория» под названием «философия криминалистики» обладают некими «чудодейственными» возможностями в решении проблем криминалистики.

Е.С. Лапин заявляет: «Сегодня философия, в общем и целом, является, с одной стороны, основой научного мировоззрения, с другой, всеобщей методологией научного познания»³. Указанное мнение Е.С. Лапина коррелирует с догматическим утверждением, доминировавшим в отечественной философии до 70-х годов прошлого столетия, согласно которому марксистско-ленинская философия собственно и есть научная методология.

В.Е. Суденко считает, что «философский профиль криминалистики обусловлен потребностями самой этой науки в ее философском осмыслении»⁴. По мнению В.Е. Суденко, «в современных условиях значительно возрастает роль философии как мировоззрения и как научной методологии, являющейся основой интеграции наук, комплексных исследований актуальных проблем современной практики и познания»; «философия – суть база для разработки частнонаучной методологии, в том числе криминалистических техники, тактики, методики»; «философия выполняет особую мировоззрен-

¹ Волынский А.Ф., Лапин Е.С. Философия криминалистики как экзамен кандидатского минимума // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17). С. 85.

² Волынский А.Ф., Лапин Е.С. К вопросу о философии криминалистики. С.107.

³ Лапин Е.С. Философия криминалистики: учебное пособие. Саратов: Научная книга. 2016. С. 48.

⁴ Суденко В.Е. Значение идей Р. С. Белкина о методологическом потенциале категорий диалектики в криминалистике. С. 716.

ческую функцию, не обладаемую криминалистикой, а также функцию философского метода познания. В то же время материалистическая диалектика лежит в основе всех не только отдельных методов криминалистики, но и всей системы ее методов»¹. «Важнейшие проблемы конкретной частной науки, в данном случае мы имеем в виду криминалистику, приобретают философское значение, становясь философскими проблемами данной области знания. Задача заключается в том, чтобы на базе решения этих философских проблем показать диалектико-материалистическую сущность криминалистической науки, то есть исследовать ее философские основы, что возможно лишь с позиций материалистического мировоззрения, с позиций теории отражения»².

Несложно заметить, что указанные и подобные им высказывания носят преимущественно абстрактный (общий, неконкретный, лозунговый) характер, не раскрывают особенностей механизма взаимодействия философии и криминалистики, не дают четкого и ясного ответа на следующие вопросы: как же на самом деле соотносятся философия и криминалистика, зачем нужна криминалистике философия и т.п.?

Нередко в отечественной криминалистике распространены и крайне упрощенные мнения о философских системах. Так, А.Г. Филиппов утверждал: «Я – не философ, и этой наукой никогда особенно не увлекался»³, «мне, как криминалисту, мировоззренчески-философские вопросы не интересны. Я считаю, что у криминалистики есть много гораздо более серьезных и более актуальных проблем»⁴. При этом А.Г. Филиппов считает, что «мировоззренческих систем всего две: диалектический материализм либо то, что в советское время называлось идеализмом, то есть подход к проблемам с религиозных позиций»⁵.

¹ Суденко В.Е. Значение идей Р. С. Белкина о методологическом потенциале категорий диалектики в криминалистике. С. 717.

² Там же.

³ Филиппов А.Г. Ответ М.К. Каминскому // Вестник криминалистики. Выпуск 3 (23). М.: Спарк, 2007. С. 82.

⁴ Там же. С. 82, 83.

⁵ Филиппов А.Г. Философия криминалистики: существует ли такая научная категория? // Вестник криминалистики. Выпуск 1 (53). М.: Спарк, 2015. С. 23.

У Ю.А. Ляхова также все очень просто: либо ты сторонник материалистической теории познания, либо ты идеалист и агностик¹. По его логике, только материалистическая теория познания, в отличие от всех других существующих теорий познания, является «непорочной» и «безгрешной».

К тому же Ю.А. Ляхов неправ, утверждая, что производство в инквизиционном суде «не могло, да и не преследовало установления истины по делу»². Как раз наоборот: инквизиторы были убеждены в том, что только они способны установить истину по каждому делу, собирая для этого необходимые доказательства.

А.Г. Филиппов и его единомышленники не хотят замечать того, что «философское поле заполнено множеством различных течений, школ и концепций. Их трудно все перечислить: позитивизм, прагматизм, персонализм, экзистенциализм, интуитивизм, научный материализм, рациовитализм, идеал-реализм, конкретный идеализм, критический реализм, критический рационализм, феноменализм, философия жизни, аналитическая философия (логико-позитивистская и лингвистическая), психоаналитическая, герменевтическая, структурно-функциональная, неотомистская, экологическая, философско-антропологическая, неореалистическая, информационно-индустриальная, историко-институциональная, культурно-логическая, новая и многие другие»³. Среди них своей историей, содержанием и влиянием заметно выделяется философия диалектического материализма, прочно вошедшая в русло мировой истории философии и устойчиво сохраняющая многие свои позиции в современном мире⁴.

А.П. Огурцов верно подчеркивает, что «современная философия науки исходит из мультипарадигмальности наук, множественности способов объяснения изучаемых процессов и явлений, мультивариативности научно-рационального дискурса, пролиферации теорий. Она придерживается идеи принципиальной множественности описаний и объяснений,

¹ Ляхов Ю.А. Агностицизм не может быть в основе справедливого судопроизводства // Государство и право 2018. № 11. С. 126.

² Там же. С. 128.

³ Рачков П.А. Что есть что (о приключениях диалектического материализма) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1997. № 1. С. 3.

⁴ Там же.

настаивая лишь на ясности и методологической прозрачности исходных принципов и посылок, на последовательности и аргументированности научного дискурса, осуществляющегося в диалоге и критике иных принципов и способов рассуждения»¹.

Если признавать важность философии для осмысления мировоззренческих, эпистемологических и методологических проблем криминалистики, тогда возникает следующий вопрос: на основе какой именно философии это следует делать? Какой-то одной (конкретной) философии или различных философских направлений?

Драматическое крушение советского строя и связанной с ним идеологии, по существу, не привело к тому, чтобы российская криминалистика приступила к пересмотру прежних (идеологизированных и устаревших) мировоззренческих и методологических позиций. В частности, в отечественной криминалистике продолжает доминировать догматическое положение о материалистической диалектике как «универсальном методе» решения всех проблем. Практически в каждом отечественном учебнике по криминалистике по-прежнему говорится о диалекте как о «всеобщем методе криминалистики», как вершине философской и методологической мысли.

В.И. Пржиленский заявляет о том, что расхождение между современным уровнем развития философского знания и теми философскими положениями, которые применяются при правовых теориях, становится все более вопиющим².

М.И. Пантыкина констатирует, что «ахиллесовой пятой юриспруденции является слабая восприимчивость к новым тенденциям развития философской методологии»³.

Б.И. Пружинин отмечает: «В течение второй половины XX в. марксизм приобрел статус основополагающего течения в отечественной философии и одновременно – господствующей идеологии в политической жизни. И в этом после-

днем качестве он оказал огромное влияние на целое поколение нынешних граждан России. Сегодня на философию марксизма ссылаются весьма редко, ее даже не критикуют по существу, тем временем идеология марксизма продолжает основательно присутствовать в интеллектуальной атмосфере России. Ее влияние, хотя и неосознанно, ощущается достаточно сильно. В качестве особого «языка» марксизм и сегодня присутствует в духовной жизни страны, будучи глубоко укоренен в наших речевых оборотах, в способах рассуждения, в мировоззренческих установках»¹.

О.В. Полстовалов констатирует: «Гегемонии единственно верного марксистско-ленинского учения в теории познания, понимании истины и процесса ее постижения давно уже нет, но ключевые ее сегменты прочно засели в различного рода прикладных науках»².

Отечественными криминалистами игнорируется, что у «любимой» ими философии диалектического материализма «ясно видна проблема сегодняшнего толкования этой философии, ее современного и будущего состояния, а также и ее имени, названия»³.

Более того, чтобы стать диалектическими материалистами в подлинном смысле этого слова нужно быть философами, т.е. представителями определенной специальной области исследования, предполагающей соответствующую специальную образовательную подготовку.

Если советское поколение криминалистов получало определенное марксистское образование (хотя и догматизированное), то нынешнее поколение криминалистов фактически не имеет и таких знаний, поскольку знакомятся с марксизмом-ленинизмом вместе со многими другими философскими концепциями. А если все же им и удастся ознакомиться с отдельными философскими концепциями (теориями), то полученные знания являются, как правило, поверхностными, противоречивыми, бессистемными.

¹ Огурцов А. П. Наука и философия науки в современном обществе // Высшее образование в России. 2008. № 5. С. 154.

² Пржиленский В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия. С. 353–354.

³ Пантыкина М.И. Методология философского исследования права // Философия права. 2014. № 2 (63). С. 23.

¹ Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / под ред. А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 10-11.

² Полстовалов О.В. О личности следователя как объекте криминалистического анализа. С. 96.

³ Рачков П.А. Что есть что (о приключениях диалектического материализма). С. 3.

«То, что раньше являлось предметом обязательного изучения, неожиданно, да в итоге, видимо, и непредусмотрительно, стало преднамеренно предаваться забвению. Место диалектического материализма официально отдано общей (или теоретической) философии, а его важнейшего компонента, исторического материализма, – социальной философии. Определенная система миропонимания стала заменяться всем «космосом» философских систем и теорий без выделения из него какой-то наиболее приемлемой, обоснованной и жизненно важной»¹.

В.П. Гриценко и Г.М. Мирзоев отмечают: «К сожалению, в провинции (а может не только в провинции) до сих пор постсоветский диалектический материализм преподносится как «философия вообще». То есть, один вариант философии выдается за все остальные в виде образовательного стандарта и учебника»².

По этому поводу очень хорошо написал Ю.К. Якимович: «Бедой современной науки уголовного процесса в том числе является то, что ученые-процессуалисты все более вторгаются в сферу философии, в которой познания у них не столь велики, чтобы делать серьезные умозаключения применительно к уголовному процессу. Отсюда и получается, что сложнейшие философские категории (а ведь и сами философы трактуют их неоднозначно) применяются к понятиям уголовно-процессуальным, которые чаще всего, как и сама наука уголовного процесса, носят прикладной характер и достаточно условны»³. Изложенное в полной мере относится и к отечественной криминалистике.

М.К. Мамардашвили отмечал: «Плохо, что многие начинают и заканчивают изучение того, что в наших вузах называют философией, так ни разу и не коснувшись ее, не поняв специфики ее предмета. Логика такого антифилософского приобщения к философии очень проста – ее сводят к овладению знаниями, зафиксированными даже не в философ-

¹ Рачков П.А. Что есть что (о приключениях диалектического материализма). С. 23.

² Гриценко В.П., Мирзоев Г.М. Основные тенденции и приоритеты современного социально-гуманитарного знания. Краснодар, КГУКИ, 2009. С. 23.

³ Якимович Ю.К. Доказательство и доказывание в уголовном процессе России: учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 12.

ских текстах, а в учебниках»¹. «Природа философии такова, что невозможно (и, более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой систему знаний, которую можно было бы передать другим и тем самым обучить их. Становление философского знания – это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия»². «Это возможно только в том случае, если то, что называется философией, воспринимают как институционализированную часть государственного идеологического аппарата, некоторое средство распространения единомыслия по тем или иным мировоззренческим проблемам»³.

К сожалению, идеи постструктурализма, постмодернизма, социального конструктивизма, анализа случаев, дискурс-анализа и т.п. так и не проникли в отечественную криминалистику.

В такой ситуации, не утруждая себя утомительным изучением сложных философских концепций (теорий) большинство нынешних криминалистов довольствуется обращением к глубоко укоренившимся в их сознании (и литературе) положениям диалектического материализма советского периода, несмотря на их догматизм, непрактичность и неспособность противостоять современным угрозам.

Так, Е.С. Лапин напоминает, что «философия – наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления (см., например: Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М., 1988. С. 529). Как видим, ее предметом – т.е. тем, что отличает научную философию, как и любую конкретную науку, от других наук, – является изучение *всеобщих* законов и принципов развития; объектом научной философии является природа, общество, мышление и познание – синтетический объект»⁴. При этом Е.С. Лапина несколько не смущает то, что он делает ссылку на

¹ Мамардашвили. Как я понимаю философию // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/index.shtml> (дата обращения 13.04.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лапин Е.С. Философия криминалистики: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 10.

устаревшую литературу, а философию ограничивает только марксистско-ленинской философией.

Кроме того, Е.С. Лапин уверенно и безапелляционно продолжает утверждать о неких всеобщих законах природы, общества и мышления, которые проявляют себя и в криминалистике: «Те всеобщие законы, что изучает философия, действуют во всем, включая и криминалистику»¹. Однако Е.С. Лапин не указывает, что сами эти законы диалектики весьма сомнительны и не всеми признаются в настоящее время, включая и профессиональных философов.

Так, Т.И. Ойзерман отмечал, что «в действительности нет и не может быть особого класса законов, верховных законов, производными от которых якобы являются конкретные, открываемые фундаментальными науками законы»². «Основоположники марксизма были весьма далеки от допущения, что философия открывает законы, неизвестные фундаментальным наукам»³. «Однако в советских учебных пособиях «законы диалектики» характеризовались как особый, высший класс законов, с которыми обязаны соотноситься положения всех наук»⁴. «Правомерным, научно (а значит и философски) оправданным является допущение, что наличествует существенное единство всего многообразия известных науке законов, единство, которое стремится выявить и выразить диалектика как философское учение. Признать же, что существует два класса законов – высшие (диалектические) и подчиненные им законы природы, общества и познания – значит, оставаться на позициях гегелевского диалектического идеализма, который противопоставлял философию всему научному познанию как всеведущую науку наук, постигающую подлинную, скрытую от всех остальных наук истину»⁵. По словам Т.И. Ойзермана, «печально знаменитая «мичуринская биология», провозглашенная Т.Д. Лысенко подлинной диалектико-материалистической наукой, с позиций которой были отвергнуты все исследова-

ния в области генетики, является убедительным свидетельством того, что апелляции к высшим (диалектическим) законам, выставляемым в качестве верховного судьи в научном споре, легко превращается в лженаучное шарлатанство»¹.

В.П. Гриценко и Г.М. Мирзоев отмечают, что «кризис принципов диалектического материализма и диалектической логики привел к тому, что признание универсальных методов и законов бытия и познания стало анахронизмом»².

А. Буллер, в свою очередь, констатирует, что «законы развития природы и общества в корне отличаются друг от друга»³.

Очевидно, что в современных познавательных условиях никакая философская доктрина не может иметь тотального господства, в том числе и в конкретных науках. Тогда как в отечественной криминалистике уже много десятилетий продолжают доминировать положения философии диалектического материализма. В учебниках по криминалистике по-прежнему пишут о методологии диалектического материализма как вершине философской и методологической мысли, не замечая разрабатываемых мировой философией альтернативных подходов. А бедные российские студенты продолжают свое обучение по устаревшим идеологическим штампам советской эпохи.

М.К. Мамардашвили констатировал, что то, что называется у нас философией, нередко представляет собой часть государственного идеологического аппарата, некоторое средство распространения единомыслия по тем или иным мировоззренческим проблемам⁴.

А.М. Ларин верно отмечал: «В нашей стране марксизм из философского учения был превращен в государственную религию со своим клиром, храмами, обрядами, предметами культа и жертвоприношениями. Любая кандидатская или

¹ Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 14.

² Гриценко В.П., Мирзоев Г.М. Основные тенденции и приоритеты современного социально-гуманитарного знания. Краснодар, КГУКИ, 2009. С. 53.

³ Буллер А. Три лекции о понятии «след». СПб.: Алетейя, 2016. С. 50.

⁴ Мамардашвили. Как я понимаю философию // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001103/index.shtml> (дата обращения 13.04.2019).

¹ Лапин Е.С. Философия криминалистики: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 10.

² Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 14.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

докторская диссертация, будь то по морскому праву или гражданскому процессу, содержала во введении как некий пароль на вход в науку сакраментальную формулу: «методологической основой диссертации является диалектический и исторический материализм, учение марксизма-ленинизма». После этого соискатель уже мог перейти к изложению специальных проблем диссертационного исследования, ни разу не вспомнив о всепобеждающем учении. Но особенно предусмотрительные орнаментировали труды цитатами из «первоисточников» от первой до последней страницы. Цитаты, как броня, защищали от упреков в скудости мысли¹.

По словам В.Ф. Статкуса, философия въелась в содержание предмета отечественной криминалистики².

Опора отечественной криминалистики только лишь на постулаты во многом устаревшей советской (марксистско-ленинской) методологии, зачастую в ее догматической и вульгарной трактовке, существенно сдерживает дальнейшую разработку криминалистической онтологии, (что есть криминалистика), криминалистической аксиологии (в чем ценность криминалистики) и криминалистической гносеологии (как познается криминалистика).

Пора, наконец, признать, что философия не должна указывать науке, какие результаты нужно получать. Философия не может открывать в различных науках такие знания, которые эти науки сами не могут получить.

«Претензия современной философии быть «учителем» и методом науки, видеть себя в качестве «философии науки» нелепа и для науки бесполезна, если не сказать вредна. На Западе, где принято говорить обо всем более свободно, открыто, чем у нас, не оглядываясь на условности «корпоративной этики», такая претензия философии вызывает обратную реакцию, что, например, можно видеть по позиции всегда мятежного, выступающего против всякого «методологического принуждения», но общепризнанного специалиста в области методологии науки П. Фейерабенда»³.

¹ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. С. 97.

² Статкус В.Ф. Раскрываемость, а не жестокость наказания может повлиять на сокращение преступности // Информационный бюллетень Следственного департамента МВД России. 2018. № 3 (177).

³ Мухачев В.В. Размышления над дискуссией о «кризисе» (экономической) науки // TERRA ECONOMICUS. 2010. Том 8. № 4. С. 79.

Бурное развитие наук в последние десятилетия, включая и когнитивные науки (от психологии восприятия до искусственного интеллекта), своим результатом имело то, что «человек в мире» – это уже не монополюбно философская тема¹. Философы утратили прежний привилегированный познавательный доступ к сознанию и Бытию². «Главное признаваемое основание суждений теперь – это уже не метафизика и не священные книги, а то, что дают результаты научных исследований, причем с эмпирической основой»³.

«Подавляющее большинство ученых стоит на позициях объективности мира и в возможностях его исследования. Если мы нацелены на получение истинного знания, наша фундаментальная посылка заключается в том, что истина существует и она может быть открыта»⁴. Однако всякое научное знание ограничено системой предпосылок, входящих в само определение истины в той или иной отрасли знания⁵.

Философия продолжает оказывать сильное влияние на науку, поскольку «только в философии, только с помощью философских категорий любая область сознания и знания способна рационально моделировать себя в качестве одной из подсистем человеческой культуры»⁶. Иными словами, «результаты науки в известном смысле заданы заранее философскими предпосылками, которые принимает ученый, и основанными на них частными методами исследования»⁷.

¹ Розов Н.С. Институциональные аспекты мышления и проблема современного кризиса философии. Доклад и вопросы по докладу // Сборник материалов чтений памяти Г.П. Щедровицкого. Москва, 23 февраля 2011 г. / 23 февраля 2012 г. С. 23. // URL: <http://docplayer.ru/44416124-Sbornik-materialov-chteniy-pamyati-g-p-shchedrovickogo.html> (дата обращения: 15.05.2019).

² Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. С. 48.

³ Там же. С. 49.

⁴ Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Ярославль: Норд, 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 368.

⁵ Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. проблема истины в социально- гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 103.

⁶ Лебедев С.А. Основные положения позитивно-диалектической парадигмы эпистемологии и философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 3. С. 12.

⁷ Синюков В.Н. Предмет и методология теории государства и права // Теория государства и права: учебник / Под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. М.: ЦОКР МВД России, 2005. С. 10.

«Философская установка влияет на выбор научной парадигмы, ход исследования»¹. При этом нет «правильных» и «неправильных» философских доктрин².

С учетом изложенного, требуется четко размежевать криминалистические и философские проблемы в работах криминалистов, а также отказаться от широко распространенной, но по сути ошибочной, практики современных исследователей поддерживать или критиковать ту или иную криминалистическую теорию, ссылаясь только лишь на диалектический материализм.

Пора также понять, что общими философскими рассуждениями невозможно решать частнонаучные проблемы криминалистики. Нужно различать философскую схоластику и так называемую «практическую философию».

В.В. Мухачев верно отмечает: «Интеллектуальная традиция философствовать, некогда оказывавшая услуги науке, но с развитием последней выродившаяся в интеллектуальный “онанизм”, до сих пор сильна в современном мире. Особенно она сильна у интеллектуалов, людей образованных и ученых, склонных к теоретизированию, но далеких от практики, что мы наблюдаем на примере философии “политики” или “права”, словно кто-то может сказать об этом лучше, чем было сказано Гегелем в его “Философии права”»³.

Одним из существенных недостатков советской философии называется ее заикленность на толковании текстов классиков марксизма, в результате чего она превратилась в теорию, «которая стремилась достичь абсолютной полноты и непротиворечивости текстов и догм марксизма-ленинизма»⁴.

¹ Меньшикова А.А. Методологические отличия исследования мышления в философии и когнитивных науках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5 (79). С. 105.

² Синюков В.Н. Предмет и методология теории государства и права. С. 11.

³ Мухачев В.В. Размышления над дискуссией о «кризисе» (экономической) науки. С. 79.

⁴ Гриценко В.П. Медиафилософия как практическая философия: философ как демиург и медиум // Практическая философия: от классики до инновационного социума: Сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Бажовой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 312.

Изложенное подтверждает тот важный вывод, что актуальной проблемой современной российской криминалистики является необходимость наконец-то освободиться от диктата догматического диалектического материализма (марксизма-ленинизма). Ю. Хабермас отмечал: «Обесценившийся философский способ мышления не нужно поддерживать, он должен уступить место другому средству, которое позволит недискурсивным путем спуститься в непредставимые глубины эпохи суверенности или бытия»¹.

Следует также признать, что обращение криминалистов к философии – это четкое свидетельство кризиса самой криминалистики.

Как известно, «ученые чаще всего начинают философствовать тогда, когда в науке возникают эпистемологические и методологические проблемы, связанные с кризисом прежних конкретно-научных и мировоззренческих философских идей и принципов, с переходом к изучению новых явлений и процессов реального мира»². «При этом философствование предстает как некий уровень рефлексии науки, вырастающий из ее внутренних потребностей и ресурсов. Наука начинает философствовать, демонстрируя тем самым определенный уровень своего самосознания»³. Вместе с тем, саморефлексию криминалистики должны осуществить сами криминалисты «изнутри», а не «извне» посредством философов.

Постоянное обращение отечественных криминалистов к философии – это одновременно и подтверждение того, что в российской криминалистике отсутствует целостная, всесторонняя, систематизированная общая теория этой науки, способная выполнять необходимые гносеологические и методологические задачи криминалистической науки и представляющая собой фундаментальную теорию среднего уровня, занимающую промежуточное положение между, с одной

¹ Хабермас Ю. Философия как местоблюститель и интерпретатор // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.

² Кузьменко Г.Н., Отоцкий Г.П. Философия и методология науки: учебник для магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 105.

³ Буковская Н. Общенаучное значение синергетического подхода как метода открытой рациональности // Методология науки. Томск, 2002. Выпуск 5. С. 36.

стороны, философским и общенаучным уровнями, а с другой, – с уровнем частных криминалистических теорий.

Описывая изучаемый криминалистикой «фрагмент действительности», «идеальные объекты» криминалистики необходимо отличать от предельно общих «идеальных объектов» философии. В противном случае чрезмерная идеализация (упрощение, «очищение» от реального многообразия криминалистических объектов, их признаков и связей) способна «очистить» такое знание от всего криминалистически значимого.

В.В. Лунеев справедливо замечает: «Без надежной опоры на фактические (статистические и социологические) данные юридические науки легко попадают в плен логико-догматических представлений, которые, имея важное значение во внутреннем правовом анализе, малопригодны при изучении соотношений права с жизнью. Дело в том, что юриспруденция, в отличие от других социальных наук, кроме фактической реальности имеет ещё одну реальность – писаную (законы, другие нормативные акты, судебные решения, живущие своей относительно самостоятельной жизнью), которая далеко не всегда адекватно отражает фактическую реальность, но способна в юридических изучениях подменить её логико-правовыми умозаключениями»¹.

Предпринятая Р.С. Белкиным попытка провести различие философского, криминалистического и уголовно-процессуального смысла категории отражения носила умозрительный (спекулятивный, риторический, неконкретный) характер. Другими словами, Р.С. Белкин переложил на используемую им философскую категорию отражения выполнение функции криминалистического понятия.

К сожалению, большинство сторонников т. н. «криминалистической теории отражения» по-прежнему не видят принципиальной разницы между философскими и криминалистическими понятиями. Так, Е.С. Лапин считает, что «общие философские категории, что относятся ко всему, позволяют решать самые крупные криминалистические проблемы, с которыми сталкиваются в своих исследованиях ученые-криминалисты»².

¹ Лунеев В.В. Юридическая статистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп., с изм. М.: Юристъ, 2007. С. 6.

² Лапин Е.С. Философия криминалистики: учебное пособие для вузов. М., 2017. С. 11.

С.С. Чегодаева, в свою очередь, признавая наличие понятия отражения в криминалистике, с завидным рвением критикует философов за то, что «в криминалистике подобные вопросы решаются иначе»¹. В частности, С.С. Чегодаева пытается напрямую сравнивать философские и криминалистические понятия, обозначаемые, например, словами «сходство» и «тождество»: «Соглашаясь с тем, что требование включения сходства в определение отражения не является необходимым, мы не можем пройти мимо предложения толковать сходство, как один из видов тождества. Вопрос этот носит принципиальный характер для криминалистики, четко разграничивающей понятия сходства и тождества»². По ее мнению, «некоторые философы придают большое значение делению содержания на материальное и идеальное, делают упор на то, что исследователь акта отражения должен всегда четко представлять себе какое содержание он исследует. Нам представляется такая позиция не диалектической»³ и т.п.

Не различая философский и конкретно-научный уровни, С.С. Чегодаева формулирует противоречивые утверждения. Например, то она утверждает о способности «сознания адекватно отразить событие»⁴, то заявляет, что «отражение никогда не является адекватным отраженному образу»⁵.

Еще в 1966 году М.М. Розенталь отмечал: «Марксизм никогда не утверждал, будто отображаемое и отражение — одно и то же. Это тождественные вещи лишь в том единственном смысле, что мышление черпает свое содержание из объективного мира, притом это тождество никогда не может стать окончательным, абсолютным, завершенным. В остальном же отражение есть особая сфера, сфера идеального, имеющего свои «внутренние» законы, принципы, способы, которые лишь в конечном счете совпадают с объектом, т. е. в том смысле, что они не имеют другой цели, кроме цели воспроизведения в идеальной форме ре-

¹ Чегодаева С.С. Понятие отражения в криминалистике. С. 14.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 15.

⁴ Чегодаева С.С. Становление и развитие криминалистического учения об отражении (исторический обзор) // Бизнес в законе. 2014. № 1. С. 177.

⁵ Чегодаева С.С. Экспертные исследования психического отражения на уровне человека // Судебная экспертиза. 2014. № 1 (37). С. 29, 36.

альных объектов»¹. «Если диалектическая теория познания должна определить структуру познавательного процесса в целом, раскрывая общие закономерности движения мысли на пути к объективной истине, установить субординацию логических категорий, их переходы и т. д., то относительно частные методы познания, такие, например, как индуктивные, дедуктивные, формализованные системы познания и пр., имеют свои особые, специфические структуры»².

Д.В. Пивоваров констатирует: «Как бы ни понимать отношение а(А) к В в категориях сходства и несходства (образ картинно похож, мало похож или совсем не похож на оригинал), тем не менее оно во всех случаях может быть обозначено общим понятием соответствия, ведь в соответствии могут быть поставлены даже вовсе не похожие друг на друга множества элементов (например, множество пальто и множество крючков в гардеробе). Соответствие образа прообразу имеет свои степени и конкретизируется математическими понятиями изоморфизма, гомоморфизма и автоморфизма»³.

Изложенное лишней раз подчеркивает, что одни и те же слова в философии и криминалистике могут иметь различные значения и смыслы. При этом философия не занимается созданием специальных криминалистических категорий. Это дело самой криминалистики. Поэтому необходимо научиться четко различать философские и частнонаучные категории, не допускать их смешения или подмены.

Проблема определения границы между философией и криминалистикой может быть решена при рассмотрении структуры научного знания. В отечественной литературе имеется обширная литература, посвященная исследованию этого вопроса. В частности, С.А. Лебедев выделяет следующие уровни научного знания – чувственное (данные наблюдений и экспериментов), эмпирическое, теоретическое и метатеоретическое знания (общенаучное и философское)⁴.

¹ Розенталь М.М. Ленинская диалектическая теория познания и ее современное развитие // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7-9 апреля 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 34.

² Там же. С. 36.

³ Пивоваров Д.В. Основные категории онтологии: учебное пособие. С. 223.

⁴ Лебедев С.А. Философия науки: учебное пособие для магистров. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 131.

По мнению Е.А. Никитиной, в научном знании выделяют эмпирический, теоретический уровни и метатеоретический (философский, мировоззренческий) уровни, различающиеся по объекту, способам представления знания и методам познания¹.

И.Л. Честнов в структуре юридической науки выделяет философский, теоретический и эмпирический уровни².

Соответственно, и в криминалистике могут быть выделены эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни.

Определение эмпирического и теоретического уровней науки, включая и криминалистику, не составляет особых трудностей. Проблема заключается в определении оснований научного знания, их структуры, особенностей влияния на конструирование частнонаучной (криминалистической) картины мира, формирование соответствующего криминалистического мировоззрения, а также криминалистического инструментария – методов частнонаучного познания.

Именно метатеоретический уровень науки находится между философским знанием (философскими подходами к познанию) и собственно научным знанием. Кроме того, «в современной науке не существует какого-то единого по содержанию, одинакового для всех научных дисциплин метатеоретического знания. Такое знание всегда конкретизировано и в существенной степени «привязано» к особенностям научных теорий»³. «Основная задача построения метатеории состоит в анализе свойств и уточнении конкретных предметных теорий»⁴.

Е.А. Никитина считает, что метатеоретический уровень состоит из философских, мировоззренческих и методологических оснований, включающих стиль научного мышления, картину мира, стандарты научного объяснения, нормы и идеалы научного исследования и организации знания⁵.

¹ Никитина Е.А. Философия науки (основные проблемы): учебное пособие. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2016. С. 80.

² История и методология юридической науки: учебник для вузов / под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Чеснова. СПб.: ИВЭСЭП, 2014. С. 197.

³ Кузьменко Г.Н., Отыцкий Г.П. Философия и методология науки. С. 101.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Никитина Е.А. Философия науки (основные проблемы): учебное пособие. С. 84.

С.А. Лебедев отмечает, что метатеоретический уровень состоит из двух основных подуровней: общенаучного знания и философских оснований науки¹.

Структура оснований науки обстоятельно исследовалась в трудах В.С. Стёпина, который выделял, по меньшей мере, три главных компонента (структурных блока) оснований научной деятельности, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой: 1) идеалы и нормы исследования, 2) научную картину мира и 3) философские основания науки². Указанная точка зрения поддерживается в той или иной мере большинством отечественных философов науки³.

«Основания науки предстали в качестве особого звена в структуре научного знания, опосредующего его взаимодействие с культурой соответствующей исторической эпохи»⁴.

По словам В.С. Степина, основания науки одновременно принадлежат внутренней структуре науки и ее инфраструктуре, определяющей связь науки с культурой. Как отмечал В.С. Степин, идеалы и нормы научного знания фактически задают схему метода исследования (схему метода познавательной деятельности). «Идеалы и нормы научного знания -совокупность определенных концептуальных, ценностных, методологических и иных установок, свойственных науке на каждом конкретно-историческом этапе ее развития. Их основная функция – организация и регуляция процесса научного исследования, ориентация на более эффективные пути, способы и формы достижения истинных результатов»⁵. Идеалы и нормы исследования включают в себя идеалы

¹ Лебедев С.А. *Философия науки: учебное пособие для магистров*. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 148.

² Степин В.С. *Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция*. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Степин В.С. *История и философия науки: учебник*. М., 2011. С. 232.

³ Мамчур Е.А. Глава IV. *Отечественная философия науки: 60-90-е годы* // Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. *Отечественная философия науки: предварительные итоги*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 294; Батурич В.К. *Философия науки: имеющаяся и необходимая Часть вторая. Отечественная философия науки против позитивизма: на пути к новой философии науки* // *Пространство и Время*. 2013. № 1 (11). С. 27 и др.

⁴ Степин В.С. *Современные тенденции развития философии науки и стратегии преподавания* // *Мысль*. 2008. Выпуск 7. С. 25.

⁵ Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. *Философия и методология науки*. С. 102-103.

доказательности и обоснования знания; идеалы объяснения и описания, а также идеалы построения и организации знания¹. Характер идеалов и норм научного познания определяется спецификой исследуемых объектов², а также влиянием мировоззренческих структур, лежащих в фундаменте культуры той или иной исторической эпохи³.

Другим важным компонентом оснований науки является научная картина мира, представляющая собой систему знаний об общих свойствах и закономерностях изучаемой научной действительности. Поскольку для частных наук мир – это изучаемая данной наукой сфера действительности, «картина реальности обеспечивает систематизацию знаний в рамках соответствующей науки»⁴.

Картину мира можно рассматривать в качестве некоторой теоретической модели исследуемой реальности⁵. Чаще всего выделяют следующие функции научной картины мира в научном познании: 1) она обеспечивает объективацию научных знаний и их включение в культуру; 2) служит формой систематизации и синтеза знаний; 3) функционирует как исследовательская программа, обеспечивая рост научного знания⁶.

Различают общую картину мира (состоит из научно-теоретического и обыденно-практического элементов; научную картину мира (включает знания о мире всех наук; картины мира конкретных (специальных) наук и т.д.⁷

«И если дисциплинарные онтологии (специальные научные картины мира) репрезентируют предметы каждой отдельной науки (физики, биологии, социальных наук и т. д.), то в общей научной картине мира представлены наиболее важные системно-структурные характеристики предметной области научного познания как целого, взятого на опреде-

¹ Мамчур Е.А. Глава IV. *Отечественная философия науки: 60-90-е годы*. С. 294.

² Там же. С. 295.

³ Степин В.С. *Научные революции как «точки» бифуркации в развитии знания*. С. 44.

⁴ Степин В.С. *История и философия науки: учебник*. М., 2011. С. 239.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Степин В.С. *Научные революции как «точки» бифуркации в развитии знания*. С. 51.

⁷ Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. *Философия и методология науки*. С. 103.

ленной стадии его исторического развития»¹. По словам В.С. Стёпина, фактически научная картина мира вводит «схему объекта исследования», фиксируя его главные системно-структурные характеристики².

Научная картина мира конкретной науки представляет собой частнонаучный обобщенный образ мира, формируемый на основе систематизации и интеграции наиболее важных знаний (достижений), полученных в той или иной отрасли знания. Научная картина частной науки имеет ограниченный характер, поскольку определена предметом конкретной науки, и является относительной в силу исторического характера самого процесса человеческого познания³.

Каждая наука создает свой собственный образ реальности (физической, химической, биологической, социальной, исторической, языковой и т.п.). Соответственно и криминалистика создает свой криминалистический образ реальности. Профессиональная картина мира криминалистов обладает спецификой, обусловленной особенностями предмета и деятельности этой профессиональной группы.

Как отмечает В.К. Батурин, в отечественной литературе сложилось два основных подхода к характеристике научной картины мира – сциентистский и натурфилософский: «Согласно первому подходу, НКМ формируется средствами самой науки, согласно второму, НКМ создается в лоне философии и является составной частью философии. Абсолютное большинство исследователей придерживаются первой точки зрения, отмечая всё же влияние на формирование НКМ философских принципов и категорий»⁴.

Анализ «философских» текстов Р.С. Белкина позволяет прийти к выводу, что Р.С. Белкин является сторонником натурфилософского подхода, поскольку приоритет в создании криминалистической картины мира он отдает не средствам самой криминалистической науки, а марксистско-ленинской

философии с ее теорией отражения. Тем самым он фактически отождествляет частнонаучную картину мира с философскими основаниями науки.

Р.С. Белкин не говорит о криминалистической (частнонаучной, дисциплинарной, специальной) картине мира как специфической форме теоретического знания, не выясняет ее соотношение с естественно-научной, социально-научной, общенаучной и философской картинами мира.

Соответственно, и общая теория криминалистики Р.С. Белкина содержит не столько частнонаучную (криминалистическую) «картину реальности», базирующуюся на важнейших достижениях криминалистики, сколько представляет собой совокупность преимущественно философского знания, опирающегося на интерпретацию философской категории отражения.

«Философские основания науки – это совокупность философских понятий, идей, принципов и утверждений, которые используются учеными при создании или обосновании какой-либо научной теории»¹. По словам В.Е. Семенова, «философия как сугубо теоретический, методологический и ценностный способ мышления лежит в основании, пожалуй, всего, что только существует в мире, представляя при этом особый уровень («этаж») тематизации каких угодно проблем и сфер жизни»². Философские основания науки используются для построения новых теорий, для решения проблем и задач научного познания³.

Как отмечает В.С. Степин, формирование философских оснований науки «осуществляется путем выборки и последующей адаптации идей, выработанных в философском анализе, к потребностям определенной области научного познания, что приводит к конкретизации исходных философских идей, их уточнению, возникновению новых категориальных смыслов, которые после вторичной рефлексии эксплицируются как новое содержание философских категорий»⁴. Философские основания науки обеспечивают согласование идеалов

¹ Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. С. 242.

² Степин В.С. Смена методологических парадигм // Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. М., 1994. С. 16.

³ Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки. С. 77.

⁴ Батурин В.К. Философия науки: имеющаяся и необходимая Часть вторая. Отечественная философия науки против позитивизма: на пути к новой философии науки. С. 27.

¹ Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки. С. 104.

² Семенов В.Е. Философия как служанка юриспруденции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 4. С. 73.

³ Там же.

⁴ Степин В.С. История и философия науки. М., 2011. С. 245-246.

и норм науки и ее представлений о мире с доминирующими ценностями культуры соответствующей исторической эпохи¹.

«Философские основания науки не следует отождествлять с общим массивом философского знания. Из большого поля философской проблематики и вариантов ее решений, возникающих в культуре каждой исторической эпохи, наука использует в качестве обосновывающих структур лишь некоторые идеи и принципы»².

С.А. Лебедев считает, что «философские основания науки – это особый, промежуточный между философией и наукой род знания, который не является ни собственно философским, ни собственно научным»³. «Философские основания науки есть звено, связывающее философское и конкретно-научное знание. Эти основания не являются «личной собственностью» ни науки, ни философии. Они представляют собой «пограничное знание» и поэтому могут быть с равным правом отнесены к ведомству как философии, так и науки»⁴. Поэтому ряд исследователей включает философские основания науки в структуру фундаментальных и парадигмальных научных теорий⁵, хотя сами по себе они не являются предметом исследовательского интереса со стороны самой науки⁶.

Соответственно, смена философских оснований науки в процессе ее исторического развития, неизбежно сказывается на перестройке прежней системы научного знания, а также связей между социальной средой, научными теориями и фактами.

Несмотря на то, что вопрос о статусе философских оснований науки и включении их в состав (структуру) научного знания той или иной научной дисциплины относится к числу спорных и не получил своего окончательного разрешения⁷, большинство отечественных исследователей проявляет единство мнений в признании важной роли философских оснований в развитии научных знаний. Однако признание этой важной роли никоим образом не должно приводить к тому, чтобы частнонаучное знание подменялось философскими рассуждениями.

Тогда как в отечественной криминалистике налицо подмена криминалистической картины мира философскими основаниями этой науки, которые сами по себе не могут за-

метить частнонаучную картину мира. Криминалистическая картина мира (картина криминалистической реальности) должна формироваться внутри самой криминалистической науки путем обобщения ее важнейших научных знаний. Указанная негативная ситуация усугубляется идеологизацией отечественной криминалистики.

Н.Ф. Овчинников констатирует: «Феномен идеологии заключается в том, что государственная власть, в особенности авторитарная власть, принимает какую-либо систему идей и всей силой своего авторитета, всей мощью своего пропагандистского, а часто и силового аппарата, внедряет в сознание людей систему представлений о мире, о человеке и самой власти. И дело не в содержании этих представлений – это содержание может быть каким угодно – история демонстрирует нам многообразие тех систем представлений или идей, которые силовым путем внедрялись в сознание людей, ради их же блага, как это представлялось властям. Делалось это безжалостно и, порой, цинично»⁸.

М.Д. Ахундов и Л.Б. Баженов еще в 1989 году ввели понятие феномена идеологизированной науки, которое может быть отнесено и к отечественной криминалистике: «Феномен идеологизированной науки связан с таким включением ценностных установок самого различного толка (философских, нравственных, религиозных, политических и т. д.) в структуру («тело») науки, при котором подавляется (ограничивается, изгоняется, деформируется) сама ее основа – объективное содержание. Наука как система объективного знания перестает существовать. Ее место занимает некая

¹ Степин В.С. Смена методологических парадигм // Хьюбнер К. Критика научного разума /Пер. с нем. М., 1994. С. 16.

² Степин В.С. История и философия науки. С. 245.

³ Лебедев С.А. Философия науки: учебное пособие для магистров. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 155.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Лебедев С.А. Основные положения позитивно-диалектической парадигмы эпистемологии и философии науки. С. 10.

⁶ Маркова Л.А. Социальная эпистемология – в контексте прошлого и будущего. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 141.

⁷ Лебедев С.А. Философия науки: учебное пособие для магистров. С. 154.

⁸ Овчинников Н.Ф. Глава III. Наука – предмет методологических исследований (1945-1987 гг.) // Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 159.

наукopodobная конструкция, основным наполнением которой становятся облаченные в наряд научной терминологии идеологемы»¹. «Необходимо сознавать, что у этого монстра есть истоки концептуальные и социально-политические. Концептуально идеологизированная наука выросла из крайне вульгаризированной марксистской концепции науки»².

«Определяющей чертой этого феномена является облуживание заданных установок, а не исследование реальной действительности. Конкретный характер этих установок (принципы «единственно научной философии», ведомственный интерес, националистические амбиции и т. п.) не так уж важен для характеристики феномена идеологизированной науки. Важно, что первична установка и вторичен подгоняемый под нее (и при этом неизбежно фальсифицируемый) конкретный материал»³.

Признание исторического характера используемых в научных текстах слов и понятий требует обязательного изучения социального контекста и ценностей той эпохи, в которой они активно применялись. Соответственно, кардинальное изменение такого контекста и ценностей научного познания не может не приводить к осознанию необходимости вытеснения из научного языка устаревших терминов и их замены современными эквивалентами.

Изложенное также подтверждает, что в отечественной криминалистике остро стоит проблема деидеологизации ее терминологии, связанная с эксплуатацией понятийно-терминологического аппарата марксистско-ленинской философии советского периода, составляющего неотъемлемый лексикон общей теории российской криминалистики.

¹ Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 98.

² Там же.

³ Там же. С. 98-99.

13. «НАРКОТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ» ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ ИЛИ ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Наркотическим эффектом называется эффект, оказываемый наркотиком на организм человека и вызывающий у него приятные и необычные состояния сознания – эйфорию, прилив радостного возбуждения, улучшение настроения, чувство беззаботности, спокойствия, умиротворения, мечтательного состояния и т.д. Принимающий наркотик чувствует себя героем (победителем, счастливым), правда, недолго и с последующей стойкой зависимостью от наркотика.

Складывается впечатление, что похожее действие на современных отечественных криминалистов оказывает теория отражения, использование которой в криминалистической науке помимо «ощущения счастья» и «умиротворения» формирует у ее сторонников иллюзии адекватности, объективности и истинности познания ими окружающей действительности. Поклонники этой теории в криминалистике, за редким исключением, не допускают даже возможность критики этой теории, исходят из априорного тождества предметности и понятийности, не замечают того, что она упрощает (соответственно, искажает) связь с действительностью и т.д. Тогда как определить «как оно есть на самом деле» – это очень непросто. Например, С.Д. Кржижановский остроумно замечает, что «благоуханная амбра на самом деле экскремент кашалота, а букет цветов, в котором прячет лицо прелестная девушка, на самом деле лишь связка оторванных половых органов растений»¹.

Естественным образом возникает вопрос: почему, несмотря на наличие многочисленных обоснованных критических замечаний, теория отражения, как и сама абстракция отражения, обладает «феноменальной живучестью» и продолжает занимать господствующее положение в современной криминалистике?

¹ Кржижановский С.Д. Возвращение Мюнхгаузена // Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1991. С. 607.

Указанное выше «наркотическое» влияние теории отражения на криминалистов можно объяснить тем, что она, как и любая философская теория, помимо функции моделирования действительности обладает и такой функцией как эмоциональное воздействие на ее сторонников.

Мы живем в сложное время. «Современное общество все чаще называют «обществом риска», поскольку неопределенность и риск, и связанные с ними потенциальные угрозы не становятся меньше, а наоборот, возрастают. В условиях неопределенности и риска человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, позволяющей сравнивать различные варианты действий, и выбирать тот, который наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей»¹. Деятельность криминалиста также чаще всего осуществляется в проблемных условиях высокой неопределенности.

И тут на помощь приходит философская теория отражения, которая, как и вся философия, обладает особым терапевтическим действием. Идею «**философия есть терапия**» разрабатывает отечественный философ Н.В. Омельченко. В частности, Н.В. Омельченко отмечает: «История свидетельствует о том, что философия очень часто включала в себя терапевтический компонент. Вспомним, к примеру, Эпикура. В письме к Геродоту он говорит о самых важных положениях своей философии «для успокоения духа»².

«Если философские знания о сущности образуют для человеческого духа, по меткому слову Гегеля, «окна в абсолютное» (т.е. в бесконечное), то можно допустить, что именно благодаря этой связи отдельный человек способен обрести новое эмоционально-интеллектуальное состояние. Очевидно, реальная связь индивида с бесконечной сущностью бытия освобождает человека от тотального одиночества, позволяет ему увидеть иные смыслы существования и приоткрывает ему истину об актуальности его бессмертия»³.

¹ Диев В.С. Междисциплинарные проблемы и рациональные решения в «обществе риска»: новые возможности философии. С. 12.

² Омельченко Н.В. Философская рефлексия как терапия // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Басовой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 29.

³ Там же.

«Иначе говоря, мышление бесконечности наполняет нас бесконечностью. Благодаря философской рефлексии человек выходит за пределы ограниченного жизненного круга, трансцендирует себя за пределы повседневности. Надо полагать, что терапевтический эффект обеспечивается именно этим переходом человека в метафизическую реальность, в мир сущностных отношений. Мы вправе говорить о возможности философской терапии, или терапии человеческого духа с помощью философии»¹.

Указанный эффект усиливается, когда материалистическая диалектика (диалектический материализм) признается в качестве «единственной всеобщей» и «единственно научной» философии.

Многим по-прежнему кажется, что только философский подход обладает особой «магической силой», способностью возвыситься над противоречивым эмпирическим, претендовать на совершенство, вечность, стабильность, а также игнорировать фактор времени, особенности культуры, практику, индивидуальную субъективность и т.п.

Историк и философ физики Б.Г. Кузнецов остроумно отмечал: «История науки и философии присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое»².

В.П. Гриценко подмечает: «Философия по своей интенции есть элитарная деятельность: речь идет о миссии философии и философа размышлять о мире в целом и смысле бытия, о бесконечности и вечных ценностях. Размышляя о мире в целом, о жизни и смерти как таковых, о высших ценностях философ действительно проявляет себя как аристократ духа»³.

¹ Омельченко Н.В. Философская рефлексия как терапия // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Басовой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 29.

² Кузнецов Б.Г. Разум и бытие. М.: Наука, 1972. С. 4.

³ Гриценко В.П. Медиафилософия как практическая философия: философ как demiurge и медиум // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Басовой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 309.

Выступая в качестве гносеологического способа понимания внешнего мира и его познания, теория отражения также является образно-эмоциональным способом моделирования криминалистической реальности и в этом качестве обладает терапевтическим (или наркотическим) эффектом, несущим в себе мощный заряд **позитивного мироощущения**. Е.В. Петушкова связывает категорию отражения с «материалистической традицией когнитивного оптимизма»¹.

Простые и понятные (в том числе интуитивно) догматические общие философские рассуждения теории познания как отражения при их использовании в криминалистике формируют чувство познавательного (гносеологического) оптимизма, укрепляют веру (уверенность) в возможность обретения некоего жизненного смысла и познание некой глубинной сущности криминалистической деятельности, что и создает определенный психологический комфорт у сторонников этой теории.

Общеизвестно, что поддержание некоторых позитивных иллюзий способно оказывать благотворное влияние на успешность психической жизни. Так, положительная переоценка собственных возможностей оказывается незаменимой в сфере успешной деятельности: психически здоровые люди систематически склонны видеть себя в нереально позитивном свете, убеждают себя в возможности контролировать события вопреки объективно неблагоприятным обстоятельствам². Тогда как уменьшение веры в свободу собственной воли может приводить к заметному снижению готовности помогать другим, к возрастанию желания жульничать, к снижению самоконтроля и даже к агрессии³.

Соответственно, сама постановка вопроса о возможности отказа от господствующей в отечественной криминалистике догматической теории отражения способна не только

¹ Отражение. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом. 2003 // URL: http://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/17/newest_philosophical_dictionary.pdf (дата обращения: 15.05.2019).

² Кудашов В.И. Влияние когнитивистики на философское знание // Практическая философия: от классики до информационного социума: Сборник материалов Всероссийской конференции (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Басовой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 202.

³ Там же. С. 201.

вызывать напряжение внутри криминалистического сообщества, но и порождать у ее части острые переживания познавательной фрустрации.

В разделе «О взаимодействии философии и криминалистики» уже отмечалась характерная для отечественной криминалистики сильная зависимость от марксистско-ленинской философии, а также преувеличение ее роли для научного познания. Следует отграничивать собственно философское знание от научного (прежде всего, частнонаучного) знания, которое должно соответствовать общепринятым научным критериям.

Важно также отметить, что на первоначальном этапе своего использования в криминалистике философская теория отражения играла положительную роль, поскольку служила неким гносеологическим ориентиром для отечественных криминалистов, спланивала их, побуждала к более углубленному познанию окружающего мира. Слово «отражение» реализовывало свою коммуникативную функцию и относилось к числу ключевых слов в области философского и научного познания советской эпохи, использовалось практически во всех философских и научных текстах, превратилось в символ, производящий соответствующий эффект и возбуждающий определенные эмоции (чувства).

Будучи принадлежностью культуры мышления определенной эпохи, это слово продолжает претендовать в отечественной криминалистике на исчерпывающее описание старых и новых криминалистических явлений. В частности, это слово по-прежнему включается в большинство определений криминалистики. А использование теории отражения в отечественной криминалистике, как и признание существования особой «криминалистической теории отражения», превратилась чуть ли не в факт национальной криминалистической гордости.

При этом не замечается, что «отражение» – это понятие высокой степени абстракции и неопределенности, которое нельзя свести ни к одному из множества употребляемых значений и смыслов этого слова. Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что «отражение» в криминалистических текстах зачастую выступает в качестве «фантомного понятия».

Многие криминалисты не задумываются и, соответственно, не понимают, что часто используемое ими слово «отражение» является метафорой. Будучи заложенной в понятийной системе человека, эта метафора «проникает в повседневную жизнь, влияет на структурирование восприятия и мышления человека»¹, во многом предопределяет, моделирует наш образ мыслей, а, следовательно, наше восприятие действительности и поведение². А.П. Чудинов отмечает, что «в коммуникативной деятельности метафора - важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата»³, а «анализ метафорических образов - это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового (партийного, классового и др.) и национального самосознания»⁴.

«Этико-эмоциональная функция заключается в том, что, воздействуя на эмоции, метафора расставляет акценты, которые позволяют определить ценностные ориентиры. Эта функция является очень важной, поскольку выбор метафоры определяется системой ценностей автора; таким образом, эта функция перетекает в мировоззренческую функцию. Метафора служит формированию мировоззрения, то есть способствует формированию в сознании человека картины мира и системы ценностей, отношения к миру. С другой стороны, именно эта роль метафоры представляет и опасность в философском тексте, если исходить из предположения, что философия должна все-таки давать *объективное* знание»⁵.

Конструкция «познание – это отражение», формируя готовый образ с заложенными в него визуальными ассоциациями, оказывает манипулятивное влияние на сознание (подсознание) потребителя такой информации, предлагая считать это одним и тем же, а также порождая иные (побочные)

¹ Маликов И.Г. Концептуальная метафора в концептуальной системе и культуре европейского права // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 4. С. 42.

² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 26.

³ Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. С. 11-12.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Акишина Е.О., Мартишина Н.И. Метафоры в философских текстах // Омский научный вестник. 2009. № 5. С. 111.

иллюзии вследствие не критического восприятия проводимого сравнения.

Из метафоры «познание – это отражение» вовсе не следует, что отражение – это познание. Здесь нет тождества, а есть приравнивание или создание сходства, с которым можно лишь соглашаться или нет. В результате при использовании слова «отражение» часто и происходит метафорическая подмена названия одного явления (предмета, его качества, характеристики, свойства или действия) посредством приписывания его другому предмету. Как верно отмечает К.И. Алексеев, «в случае метафоры не существует единственного и правильного ее понимания; можно говорить лишь о более или менее адекватном, удачном понимании»¹.

Как ни странно, но именно такое качество метафоры отражения, основанное на сравнении (аналогии) конкретного и абстрактного, позволяет легче воспринимать абстрактное, связывать воедино научную и бытовую картину мира. Визуальный и эмоциональный эффекты указанной метафоры сродни наркотическому эффекту, поскольку способны затуманивать понимание, подменять установленную реальную аналогию (сходство, сравнение) невыясненной (иллюзорной, симулятивной), внушать определенное восприятие.

Поскольку «отражение» чаще всего ассоциируется с зеркалом, с зеркальным сходством отображаемого с отображением², не критически настроенный криминалист может воспринимать философскую метафору «отражение» не в собственно философском, а в узком значении (по толковому словарю), относясь, например, к раскрытию преступлений как процессу зеркального (прямого, непосредственного) отражения действительности. Таким образом, догматично понимаемая теория отражения в криминалистике способна создавать иллюзию простого понимания и объяснения сложного явления, каковым на самом деле является раскрытие преступления.

Н.С. Розов отмечает: «Пагубность теории отражения состоит именно в этой обманчивой простоте, провоцирующей

¹ Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 79.

² Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки. С. 115.

считать познавательный процесс прямым и пассивным, тогда как он является опосредованным и активным. Между суждениями и изучаемым фрагментом реальности всегда стоит третье, невидимое звено — модель, составленная из идеализированных объектов. Такая модель создается активным образом, именно к элементам модели относятся все теоретические суждения, хотя сознание исследователя может оставаться вполне наивным и натуралистичным — отождествляющим модель с реальностью»¹.

Многочисленные психолингвистические эксперименты, направленные на изучение процесса понимания метафоры, подтверждают, что буквальное значение метафоры всегда изначально включено в ее понимание»².

В Стэнфордском университете был проведен эксперимент, в котором было показано, что различия в метафорах, концептуализирующих преступления, «подсказывали» адресату разные сценарии борьбы с преступностью: в случае представления преступности как вируса респонденты акцентировали внимание на профилактике преступности, тогда как испытуемые, которым предлагалась метафора преступности как дикого зверя, были склонны выступать за репрессивные методы борьбы³.

Следует признать, что не все люди, включая и криминалистов, обладают способностью воспринимать или не воспринимать слово «отражение» в качестве метафоры.

В нынешнем своем виде традиционная теория отражения продолжает восприниматься как непогрешимая истина, хотя она способна формировать неполное (а значит, ложное) представление о реальности и ее познании.

Так, Д.А. Керимов явно преувеличивает значение философской теории отражения, когда утверждает о том, что «эта теория, воспроизводящая тончайший механизм человеческого мышления, не только обнаруживает несостоятельность агностицизма, но и играет чрезвычайно важную мето-

дологическую роль во всей системе наук, в том числе и в правоведении, ибо законодательство и его реализация суть не что иное, как отражение и чаще всего опережающее отражение объективной действительности, направляющее ее развитие»¹.

Если обратиться к современным результатам когнитивной науки, а также к реалиям нашей жизни, то почему-то возникают серьезные сомнения в способности теории отражения воспроизводить «тончайший механизм человеческого мышления», о котором говорил Д.А. Керимов.

В частности, когнитивные психологи констатируют: «Наиболее очевидно то, что наши представления о мире не обязательно идентичны его действительной сущности. Конечно, репрезентация информации связана с теми стимулами, которые получает наш сенсорный аппарат, но она также подвергается значительным изменениям. Эти модификации, очевидно, связаны с нашим прошлым опытом, результатом которого явилась богатая и сложная сеть наших знаний. Таким образом, поступающая информация абстрагируется (и до некоторой степени искажается) и затем хранится в системе памяти человека. Такой взгляд отнюдь не отрицает, что некоторые сенсорные события непосредственно аналогичны своим внутренним репрезентациям, но предполагает, что сенсорные стимулы могут при хранении подвергаться (и часто это так и есть) абстрагированию и модификации, являющимся функцией богатого и сложно переплетенного знания, структурированного ранее»².

Нынешние ортодоксальные криминалисты не видят исторического характера использования философской категории отражения в отечественной криминалистике, не признают ее устаревшим стереотипом познания реальности и «идеологическим речевым штампом». Прочно закрепившись в системе понятий, сложившейся в нашем сознании, метафора отражения продолжает влиять на видение ситуации, играет определяющую роль в упорядочивании воспринимаемой

¹ Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. С. 26.

² Аванесян М.О. Роль образов в понимании метафоры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 12. Выпуск 1. С. 33.

³ Будаев Э.В. Метафора и социальный мир // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 174.

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 101.

² Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 39.

нами реальности, способна управлять дальнейшим поведением, влияя на принятие решений¹.

Хотя теории отражения в отечественной криминалистической литературе было посвящено большое количество работ, однако в подавляющем своем количестве эти тексты имели преимущественно философский или публицистически-идеологический характер.

Теория отражения в криминалистике – это не просто теория, а своеобразный идеал, мечта о постижении сущности, символ уверенности (или веры) в объективность и всесторонность познания окружающей реальности. Неслучайно на религиозном языке вера – это и есть «истинное знание».

Незаметно для себя мы оказываемся в плену вербальной реальности, создаваемой теорией отражения, благодаря которой становится возможным появление того «пьянящего» ощущения якобы понимания некоей глубинной сущности процесса и результата познания, которое мы начинаем испытывать. У приверженца теории отражения возникает чувство психологического комфорта, типичное при встрече с чем-то хорошо знакомым. Т.А. Сытникова отмечает: «Всё, что связано с ежедневной деятельностью человека, что ему понятно и доступно, легко всплывает в памяти, запоминается и выстраивается в сознании те необходимые связи, которые в дальнейшем ложатся в основу номинации новых объектов»².

«Следовательно, метафора сводит философские идеи к простым очевидным истинам, понимание которых не требует специальных знаний»³.

Преступление, как событие прошлого, невозможно наблюдать в настоящем. Однако использование слова «отра-

¹ Битокова С.Х. Когнитивная концепция метафоры // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 112; Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Наука, 2009. С. 162.

² Сытникова Т.А. Особенности метафорической терминологической номинации англоязычной компьютерной технической терминосистемы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. Ч. I (Общественные и гуманитарные науки). 2008. № 38 (82). С. 339.

³ Зубкова О.С. Метафора в философской парадигме // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 1 (13) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-filosofskoy-paradigme> (дата обращения: 13.05.2019).

жение», обладающего способностью наглядной представленности, позволяет достигнуть эффекта визуальности описания преступления.

Нынешний вид криминалистического мышления, основанного на традиционной теории отражения, – это вид клишированного мышления, воспроизводящего (как заезженная пластинка) одного и того же, не обращающего никакого внимания на кардинально изменяющиеся условия деятельности.

Р. Солсо отмечает: **«Все, что мы знаем, неверно.** Удобно представлять себе различные элементы сенсорной системы в виде каналов, открытых для внешней реальности. Высшим уровням обработки доступны только те ощущения, которые обеспечиваются работой рецепторов, а поскольку восприимчивость этой системы ограничена, наши знания также неизбежно ограничены. Похоже, что мы преувеличиваем важность деталей физического мира, которые можем обнаружить, и недооцениваем важность тех, что нам недоступны или требуют специальных фильтров для преобразования. Как изменился бы наш взгляд на реальность, если бы мы могли видеть в инфракрасном диапазоне, но не могли бы видеть обычно воспринимаемую часть спектра? Не изменился ли тогда наш распорядок дня и ночи? Как бы это сказало на истории, торговле, моде, философии – на всем обществе, наконец? Но самое главное – как бы это повлияло на наши представления о реальности? Поскольку мы воспринимаем реальность через такие ограниченные (часто искажающие) каналы, то вынуждены заключить, что все, что нам известно, на самом деле неверно. Однако в пределах возможностей нашего сенсорного аппарата мы можем составить примерное описание того, как мы обрабатываем огромное количество информации, которую можем обнаружить, хорошо понимая, что реальность нашего непосредственного мира гораздо более разнообразна, чем мы можем ощутить»¹.

По словам Р. Солсо, «значительная часть когнитивных исследований касается того, как сенсорные системы и мозг искажают сенсорную информацию. Сейчас нам кажется, что информация, хранящаяся в нашей памяти, является лишь

¹ Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 99.

абстрактной репрезентацией действительности. Ключом к обработке сенсорной информации и ее когнитивной интерпретации, по-видимому, является абстрагирование информации. На сенсорном уровне информация очень определена, тогда как на уровне интерпретации она обычно абстрактна. Наше представление о мире возникает в результате интеграции того, что мы знаем (в абстрактном смысле), с тем, что мы ощущаем (в конкретном смысле)»¹.

Тем не менее, сформулированные Р.С. Белкиным в 60–70-е гг. прошлого столетия положения о понятии, содержании и системе общей теории советской криминалистики, продолжают базироваться на философской метафоре отражения. «Однако приверженность к метафоре может свидетельствовать о научной инерции – привязанности человека, общества к освоенному опыту, вызывающей постоянное отставание в освоении инноваций, снижение адаптивных возможностей, способности приспособиться к постоянно меняющейся ситуации в образовании. Инерция преодолевается лишь постоянной критикой опыта, причем массовой критикой метафор»².

Внедрение в криминалистику догматических положений теории отражения повлекло кардинальное изменение не только содержания и восприятия самой криминалистики, но и трансформацию массового сознания отечественных криминалистов, которое благодаря преклонению перед теорией отражения стало существующим как бы параллельно реальному миру, но декларируемым как развивающееся в «единственно правильном направлении».

Странное дело: не признавая на словах конструктивизм человеческого сознания, теория отражения сформировала в криминалистике утопические, но при этом позитивные (оптимистичные) представления о познании преступления, сконструировала иллюзорную модель реальности, имитирующую реальную жизнь, в которой действует криминалист.

Теория отражения формирует иллюзорное (упрощенное, примитивное), но весьма оптимистичное сознание и чувство того, что любое преступление может быть адекватно и точ-

¹ Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 100.

² Днепров С.А. Педагогический термин – метафора, понятие, категория // Педагогическое образование. 2008. № 3. С. 14.

но познано (раскрыто). Подчеркну – именно чувство. В результате этого вырастает огромная пропасть между позитивной гносеологической моделью и негативной реальной жизнью, «между словом и делом».

Получается, что советская теория отражения очень хороша «на бумаге», несмотря на ее многочисленные «нестыковки» и несоответствия с «реалиями уголовного права» (Г. Гросс), что, однако, не послужило основанием для ее опровержения (фальсификации) и лишения статуса непогрешимой. Как часто бывает в нашей стране, указанное противоречие «успешно» разрешается путем ссылки на универсальную конструкцию «диалектического противоречия».

Как справедливо отмечал М.Г. Ярошевский, «ссылка на диалектическое единство стала «палочкой-выручалочкой» во всех случаях, когда мысль не могла справиться с реальными трудностями выяснения связей между различными порядками явлений»¹.

К. Поппер отмечал неопределенность, туманность, расплывчатость, метафоричность и глубокоумную двусмысленность манеры речи, характерной для диалектиков, а также способность любое развитие подогнать под диалектическую схему².

А.А. Ивин признает диалектику в качестве одного «из основных средств оглушения человека коммунистического общества»³. «Существо дела в том, что диалектика необходима коммунистическому обществу как одно из непеременимых условий крепости идеологии и его стабильного существования. Именно поэтому она настойчиво внедряется в его мышление и достаточно естественно принимается им. Ее основная задача – связать весьма несовершенный нынешний мир с тем идеалом, к которому стремится данное общество, представить запутанное, противоречивое множество современных событий как последовательные ступени той – доступной лишь диалектическому разуму, но не слабому

¹ Ярошевский М.Г. Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки) // Репрессированная наука. Выпуск II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994. С. 27.

² Поппер К. «Что такое диалектика?» // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138.

³ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. С. 126.

человеческому рассудку – лестницы, которая ведет к коммунизму. Только диалектическое мышление, требующее не просто гибкости, а изворотливости в прилаживании абстрактных общих идей к конкретным ситуациям, настаивающее на непрерывном прогрессивном развитии не только в обществе, но даже в природе, не только не считающееся с требованиями формальной логики не допускать в мышлении противоречий, а, напротив, предполагающее их постоянное присутствие в природе, обществе, мышлении, способно внушить иллюзию, будто нынешняя социальная жизнь, какой бы скудной и несвободной она ни являлась, есть важный закономерный этап на пути строительства совершенного общества»¹. «Коммунистический человек удваивает мир и живет одновременно в двух мирах – в неустроенном настоящем и чрезвычайно отдаленном и, быть может, иллюзорном будущем мире. Связать эти миры, представить первый как непрерывное восхождение ко второму способно только диалектическое мышление»². «Внутренняя рассогласованность диалектического материализма ведет к тому, что для каждого явления оказывается возможным по меньшей мере два исключających друг друга объяснения»³.

«Пиетет к диалектике входил как необходимая составляющая в «символ веры» официального диамата, однако это нисколько не способствовало ее подлинному пониманию и правильности оценки, напротив, идеологизация отношения к диалектике в принципе препятствовала таковым»⁴.

А.А. Воронин говорит о парадоксальной перекройке сознания людей, когда оно «не отражает, а компенсирует бытие. Жить ужасно, а думать, что живется хорошо, стало привычкой»⁵.

«Концепция диалектического материализма соединяет в себе черты как абсолютного, так и относительного; как аристотелевской приверженности чему-то неизменному, непреложному и независимому, так и гераклитовской веры в су-

¹ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. С. 177-178.

² Там же.

³ Там же. С. 180.

⁴ Швырев В.С. Как нам относиться к диалектике? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 152.

⁵ Воронин А.А. Советский человек // Телескоп. 2016. № 2 (116). С. 17.

ществование постоянных изменений. Для сторонников и защитников диалектического материализма соединение названных противоположных черт или тенденций является свидетельством гибкости, силы и истинности этой концепции, а для противников – свидетельством его двусмысленности, туманности и ошибочности»¹.

Тем не менее, претензия диамата на роль единственного источника объективных и истинных знаний о природе, человеке и обществе не оправдалась, поскольку не смогла уберечь от различных «эксцессов» (репрессий, нападков на теорию относительности и квантовую механику, запрета генетики и кибернетики, хаоса 90-х и т.п.).

Важно отметить, что у нас в стране вообще очень удобной стала следующая «иезуитская» (или диалектическая) схема рассуждений при рассмотрении проблемы низкой раскрываемости преступлений. Так, согласно гносеологической точке зрения, может быть раскрыто каждое преступление, а согласно практической точки зрения – не каждое.

В январе-декабре 2018 года было зарегистрировано 1 991 532 преступления². Не было раскрыто 860,4 тысяч зарегистрированных преступлений³. Кроме того, правоохранители относительно сознательно укрывают около 2 млн. преступлений, т.е. примерно столько же, сколько и регистрируется⁴.

Президент России В.В. Путин повышение уровня раскрываемости преступлений отнес в 2019 году к «ответственной задаче» органов внутренних дел: «Прежде всего, важно планомерно повышать уровень раскрываемости преступлений. На это должны быть направлены все ресурсы, оперативно-следственные и технические возможности органов внутренних дел. Говорю об этом в последние годы

¹ Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 29.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. М.: ГУ правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ, 2019. С. 5.

³ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. М.: ГИАЦ МВД РФ, 2019. С. 5.

⁴ Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет / М. Шклярчук, Д. Скугаревский, А. Дмитриева, И. Скифский, И. Бегтин. СПб.; Москва: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2015. С. 49.

постоянно, регулярно, практически на каждой коллегии МВД, однако положение дел меняется здесь медленно. И в 2018 году, как и в предыдущие годы, практически каждое второе преступление осталось нераскрытым. Прошу вас серьезно подумать о том, какие реальные шаги следует предпринять для кардинального улучшения ситуации»¹.

Помимо проблемы раскрываемости преступлений не менее остро стоит проблема латентной преступности, цифра которой составляет, по отдельным оценкам, не менее 20 млн². «Концепция латентной преступности акцентирует внимание еще на одной проблеме – выявляемость преступлений. Речь идет о тех общественно опасных деяниях, которые остались никому неизвестными, кроме преступника, а также о преступлениях, пострадавшие от которых не имеют возможности сделать соответствующее заявление. Работа правоохранительных органов по выявлению латентных преступлений не менее значима, чем их борьба за повышение процента раскрываемости. Соответственно, разработка методов выявления латентных преступлений – основа повышения уровня эффективности деятельности оперативных служб правоохранительных органов. А коэффициент латентности может служить ориентиром для определения актуальности научных разработок. Чем выше коэффициент латентности определенного вида преступности, тем больше число невыявленных преступлений этого вида. Следовательно, тем более актуальной является разработка или совершенствование методики выявления данного вида преступлений»³.

В свою очередь, А.А. Эксархопуло даже сформулировал следующий, по его словам, «максимально общий криминалистический закон» (или «фундаментальный криминалистический закон»): «Не существует принципиально не раскрываемых преступлений»⁴. Хотя при этом он же отмечает, что

¹ Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. 28.02.2019 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 13.05.2019).

² Иншаков С.М. Парадигма криминологии и уголовная политика // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 318.

³ Там же. С. 321.

⁴ Эксархопуло А.А. Криминалистическая теория: сущность, структура, компонентный состав // Криминалист первопечатный. 2015. № 11. С. 17.

«значительная часть преступлений сегодня действительно остаются нераскрытыми, в том числе по объективным, не зависящим от воли следователя или иного субъекта процессуального познания причинам»¹. А.А. Эксархопуло уверен в том, что «не следует путать понятия «нераскрытые» и «принципиально нераскрываемые» преступления»².

Не сложно заметить, что указанный подход А.А. Эксархопуло к названной проблеме носит преимущественно гносеологический (философский, абстрактный, предельно общий) характер. Преувеличение значимости гносеологического подхода как раз и характеризуется наркотическим (терапевтическим, оптимистическим и т.п.) эффектом влияния теории отражения на современных отечественных криминалистов. А.С. Александров в довольно резкой форме называет суждение о том, что не существует нераскрываемых преступлений, «дурацким оптимистическим пафосом»³.

Важно четко различать гносеологические и практические вопросы получения достоверного знания, а также ограничивать их от вопросов веры (уверенности, убежденности или ожиданий) в возможности их получения (и истинности).

Указанная проблема может быть точно описана следующей русской народной пословицей: «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним – ходить». Получается, что исследователи, увлекаясь гносеологической (философской) стороной проблемы, не задумываются или не учитывают возможных трудностей реального познания.

Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский констатируют: «Следовательно, результатом познания в реальной процессуальной практике может быть как установление истины, так и невозможность ее установления»⁴. Возможные трудности практического познания получили закрепление в ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации («Неустрашимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого»).

¹ Эксархопуло А.А. Криминалистическая теория: сущность, структура, компонентный состав // Криминалист первопечатный. 2015. № 11. С. 21.

² Там же.

³ Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики // URL: <http://www.iaaj.net/node/342> (дата обращения: 13.05.2019).

⁴ Воскобитова Л.А., Пржиленский В.И. Эволюция понятия факта: проблемы юридического познания и правоприменительной практики. С. 787.

Ю.А. Ляхов почему-то убежден в следующем: «По нашему мнению, несмотря на предпринимаемые сегодня попытки в науке уголовного процесса выхолостить его содержание, лишить цели и социальной значимости, реальность в России такова, что уголовно-процессуальное доказывание осуществляется в соответствии с материалистической теорией познания»¹.

Складывается такое ощущение, что мы с Ю.А. Ляховым живем в разных государствах, поскольку в моей стране не раскрывается почти половина всех зарегистрированных преступлений; уровень латентной преступности достиг чудовищных размеров; имеют место многочисленные факты укрытия от учета преступлений; увеличивается срок содержания обвиняемых под стражей; отмечаются многочисленные случаи применения насилия, унижения достоинства со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также незаконного возбуждения уголовных дел и вынесения обвинительных приговоров по спровоцированным преступлениям² и т.д. В моей стране степень распространения случаев решения экономических споров с использованием незаконного уголовного преследования предпринимателей достигла такого уровня общественной опасности, что Федеральный закон от 19 декабря 2016 г. № 436-ФЗ внес изменения ст. 299 Уголовного кодекса «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела».

А.А. Эксархопуло заявляет о «тотальном обвинительном уклоне всего отечественного судопроизводства, ставшего привычной повседневной практикой не только следствия, но и суда»³.

Не сложно также заметить, что у Ю.А. Ляхова имеется некое обезличенное уголовно-процессуальное доказывание, которое осуществляется неким гносеологическим

¹ Ляхов Ю.А. Агностицизм не может быть в основе справедливого судопроизводства // Государство и право 2018. № 11. С. 128.

² Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год. М., 2015. С. 57-58.

³ Эксархопуло А.А. Реализация идей криминалистической методики в гипотетической структуре досудебного производства // А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин Криминалистика: история и перспективы развития: монография. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 162.

субъектом в соответствии с материалистической теорией познания¹. По всей видимости, в жилах этого гносеологического субъекта познания течет не кровь, а «сок разума». Впрочем, в схеме «акта отражения» Р.С. Белкина вообще отсутствует субъект познания.

А каков же на самом деле реальный субъект? Как отмечает А.Ф. Волинский, «по всем основным показателям качественный состав следователей СК РФ и МВД России не внушает чувства оптимизма», а «профессиональная беспомощность компенсируется порой грубыми нарушениями законности»².

Думается, что безвинно осужденным гражданам не станет легче от того, что по их делам, по словам Ю.А. Ляхова, «практические трудности установления истины по делу, реализация возможностей ее установления отнюдь не должны ставить под сомнение гносеологическую основу познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве»³.

Таким образом, для исследований в области отечественной криминалистики, впрочем, как и уголовного процесса, характерно «застревание» в рамках преимущественно гносеологических соображений, которые, несмотря на свою важность, все-таки носят односторонний (упрощенный, абстрактный) характер. Пора, наконец-то, перестать преувеличивать значение гносеологического (философского) аспекта познания в ущерб его частнонаучным аспектам. Применительно к криминалистике это означает следующее: специальные вопросы (проблемы) криминалистики не могут быть решены только в границах гносеологических (философских) рассуждений.

Практические работники, в отличие от ученых, занимаются не теоретизированием (производством идей, поиском закономерностей), а повседневной (рутинной) работой, чаще всего базирующейся не на абстрактных гносеологических идеях, а на обыденных знаниях и жизненном опыте.

¹ Ляхов Ю.А. Агностицизм не может быть в основе справедливого судопроизводства. С. 128.

² Волинский А.Ф. Кто в России правит судебной-правовой реформой // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова). Сборник материалов 55-х криминалистических чтений. В 2 ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 144.

³ Ляхов Ю.А. Агностицизм не может быть в основе справедливого судопроизводства. С. 129.

С учетом изложенного, возникают следующие обоснованные вопросы: большинство отечественных ученых-криминалистов предпочитает исследовать реальный мир или убежать от изучения реальных проблем в мир абстрактных рассуждений, в мир симулякров? Криминалисты будут выяснять, как в действительности устроен этот мир, или продолжат использовать иллюзорные представления о нем? Будем ли мы и дальше использовать понятия, которые не имеют под собой реального содержания? Будем продолжать рассуждать о проблемах или приступим к их успешному решению на практике? и т.п.

«Отечественные философы стали признавать, что провозглашенный в классической методологии науки идеал объективности является скорее регулятивной идеей, нежели реально достижимым качеством научного знания. Идеи, выдвинутые в рамках аналитической философии, феноменологии и прагматизма, привели к появлению неклассической эпистемологии, которая показала, что классические идеалы науки основываются не на рациональных аргументах, а на образах и метафорах. Применение методов философско-лингвистического анализа, герменевтики и семиотики позволило подвергнуть критике классические формулы и дефиниции, до сей поры казавшиеся очевидными и интуитивно ясными. Именно поэтому пришлось пересмотреть понятия факта, действительности, соответствия и многие другие базовые понятия и категории теории познания»¹.

Как уже отмечалось, среди криминалистов также глубоко укоренился идеологический миф об особом превосходстве советской и нынешней отечественной криминалистики, благодаря ее основе на диалектической теории познания как отражения, признаваемой в качестве «единственной прогрессивной» методологии. Так, Е.У. Зицер писал: «Советские ученые могут успешно развивать каждый свою область знания, благодаря тому, что они владеют единственно правильным научным методом – методом диалектического материализма»².

¹ Пржиленский В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия // *Lex Russica* (Научные труды МГЮА имени О.Е. Кутафина). 2013. № 4 (Том LXXVII). С. 355.

² Зицер Е.У. Возникновение и развитие советской криминалистической экспертизы // *Ученые записки МЮИ*. Выпуск IV. М., 1948. С. 144.

Н.В. Терзиев отмечал, что «общим методом советской криминалистики, как и всех наших наук, является метод материалистической диалектики – единственный общий метод криминалистики»¹.

А.И. Винберг и Р.С. Белкин также «клялись в верности» диалектическому материализму: «Базой для построения общей теории криминалистики и применения ее рекомендаций в практике служит марксистско-ленинская методология»². К ним присоединяется и А.Ю. Головин, полагающий, что именно диалектический метод лежит в основе всех криминалистических научных исследований, являясь всеобщим методом этой науки³.

«Когда диалектический материализм характеризуется как единственно научная и самая передовая философия, как высшая форма мировоззрения, дающая всецело правильные, научные ответы на все важнейшие философские вопросы, как единственно правомочный выразитель умонастроений, философских взглядов передовых общественных сил, классов, в этом нельзя не видеть таких «ненаучных» явлений, как явные проявления метафизичности, налета догматизма или, как говорил Н.А. Бердяев, своеобразной теологии»⁴.

А.М. Ларин справедливо констатировал: «Кое-кто пытался убедить себя и других, будто и в самом деле без диамата следователь ничего не поймет на месте происшествия»⁵.

И.Т. Кривошеин справедливо отмечал: «На всем протяжении существования советской науки диалектический материализм, диалектический метод поддерживались и охранялись от отклонений политико-идеологическими «линиями», высказываниями «авторитетов» от партикулярной элиты, революционными (насильственными) мерами, содержащими как прямые, так и скрытые угрозы в адрес исследователей, позволивших себе усомниться в значимости диалектического

¹ Цит. по: Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. Научно-практическое и учебное пособие. М.: БЕК, 1996. С. 29.

² Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридлит, 1969 С. 3-4.

³ Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография. Под общ. ред. Н.П. Яблокова. М.: ЛексЭст, 2002. С. 14.

⁴ Рачков П.А. Что есть что (о приключениях диалектического материализма). С. 28.

⁵ Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. С. 97.

материализма, указывавших на его недостатки, ставивших под сомнение его необходимость для общества в целом»¹.

«Философия диалектического материализма идентифицировалась как идеология построения социалистического общества, как идеология нового владельца общества. В этом глубинный ее смысл, этим, в конечном итоге, определяется ее тотальная защита. Приоритет политико-идеологических оценок перед прочими не был случайным. Философия диалектического материализма, диалектического метода есть фундамент, орудие классово-идеологической, революционной борьбы пролетариата за свержение буржуазного строя, за освобождение пролетариата от эксплуатации, за обладание собственностью»².

«Под влиянием философии диалектического материализма формировалась и вызревала культура мышления, интеллектуальная ментальность, научно-познавательные традиции, определялись научно-познавательные перспективы развития научного знания. Наука поделилась на идеалистическую (буржуазную) и материалистическую (социалистическую), на науку правильную и неправильную, на науку достойную соответствовать высокому статусу науки и недостойную»³.

С 1970 года Р.С. Белкин активно убеждал отечественных криминалистов в следующем: «Необходимо, чтобы общая теория базировалась на принципах ленинской теории отражения, имеющих значение научного мировоззрения и выражающих «диалектику вещей» как основу «диалектики идей»⁴. Благодаря его стараниям теория отражения плотно вошла в «тело» советской криминалистики, создав для ее последователей состояние «методологической эйфории».

Однако триумф теории отражения в криминалистике, обусловленный главным образом идеологическими причинами, обернулся обманутыми ожиданиями (верованиями)

¹ Кривошеин И.Т. Диалектический материализм в формировании мировоззренческой стратегии криминалистики (статья первая) // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 11 (62). Серия: Гуманитарные науки (юриспруденция). С. 103.

² Там же.

³ Там же. С. 104.

⁴ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 49.

криминалистов, связанными с необоснованными претензиями этой философской теории на роль единственного, «подлинно научного» и т.п. источника (инструмента, ключа, «универсальной отмычки») получения объективных и истинных знаний.

Реальный мир вовсе не такой, каким он нам кажется. Следует избавляться от излишней уверенности (или самоуверенности), внушенной отечественным криминалистом Р.С. Белкиным и его последователями, что используемые в криминалистике философские идеализации диамата, и прежде всего теории отражения, являются тождественными объектам изучаемой реальности («единственно верно отраженными») и способными напрямую решать различные проблемы практического порядка, возникающие при раскрытии преступлений в каждом конкретном случае. Структура научного знания не обязательно является следствием (результатом) структуры исследуемого объекта, что предполагает принципиальную возможность одновременного существования различных истинных репрезентаций (теорий) одного и того же объекта.

«Преодоление тотального господства одной (любой) доктрины – это, по существу, не только идеологическое, но и методологическое требование для философии познания XXI в.»¹.

Теория отражения должна избавиться от своего «привилегированного положения» в отечественной криминалистике и занять скромное, но вполне достойное место среди других многочисленных теорий познания, например, среди критического реализма, конструктивного реализма и др. При этом не нужно отождествлять приверженность теории отражения с реализмом вообще, а отказ от теории отражения – к скатыванию к идеализму. Полагаю, что все современные криминалисты, в том числе критикующие или не разделяющие положений теории отражения, считают себя реалистами. Реалист – тот тот, кто верит в существовании реальности за границами сознания.

Отечественным криминалистам нужно менять стиль мышления. «Стиль мышления эпохи или культуры – это как

¹ Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание: монография. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С. 60.

бы ветер, господствующий в эту эпоху или культуру и непреодолимо гнущий мышление всех, живущих в данный период, в одну и ту же сторону. Ограничения, диктуемые стилем мышления, почти не осознаются и не подвергаются исследованию теми, кто его разделяет. Только новое время и новая культура, вырабатывающие собственное, более широкое теоретическое видение, начинают замечать то массовое летаргическое состояние, которое сковывало умы предшественников, ту общую, или, как говорят, систематическую ошибку, которая сдвигала и искажала все»¹.

Критика нынешней парадигмы отечественной криминалистики как раз и направлена на изменение стиля мышления криминалистов, связана с критикой ее основного положения о том, что только теория отражения является единственной философской, теоретической и практической основой (фундаментом) криминалистики.

Без осознания методологического кризиса отечественной криминалистики конца XX - начала XXI столетия невозможен дальнейший критический пересмотр ее устаревших методологических основ, разработанных еще в советский период и базирующихся на марксистско-ленинской философии (марксистско-ленинском мировоззрении).

«Но мировоззрение как ключевое звено в сознании достаточно консервативно: оно продолжает аккумулировать в себе приверженность к прошлому, одобрение и критику настоящего и неуверенность в будущем, вернее, в способах реализовать цели, намерения и интересы»².

Имеются основания усомниться в оптимистичном мнении А.Ф. Волынского, утверждавшего, что Р.С. Белкину «как никому другому из отечественных ученых криминалистов, удалось под десятилетия накапливаемый эмпирический материал подвести научно обоснованную, методологически выверенную теоретико-философскую базу, а на ее основе представить трудно опровержимые (если и опровержимые)

концептуально важные выводы о базисных категориях и понятиях этой науки (предмет, природа, система и т.п.)»¹.

Не просто, а порой и болезненно, приходится расставаться с привычными, удобными, но иллюзорными и устаревшими стереотипами (мифами). Такой выбор – это личное дело каждого человека. Как справедливо говорил Т.И. Ойзерман, «каяться никогда не поздно, и никогда не поздно продолжать свои заблуждения»².

¹ Волынский А.Ф. Мировоззрение как доминанта научного подвига Рафаила Самуиловича Белкина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. Выпуск № 5 (34). С. 53.

² Ойзерман Т.И. К вопросу о знаменитом тезисе Канта: «...мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере...» // Кантовский сборник: Межвуз. темат. сб. науч. тр. Вып. 25. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 8.

¹ Ивин А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. С. 26.

² Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. С. 65.

Оглавление

Введение.....	3
1. Мифы и мифотворчество в криминалистике.....	17
2. Об используемых методологических подходах при изучении творчества Р.С. Белкина.....	36
3. Р.С. Белкин – выдающийся отечественный криминалист, но не пророк.....	53
4. Особенности становления профессиональной биографии Р.С. Белкина.....	78
5. Почему у Р.С. Белкина появился интерес к философии?.....	99
6. Взгляды Р.С. Белкина о категории «отражение» в криминалистике.....	122
7. Мнения криминалистов и процессуалистов о категории «отражение» до 1970 года.....	156
8. Современные поклонники теории отражения в отечественной криминалистике.....	172
9. Критика «белкинской» теории отражения современными криминалистами.....	188
10. Слово «отражение», его возможные значения и смыслы.....	206
11. Метафора отражения и ее использование в криминалистике.....	239
12. О взаимодействии философии и криминалистики..	265
13. «Наркотический эффект» теории отражения в отечественной криминалистике или вместо заключения.....	299

В.Ю. Сокол

**Затянувшийся триумф
теории отражения
в отечественной криминалистике**

монография

ISBN 978-5-600-02500-4

9 785600 025004
ISBN 978-5-600-02500-4

УДК 343.98
ББК 67.52

Отпечатано с готового оригинал-макетов типографии АСВ ПОЛИГРАФИЯ
г. Краснодар, ул. 40-летия Победы, 10

Формат бумаги 60x84 1/16.
Гарнитура шрифта «Time New Roman».
Объем 20,3 п.л. Тираж 500 экз. Заказ № А-178.